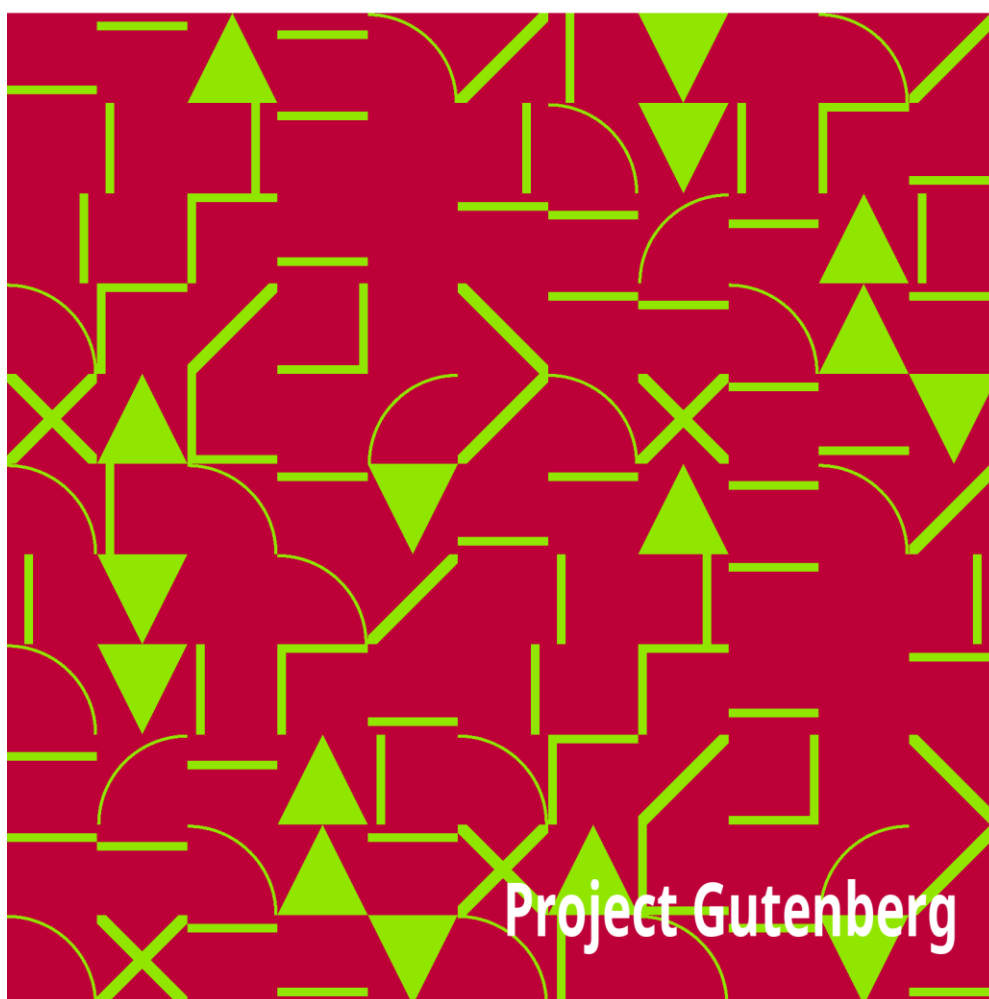

Чтения по истории образования. Средневековые университеты

Артур О. Нортон

Readings in the History of Education: Mediaeval Universities

Arthur O. Norton

The Project Gutenberg eBook of Readings in the History of Education: Средневековые университеты

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Title: Readings in the History of Education: Средневековые университеты

Автор: Артур О. Нортон

Дата выхода: 9 февраля 2005 [eBook #15005].

Последнее обновление: 14 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Дэвидом Старнером, Гарретом Аллеем и группой онлайн-распределенной корректуры

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK READINGS IN THE HISTORY OF EDUCATION:
MEDIAEVAL UNIVERSITIES ***

Подготовлено Дэвидом Старнером, Гарретом Аллеем и группой онлайн-распределенной корректуры.

Proofreading Team.

ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

АРТУР О. НОРТОН

Доцент кафедры истории и искусства преподавания в Гарвардском университете

КЭМБРИДЖ

ИЗДАНО ГАРВАРДСКИМ УНИВЕРСИТЕТОМ

1909

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти чтения по истории средневековых университетов являются первой частью серии, которую я задумал с целью проиллюстрировать, в основном на основе источников, историю современного образования в Европе и Америке. Они предназначены для использования по аналогии с источниками или сборниками документов, которые так значительно улучшили преподавание всеобщей истории в последние годы. Нет необходимости доказывать важность такой коллекции для эффективного преподавания истории образования; но я бы настоял на том, что этот предмет требует в особой степени богатых и полных иллюстраций из источников. Жизнь школы, колледжа или университета разнообразна, ярка, даже

драматична, пока мы ее проживаем; но, как только она проходит, она становится более тонкой и призрачной, чем почти любой другой исторический факт. Его оригинальные записи, по совести говоря, достаточно тонки; ситуация становится еще хуже, когда их обрабатывают в третью или четвертую руку, сглаживают, разглаживают и высушивают на страницах современной истории образования. Такие истории, конечно, необходимы для эффективного преподавания предмета; но только записи могут облечь сухие кости фактов в плоть и кровь. Только обращаясь к ним, мы обретаем чувство личной близости к прошлому; только так мы можем осознать, что школы и университеты других дней были не менее реальными, чем сегодняшние, учителя и студенты других поколений не менее живыми, чем мы, академические вопросы не менее нерешенными и не менее горячо обсуждаемыми. Ощущение конкретной, живой реальности в истории образования - один из важнейших шагов к пониманию предмета.

Отбирая и систематизируя представленные здесь материалы, я имел в виду главным образом потребности студентов, которые проходят обычные вводные курсы по этому предмету. Студенты, изучающие всеобщую историю - предмет, в котором все большее внимание уделяется культуре в широком смысле этого слова, - также могут найти их полезными.

В рамках неизбежно ограниченного пространства я решил проиллюстрировать несколько аспектов истории средневековых университетов, а не рассматривать вкратце большое количество тем. Многие важные вопросы, не затронутые здесь, оставлены для будущего рассмотрения. Некоторые документы, имеющие отношение к обсуждаемым здесь темам, не воспроизводятся, поскольку их легко найти в других местах; они упомянуты в библиографическом примечании в конце тома.

При написании описательного и пояснительного текста я попытался лишь указать на общее значение переводов и предоставить информацию, которую нелегко получить или которая не дана в справочниках или учебниках, которые, как предполагается, студент будет читать в связи с этой работой. Можно было бы написать комментарий подлинно средневекового масштаба к приведенным здесь подборкам; несомненно, многие детали были бы более понятны для такого комментария. Некоторые из них поясняются перекрестными ссылками в тексте; в основном, однако, я предпочел оставить документы в том виде, в каком они представляются обычному читателю.

Я уделил особое внимание университетским занятиям (с. 37-80) и университетским упражнениям (с. 107-134), поскольку эти важные предметы необычайно трудны для большинства студентов и потому, что до сих пор на английском языке было удивительно мало иллюстраций к ним из источников. В частности, я полагаю, что до сих пор не было перевода ни одного значительного отрывка из много обсуждаемых и много критикуемых средневековых комментариев к университетским учебникам. Приведенная здесь подборка (с. 59-75) не предназначена для постоянного чтения, но она вполне заслуживает внимательного и неоднократного изучения. Нередко отдельные предложения этого комментария оказываются выходом из целых томов средневековых мыслей и споров; действительно, тот, кто до конца проследит каждую из предложенных линий исследования, получит в свое распоряжение весьма солидный объем знаний об интеллектуальной жизни средневековья. Этот отрывок требует больше объяснений со стороны учителя или больше предварительных знаний со стороны ученика, чем любая другая подборка в этой книге.

Источники, из которых были сделаны подборки, указаны в сносках к тексту. Моя большая заслуга перед "Университетами Европы в средние века" мистера Гастингса Рашдалла также

указана там. Господа G.P. Putnam's Sons и Джозеф Маккейб великодушно разрешили мне процитировать более обширные отрывки из блестящей биографии Абеяра, чем я в итоге счел возможным использовать. Мистер Чарльз С. Мур был моим главным помощником в подготовке рукописи; большинство переводов, не указанных в других источниках, являются заслугой его тщательной работы, но я несу ответственность за окончательно принятую версию в многочисленных отрывках, в которых интерпретация зависит от знания подробных исторических фактов. В заключение я должен поблагодарить профессора Чарльза Х. Хаскинса и профессора Лео Винера за информацию, которая избавила меня многих дней исследования неясных деталей, и профессора Пауля Х. Хануса за предложения, которые способствовали ясности текста.

А.О.Н.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦА I. ВВЕДЕНИЕ 1

II. РЕНЕССАНС ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКА 4

III. ВОЗНИКНОВЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ 13

1. Учителя и ученики двенадцатого века
 - (a) Абеяра 13
 - (b) Иоанн Солсберийский 25
2. Новый метод 35
3. Новые исследования 37
 - (a) Труды Аристотеля 40
 - (b) Римское право 49
 - (c) Каноническое право 55
 - (d) Теология 76
 - (e) Медицина 78
 - (f) Другие университетские учебники 78
4. Университетские привилегии 80
 - (a) Особая защита со стороны государя 81
 - (b) Право разбирательства в специальных судах 86
 - (c) Освобождение от налогов 88
 - (d) Привилегия приостановки лекций (Cessatio) 92
 - (e) Право преподавания повсюду (Jus ubique docendi) 96
 - (f) Привилегии, предоставляемые муниципалитетом 98
 - (g) Влияние средневековых привилегий на современные университеты 101
5. Университеты, основанные по инициативе гражданских или церковных властей 102

IV. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ЗАНЯТИЯ 107

(a) Лекция 107 (b) Диспут 115 (c) Экзамен 124 (d) Рабочий день в 1476 году 132 (e) Расписание лекций в Лейпциге, 1519 год 132

V. ТРЕБОВАНИЯ К СТЕПЕНЯМ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВ 135

1. Париж, 1254 г. 136 2. Париж, 1366 г. 138 3. Оксфорд, 1267 и (?) 1408 138 4. Лейпциг, А.В., 1410 139 5. Лейпциг, А.М., 1410 139 6. Лейпциг, А.В. и А.М., 1519 134

VI. АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПИСЬМА 141

1. Письма, относящиеся к Парижу 141 2. Два оксфордских письма пятнадцатого века 149

ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

I

ВВЕДЕНИЕ

История образования, как и все другие отрасли истории, основывается на документах. Исторические документы - это, в общем, "следы, оставленные мыслями и действиями людей прежних времен"; этот термин обычно относится к оригинальным записям или *источникам*, из которых мы черпаем знания об исторических фактах. Документы, которые чаще всего используют историки, являются письменными или печатными. Только в истории образования они наиболее разнообразны; как показано на следующих страницах, к ним относятся университетские уставы, протоколы, правила, лекции, учебники, уставы студенческих организаций, личные письма, автобиографии, современные рассказы об университетской жизни, а также законы, принятые гражданскими или церковными властями для регулирования университетских дел. Подобные документы существуют и для других учебных заведений и видов деятельности. Огромные массы таких письменных или печатных материалов, выпускаемых в наши дни, вплоть до тетради для начальной школы и студенческой тетради для записей лекций в колледже, если они сохранятся, станут документами для будущего историка образования.

Известные источники по истории образования в Западной Европе с XII века, если не заходить дальше, чрезвычайно многочисленны и широко распространены в различных государственных и частных коллекциях; вряд ли хватило бы труда всей жизни, чтобы критически изучить их все. Тем не менее многие печатные и письменные документы были собраны, отредактированы и опубликованы на языках оригинала, и в некоторых случаях эти коллекции достаточно полны или, по крайней мере, достаточно репрезентативны по отношению к существующим документам. Если предположить, что они являются точными копиями оригиналов, то многие из них теперь легко доступны для студентов, изучающих предмет, поскольку эти репродукции могут иметься во всех крупных библиотеках.

Эти документы, как справедливо полагают, имеют гораздо больший интерес, чем просто антикварный. История средневековых университетов имеет огромное значение не только для студентов, но и для администраторов современного высшего образования. Ведь в удивительной степени на ежедневное и ежечасное ведение университетских дел в двадцатом веке влияет то, что университеты делали шесть веков назад. По этому поводу можно привести слова г-на Гастингса Рашдалла, ведущего авторитета в области средневековых университетов, весьма поучительны: "... Если мы хотим полностью понять значение должностей, титулов, церемоний, организаций, сохранившихся в самых современных, самых практичных, самых неживописных учреждениях, которые сейчас носят имя "университет", мы должны вернуться к самым ранним дням самых первых университетов, которые когда-либо существовали, и проследить историю их главных преемников на протяжении семи веков, которые прошли между возвышением Болоньи или Парижа и

основанием нового университета Страсбурга в Германии или университета Виктории в Англии."

Однако знание предмета должно дать гораздо больше, чем просто понимание: оно должно влиять на практическое отношение тех, кто занимается университетскими делами. Здесь я не согласен с теми историками, которые считают, что история не дает "информации, имеющей практическое значение для ведения жизни", не дает "уроков, непосредственно полезных для отдельных людей и народов". Здесь невозможно привести доказательства, но, как известно, такая информация имеет огромное практическое значение для образования, как в формировании влиятельных теорий, так и в определении даже мельчайших деталей образовательной практики. Нет никаких оснований полагать, что она и впредь не будет столь полезной. Другие полезные свойства университетской истории менее непосредственны, но не менее важны. Изучение отдельных институтов и их различных обстоятельств и проблем "готовит нас к пониманию и терпимости к разнообразию использования"; изучение их роста не только "излечивает нас от болезненного страха перед переменами", но и заставляет нас рассматривать их постепенную адаптацию к новым условиям как необходимую и желательную. Если такое исследование преподносит только эти два урока тем, кто в будущем будет определять ход образовательных дел, оно более чем оправдывает себя. Ибо искоренить нетерпимость к разнообразию в образовательной практике, столь характерную для академического человека прошлого, и уменьшить в будущих поколениях его столь же характерное противодействие изменениям, связанным с адаптацией к новым условиям, - значит оказать одну из величайших возможных услуг прогрессу образования.

II

РЕНЕССАНС ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКА

В двенадцатом веке в Западной Европе после нескольких столетий интеллектуального упадка или относительного бездействия наступило великое образовательное возрождение. Хотя его начало можно проследить до XI века, а кульминация относится к гораздо более позднему периоду, это движение часто называют Ренессансом XII века. В этом столетии оно впервые проявляется как широко распространенное и быстро растущее движение, а затем приобретает отчетливые черты, которые характеризуют его последующее развитие. Возрождение появляется сначала в Италии и Франции; из этих регионов оно распространяется в течение следующих трех столетий в Англию, Испанию, Германию, Данию, Швецию и Шотландию.

Некоторые факты, касающиеся этого образовательного Ренессанса, должны быть ясно поняты в связи со следующими подборками:

1. Для людей того времени он сначала проявился как возобновление деятельности в существующих школах. То тут, то там появлялись выдающиеся учителя; к ним стекалось все большее количество учеников со все больших и больших расстояний. Через несколько лет некоторые из этих учебных заведений стали школами с мировой известностью. Вновь пробудившийся энтузиазм к обучению во Франции в начале двенадцатого века современный писатель описывает так:

Схоластическая лихорадка, которая вскоре должна была охватить молодежь всей Европы, уже началась. Невозможно было далеко проехать по неровным дорогам Франции, чтобы не встретить пешего ученого, направляющегося в ближайший большой монастырь или соборный город. Правда, до этого существовала продуманная система доставки из города в город, организация посыльных между замком и школой; но в прежние времена, а в какой-то

степени и позже, ученый бродил пешком по протяженным провинциям Франции. Разбойники, часто состоящие на службе у владыки, кишели в каждой провинции. Безопаснее всего было облачиться в грубую фризую тунику пилигрима без карманов, прицепить к поясу маленькие восковые таблички и стилус, пристегнуть к спине кошелек с хлебом, травами и солью и посмеиваться над нервными людьми, выглядывающими из своих карет из-за изгороди, утыканной пиками и кинжалами. Немногие монастыри отказывали странствующему ученому в еде или грубой постели. Редко кто брал плату за урок. Остальные не были слишком горды, чтобы заработать несколько су, подметая, или черпая воду, или развлекаясь игрой на тростниковой флейте, или нося списанные туники своих хозяев[1].

Этот рассказ относится к изучению логики и теологии, которое вскоре стало доминирующим в Париже и в различных соборных школах в других частях Франции. С небольшими изменениями он описывает также возрождение интереса к римскому праву в Италии, особенно в Болонье.

2. Возрождение касалось в основном профессионального, или, как позже выяснилось, университетского, образования. Преобладал интерес к праву, медицине, теологии и философии Аристотеля. Школы более низкого уровня находились под сильным влиянием интеллектуальной деятельности того времени, но характерным продуктом этого движения стал университет. Университеты, организованные как корпорации, с их преподавателями, разделенными на факультеты, их определенными курсами обучения, их экзаменами, их степенями, их привилегиями и их космополитическими сообществами студентов, были не только результатом возрождения, но они были институтами, принципиально новыми в истории образования, и образцами для всех университетов, которые были созданы с тех пор.

3. В период между второй половиной XII века и 1500 годом нашей эры в Западной Европе было основано не менее семидесяти девяти университетов. Возможно, были и другие, от которых не осталось и следа. Некоторые из них были недолговечны, некоторые просуществовали всего несколько лет; десять исчезли до 1500 года. С тех пор исчезли еще двадцать. Сорок девять современных европейских университетов, основанных до 1500 года, пережили множество изменений в характере и различные периоды расцвета и упадка, но мы по-прежнему узнаем в них характерные черты, упомянутые выше, и те же самые черты вновь появляются в "самом современном, самом практичном, самом неживописном из учреждений, которые сейчас носят имя "университет"". Это одна из иллюстраций утверждения на странице 2 о том, что ежедневное и ежечасное ведение университетских дел в двадцатом веке в удивительной степени зависит от того, чем занимались университеты семь веков назад.

4. Термин "университет" всегда было трудно определить. В Средние века его значение варьировалось в разных местах и несколько изменилось в столетия между 1200 и 1500 гг. н. э. На этих страницах он означает в целом учреждение высшего образования; а "учреждение" означает не группу зданий, а общество преподавателей или студентов, организованное и в конечном итоге объединенное для взаимной помощи и защиты, а также с целью предоставления или обеспечения высшего образования. Изначально университеты были всего лишь гильдиями мастеров или ученых; как таковые они были подражанием многочисленным гильдиям ремесленников и торговцев, которые уже существовали. Из простой организации и обычаев этих гильдий выросла сложная организация и церемонии более поздних университетов.

Существовало два основных типа университетской организации: университет магистров и университет студентов. В первом, который является типом всех современных университетов,

управление и обучение студентов регулировалось магистрами или докторами. Во втором эти вопросы контролировались студентами, которые также предписывали правила поведения магистров. Париж и Болонья были, соответственно, первоначальными представителями этих типов. Париж был первоначальным университетом магистров; его модель была скопирована, с некоторыми изменениями, университетами Англии, Германии, Дании, Швеции и Шотландии. Болонья была архетипическим университетом студентов; ее организации подражали, также с изменениями, университеты Италии, Франции (кроме Парижа), Испании и Португалии.

В XIII веке и после него место или школа, в которой существовал университет, почти всегда называлась *Studium Generale*, то есть место, куда приезжали или приглашались студенты из всех стран. Этот термин использовался в отличие от *Studium Particulare*, то есть любой школы, в которой магистр в городе обучал нескольких ученых. В *Studium Generale* преподавание велось несколькими магистрами на одном или нескольких факультетах искусств, права, медицины и теологии. Со временем этот термин стал синонимом слова "университет"; в этой книге он используется именно так.

5. Теоретически полный средневековый университет включал в себя четыре факультета: искусств, теологии, права и медицины. Их мы находим воспроизведенными в некоторых современных университетах. Однако тогда, как и сейчас, не было принято считать, что все они одинаково хорошо развиты в одном учебном заведении; многие имели только два или три факультета, а некоторые - только один. В редких случаях встречаются пять факультетов, что связано с разделением права. В Париже, , самыми сильными факультетами были факультеты искусств и теологии; право и медицина были представлены слабо. В Болонье, напротив, преобладало изучение права, хотя там также преподавались искусства, медицина и теология.

6. Обучение на различных факультетах в тринадцатом веке и после него в целом было следующим:

На факультете искусств:

1. "Три философии" - натурфилософия, мораль и рациональность Аристотеля, а также его "Логика", "Риторика" и "Политика". Из них "Логика" и "Риторика" рассматриваются ниже.

2. Семь свободных искусств, включающих в себя

{Грамматика.
(a) {Риторика.
 {Логика.

{Арифметика.
(b) {Геометрия.
 {Музыка.
 {Астрономия.

На юридическом факультете:

1. *Corpus Juris Civilis*, или свод римского гражданского права, составленный в Константинополе в 529-533 гг. н.э. под руководством римского императора Юстиниана.

2. Каноническое право, или закон, регулирующий деятельность Церкви, первая часть которого была составлена монахом Грацианом около 1142 года. Его сборник канонического права обычно называют *Decretum Gratiani*.

На богословском факультете:

1. "Сентенции" Петра Ломбарда. 2. Библия.

На медицинском факультете:

1. Труды Гиппократы.
2. Труды Галена.
3. Медицинские трактаты различных арабских и еврейских писателей седьмого века нашей эры и позже.

Более подробно эти исследования будут описаны в связи с подборками на страницах 37-83.

Не все работы, упомянутые в этих разделах, были включены в обычную программу любого университета; фактические исследования, необходимые для получения различных степеней, состояли скорее из выборок из этих работ. В разных университетах выборка несколько различалась; кроме того, курс в любом университете время от времени менялся. Таким образом, степени бакалавра и магистра, а также степени юриста, медика и теолога, вероятно, никогда не представляли собой абсолютно одинаковый набор исследований в любом значительном количестве университетов, и даже не представляли собой абсолютно одинаковой работы в течение многих лет в одном университете. Это в точности соответствует ситуации в современных университетах, хотя в настоящее время различия в обучении для получения одной и той же степени больше, а изменения в каждом конкретном университете обычно происходят быстрее, чем в университетах Средневековья.

Необходимо помнить, что все учебники были на латыни. Те, что изначально были написаны на других языках, переводились на латынь. Все университетские занятия проводились на этом языке, и часто правила требовали от студентов использовать латынь в разговоре вне лекционных залов. Одним словом, латынь была универсальным академическим языком. Очевидно, что повсеместное использование одного и того же языка облегчало миграцию студентов и преподавателей из одного университета в другой.

7. Хотя первые университеты появились как организованные учреждения только во второй половине XII века, интеллектуальное движение, которое привело к их появлению, началось на столетие раньше. В первую очередь оно проявилось в появлении великих учителей, некоторые из которых были также выдающимися учеными. Никогда еще не было более яркой демонстрации того, какое центральное место в образовании занимает выдающийся учитель:

В начале двенадцатого века три школы выделяются в современной литературе среди множества тех, что зарождались во Франции и были связаны со многими ее соборами и религиозными домами. Эти три школы находились в Лаоне, Париже и Шартре. Точнее было бы сказать, что это были школы Ансельма и Ральфа, Вильгельма из Шампо и Бернара Сильвестра. Ведь в те времена школа следовала за учителем, а не учитель за школой. Где жил мастер, там он и преподавал; и к нему, пропорционально его известности, съезжались ученики из любого квартала. Эта связь была личной и обычно разрывалась после смерти мастера. Преимущество великих учителей в одном месте было редким исключением; такого исключения нет и в истории ни одной из трех школ, о которых мы говорили[2].

В наши дни, когда образование требует все более и более тщательного оснащения зданиями, библиотеками, лабораториями и музеями, учителям, какими бы выдающимися они ни были, уже невозможно привлекать толпы учеников в места, совершенно не обеспеченные средствами обучения, или предоставлять эти средства где-либо по первому требованию. В XII веке, напротив, единственным необходимым оборудованием были мастер, его небольшая библиотека, которую мог нести один человек; восковые таблички или перья, чернила и пергамент для учеников; и любой навес, который мог бы защитить от непогоды. Не было необходимости даже в скамьях и стульях, так как студенты обычно сидели на устланных соломой полах лекционных залов. Таким образом, школа могла легко следовать за учителем в его странствиях и легко погружаться в безвестность или исчезать после его смерти или прекращения преподавания. В автобиографии Абельяра (см. стр. 14) рассказывается об одном необычном случае, но прекрасно иллюстрирующем эту мысль. Рассказав о различных несчастьях и гонениях, он продолжает:

Итак, я удалился в некую пустыню, ранее мне известную, и там на земле, предоставленной мне некоторыми людьми, с согласия епископа этой области, я построил из тростника и соломы нечто вроде оратория во имя Святой Троицы, где в компании с одним из наших священнослужителей я мог бы искренне воспевать Господа: "Вот я забрел далеко и остался в пустыне".

Как только ученые узнали об этом, они стали собираться со всех сторон, оставляя города и замки, чтобы поселиться в пустыне, и вместо просторных домов строить себе маленькие скинии, и вместо изысканной пищи питаться полевыми травами и грубым хлебом, и вместо мягких диванов стелить [постели] из соломы и травы, и вместо столов наваливать дерн[3].

ПЯТНАДЦАТЬ:

[Footnote 1: Adapted from Joseph McCabe, *Abelard*, pp. 7, 8].

[Сноска 2: R.L. Poole, *Illustrations from the History of Medieval Thought*, p. 109].

[Сноска 3: *Petri Abaelardi Opera*, edd. Cousin et Jourdain, I, p. 25].

III

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Влияние, способствовавшее возникновению университетов, было многочисленным и во многих случаях неясным. Наиболее важными были: 1. Вдохновляющие и оригинальные учителя, которые собирали вокруг себя огромное количество студентов. 2. Новый метод преподавания. 3. Новая группа исследований. 4. Привилегии, предоставляемые ученым и магистрам гражданскими и церковными властями. 5. Прямая инициатива этих властей в создании университетов на основании декрета. Следующие чтения выбраны для иллюстрации этих влияний.

1. ПРЕПОДАВАТЕЛИ И СТУДЕНТЫ ДВЕНАДЦАТОГО ВЕКА

(а) Преподаватель до университета: Абельяр

Среди учителей начала двенадцатого века двое имели особое значение для последующего интеллектуального развития этого периода: Ирнерий (ок. 1070-1130) в Болонье и Абельяр (1079-1142) в Париже. Они были предтечами университетов, которые начали формироваться

в конце XII века в этих городах. Ирнерий ознаменовал новую эпоху в изучении свода римского права; следуя заложенным им традициям преподавания, Болонский университет стал самой выдающейся школой права в Европе. Аналогичным образом Абеляр знаменует собой введение в Париже нового метода преподавания и исследования, интеллектуальной независимости в вопросах теологии и постоянного влияния на схоластическую философию; по его инициативе Парижский университет стал ведущей школой философии и теологии. Эти два учреждения - Болонский и Парижский - в свою очередь стали образцами для всех остальных средневековых университетов, причем не только в плане организации, но и в том, что касается изучения права, теологии и философии. Таким образом, косвенное влияние Абеляра и Ирнерия было широко распространено и продолжалось долгое время.

Документы, касающиеся Ирнерия, скудны. О его влиянии на преподавание римского права см. в Rashdall, I, гл. iv, и особенно стр. 121-127. Что касается Абеляра, то сведения о нем весьма обширны.

Абеляр, старший сын знатной семьи из Палле (Пале), Бретань, был в свое время самым известным учителем во Франции. Вместо того чтобы стать главой семьи и сделать карьеру солдата, он отказался от родового права и воинской профессии ради жизни ученого и дебатов на полях сражений. Его ранняя жизнь студента, скитавшегося из школы в школу, описана им самим:

Чем полнее и легче я продвигался в изучении букв, тем сильнее цеплялся за них, и я так увлекся ими, что, оставив своим братьям пышность славы, вместе с наследством и правами старшего сына, ушел из военных советов, чтобы получить образование в лагере Минервы. И поскольку из всех видов философского оружия я предпочитал оружие логики, я обменялся амуницией и предпочел военным трофеям споры. После этого я отправился по разным провинциям, участвуя в дебатах везде, где, как я слышал, процветало изучение этого искусства [логики], и таким образом стал соперником перипатетиков.

В конце концов [около 1100 года н. э.] я достиг Парижа, где уже некоторое время процветало это искусство, и отправился к Вильгельму из Шампо, моему наставнику, отличавшемуся в то время в этой области своими трудами и репутацией учителя. Пробыв у него некоторое время, я поначалу был приемлем, но вскоре стал ему очень досажать, а именно: когда пытался опровергнуть некоторые его мнения, часто осмеливался спорить с ним и, нередко, казалось, превосходил его в спорах[4].

In scholis militare - вести войну в школах - так можно охарактеризовать этот способ ведения дебатов. Вильгельм из Шампо был в то время главой соборной школы Нотр-Дам и ведущим преподавателем логики во Франции. "В течение нескольких месяцев Абеляр заставил его авторитет пошатнуться, а его репутацию - упасть. Через шесть или семь лет он с позором и унижением согнал его с кафедры после поединка, который наполнил христианство своим эхом". Победив Вильгельма в споре, он создал себе репутацию учителя. В разное время между 1108 и 1139 годами он преподавал в Париже, куда съезжались толпы учеников, чтобы послушать его. Его слава достигла своего апогея около 1117 года, вскоре после назначения на кафедру, которую занимал сам Вильгельм. Немногие учителя привлекали столь многочисленных и преданных поклонников. Современный писатель ярко описывает его поразительный успех в привлечении в Париж учеников со всех концов:

Ученик, покинувший Париж, когда Вильгельм и Абеляр исчезли в 1113 году, обнаружил бы чудесные перемены, вернувшись в него в 1116 или 1117 году. Лекционный зал, монастырь и четырехугольник под сенью великого собора были заполнены такой пестрой толпой юношей и мужчин, какой не может похвастаться ни одна сцена во Франции. Маленькие группы

французских, нормандских и бретонских дворян болтали друг с другом в своих ярких шелках и подбитых мехом мантиях, с тонкими мечами, свисающими с расшитых поясов, соревнуясь друг с другом в длине и кривизне своих вывернутых башмаков. На них смотрели англосаксы в длинных плащах с меховой подкладкой, узких бриджах и кожаных рукавах, перепоясанных лентами из разноцветной ткани. Суроволицые северяне, поляки и немцы, в меховых шапках, с цветными кушаками и неуклюжей обувью, или с ногами, грубо обвязанными корой деревьев, нетерпеливо ждали объявления *Ли Местре*. Бледнолицые южане преодолевали Альпы и Пиренеи под обаянием "волшебника". Бритые и обутые монахи, одетые в черное клирики, черные каноники, светские и обычные, тоже черные на лицо, некоторые из них, охотники за ересью из соседнего аббатства Сен-Виктор, смешались с толпой молодых и пожилых, серьезных и нескладных, нищих и дворян, гладких горожан и бронзовых крестьян.....

Через горы и моря понеслась слава города и школы, и в город хлынул удивительный поток из Германии, Швейцарии, Италии (даже из гордого Рима), Испании и Англии; даже "далекая Бретань прислала вам своих животных для обучения", - писал приор Фульк Абеяру (бретонцу) через год или два после этого[5].

Что же такого было в учении Абеяра, что собрало это необычное собрание? Можно признать наличие не поддающегося анализу гения в этом мастере, но при этом обнаружить определенные качества, необходимые для эффективного учителя наших дней, - выигрышную личность, полноту знаний и техническое мастерство преподавателя. Эти качества замечательно изложены в следующем описании:

Понять очарование учения Абеяра несложно. Писатели того времени, некоторые из которых учились у него, приписывают ему три качества: ясность, богатство образов и легкость изложения, которые, как говорят, были главными характеристиками его учения. Ясность - это, действительно, качество его письменных работ, хотя они, естественно, не передают впечатления от его устной речи. Его великолепные дарования и разносторонность, подкрепленные богатым голосом, обаятельной личностью, готовым и сочувственным использованием человеческой литературы и свободой от чрезмерного благочестия, дали ему неизмеримое преимущество перед всеми учителями того времени. На фоне большинства из них он был как бабочка перед слоном. Усердное изучение тех немногих работ Аристотеля и римских классиков, которые были доступны, цепкая память, легкость в манипулировании своими знаниями, ясный, пронизывающий ум с соответствующей ясностью выражения, готовая и продуктивная фантазия, большое знание людей, более теплый интерес к человеческим вещам, чем к божественным, смешливое презрение к авторитетам, красивое присутствие и музыкальная подача - таковы были его дары[6].

Он занял свое место в истории, помимо всегда интересного драматизма и глубокого пафоса своей жизни, благодаря двум отличиям. Это, во-первых, необыкновенная способность передавать знания, которые давала бедность эпохи, - факты его карьеры свидетельствуют об этом; и, во-вторых, ум такой удивительной пронизывающей способности, что он постиг великие истины, на которые человечеству потребовалось семь или восемь веков - это станет ясно по мере того, как мы будем продолжать. Именно первый из этих даров сделал его, по буквальной истине, центром ученого и образованного христианства, кумиром нескольких тысяч жаждущих знаний ученых. Наконец, эти тысячи не были "ордой варваров", как назвал их ревнивый магистр Росселин. Подсчитано, что среди его учеников в свое время были папа римский, девятнадцать кардиналов и более пятидесяти епископов и архиепископов[7].

Слава Абеяра как учителя и, как следствие, увеличение числа магистров и студентов в Париже, несомненно, подготовили почву для создания университета в конце века. Однако это не самая большая заслуга Абеяра в истории образования. Наиболее сильное влияние на него оказали (1) независимость мышления, (2) новаторский метод решения спорных вопросов и (3) его вклад в схоластическую философию и теологию. Первые два из них мы рассмотрим ниже, а последний более уместно отнести к истории философии.

(1) Ничто так не выделяет Абеяра среди учителей его времени, как его интеллектуальная независимость. Большинство его современников безоговорочно принимали мнение, что в религиозных вопросах вера предшествует разуму. Можно стремиться обосновать свою веру с помощью разума, но предварительные сомнения в том, какими должны быть конкретные статьи веры, недопустимы. Как они полагали, эти статьи были определены отцами церкви - Августином, Иеронимом и другими - и Библией. Их мнение было сформулировано Ансельмом Кентерберийским в предыдущем веке:

"Я не стремлюсь знать, чтобы верить, но я верю, чтобы знать". "Христианин должен продвигаться к знанию через веру, а не приходить к вере через знание". "Правильный порядок требует, чтобы мы верили в глубокие вещи христианской веры прежде, чем мы возьмемся рассуждать о них".

Абеяр, обладая острым критическим и вопрошающим умом, нашел в этой позиции изъян: по многим вопросам веры сами авторитеты расходились во мнениях. "В таких случаях, - говорил он, - как я приду к какому-либо определенному убеждению, если сначала не рассужу его?" "Сомнение побуждает нас к исследованию, а через исследование мы достигаем истины". Его позиция - в отличие от вышеприведенной позиции Ансельма - изложена в прологе к его "*Да и нет*" ("*Sic et Non*"):

По правде говоря, постоянные или частые вопросы - первый ключ к мудрости; и именно к приобретению этой [привычки] задавать вопросы с поглощающим рвением призывает ученых знаменитый философ Аристотель, самый ясновидящий из всех, когда говорит: "Пожалуй, трудно говорить уверенно в вопросах такого рода, если они не были часто исследованы. В самом деле, сомневаться в особых случаях будет не лишним". Ведь через сомнение мы приходим к исследованию, а через исследование постигаем истину. Как говорит Сама Истина: "Ищите и найдете, стучите и отворят вам". И Он же, наставляя нас собственным примером, на двенадцатом году Своей жизни пожелал быть найденным сидящим посреди врачей и задающим им вопросы, показывая нам Своими вопросами вид ученика, а не учителя, хотя в Нем, тем не менее, есть полная и совершенная премудрость Божия.

Теперь, когда приводится ряд цитат из [различных] писаний, они подстегивают читателя и побуждают его к поиску истины в той мере, в какой превозносится авторитет самого писания...

Итак, в соответствии с этими прогнозами мы с удовольствием собираем различные изречения святых отцов, как мы задумали, именно так, как они пришли на ум, предлагая (как они делают) некоторые вопросы из их кажущегося несогласия, чтобы они могли побудить нежных читателей к максимальным усилиям в поисках истины и сделать их более острыми в результате их поисков"[8].

(2) Новый метод, который Абеяр сформировал для поиска истины, представлен в "Да и нет". Сначала он изложил в форме тезиса для обсуждения вопрос, по которому существовало сомнение. В книге содержится сто пятьдесят восемь таких вопросов. Затем он свел под

каждым вопросом противоречивые мнения различных авторитетов и, не высказывая собственной точки зрения, предоставил студенту самому рассуждать на эту тему. Нет сомнений, что этот метод служил его цели "побудить нежных читателей к максимальным усилиям в поисках истины". Его смелость в том, чтобы считать некоторые из этих вопросов вообще спорными, новизна сомнений, которые они вызывают, и их язвительный вызов острому мышлению очевидны из следующего списка:

1. Что вера основывается на разуме, *et contra*.
5. Что Бог не един, *и др.*
6. Что Бог трехчастен, *и др.*
8. Что в Троице не следует утверждать, что существует более одного Вечного Существа, *et contra*.
11. Что Божественные Лица взаимно различаются, *et contra*.
12. Что в Троице каждое из них едино с другим, *et contra*.
13. Что Бог-Отец является причиной Сына, *et contra*.
14. Что Сын безначален, *et contra*.
27. Что Бог судит с предвидением, *et non*.
28. Что Божье провидение является причиной происходящих событий, *et non*.
32. Что Богу все возможно, *и нет*.
36. Что Бог делает все, что пожелает, *и нет*.
37. Что ничто не происходит вопреки воле Божьей, *et contra*.
38. Что Бог знает все, *et non*.
53. Что грех Адама был велик, *et non*.
84. Что первый грех человека начался не по наущению дьявола, *et contra*.
55. Что только Ева, а не Адам, была обольщена, *et contra*.
56. Что, согрешив, человек потерял свободу воли, *et non*.
69. Что Сын Божий был предопределен, *et contra*.
79. Что Христос был обманщиком *и т. д.*
85. Что час воскресения Господа не определен, *и др.*
116. Что грехи отцов переходят на детей, *и др.*
122. Что всем должно быть разрешено жениться, *и др.*
141. Что дела святости не оправдывают человека, *et contra*.
144. Что временами мы все грешим против своей воли, *et contra*.
150. Что грехи не отпускаются без исповеди, *и др.*

153. Что ложь никогда не допустима, *и др.*

154. Что человек может погубить себя по каким-то причинам, *et contra.*

155. Что христиане не могут ни по какой причине убивать человека, *et contra.*

156. Что убивать человека законно, *et non.*

Как он вывел конфликт мнений, можно увидеть на следующем примере:

ЧТО УБИВАТЬ ЧЕЛОВЕКА ЗАКОННО, И ПРОТИВОПОЛОЖНЫЙ ТЕЗИС.

Иероним на Исаяю, Вк. V. Тот, кто перерезает горло человеку крови, не является человеком крови.

Идем, Послание к Галатам: Тот, кто поражает нечестивых, потому что они нечестивы, и чья причина убийства в том, что он может убить низкого, - раб Господень.

Idem, on Jeremiah: Ибо наказание убийц, нечестивцев и отравителей - это не кровопролитие, а служение закону.

Киприан, на Девятый вид злоупотреблений: Царь должен сдерживать воровство, наказывать прелюбодеяния, заставляя нечестивых исчезать с лица земли, не позволять жить отцеубийцам и лжесвидетелям.

Августин: Хотя убийство человека является человекоубийством, иногда человек может быть убит без греха. Ибо и солдат в случае врага, и судья или его чиновник в случае преступника, и человек, из руки которого, возможно, без его воли или ведома, вылетело оружие, не кажутся мне грешными, но просто убивают человека.

Аналогично: Солдату по закону предписано убивать врага, и если окажется, что он воздержался от такой расправы, он понесет наказание от руки своего командира. Не следует ли назвать эти законы несправедливыми или, скорее, вообще не законами? Ибо то, что не было справедливым, не кажется мне законом".

Idem, on Exodus ch. xxvii: Израильтяне не совершили кражи, разоряя египтян, но оказали услугу Богу по его приказу, подобно тому, как слуга судьи убивает человека, которого закон приказал убить; конечно, если он делает это по своей воле, то является убийцей, даже если он знает, что человек, которого он казнит, должен быть казнен судьей.

Idem, on Leviticus ch. lxxv: Когда человека справедливо предают смерти, закон предает его смерти, а не ты.

Idem, кн. I "Града Божьего": Ты не должен убивать, за исключением тех, чья смерть предписана Богом, или когда закон был принят в соответствии с потребностями времени, и на человека было возложено прямое повеление. Но не убивает тот, кто обязан службой тому, кто отдает ему приказы, ибо он - всего лишь меч для того, кто прибегает к его помощи.

Аналогично: Когда солдат, подчиняясь власти, которой он законно подчиняется, убивает человека, ни по какому закону государства его не обвиняют в убийстве; а если он этого не делал, то его обвиняют в дезертирстве и неподчинении. Но если бы он действовал по собственной инициативе и по собственной воле, его обвинили бы в пролитии человеческой крови. И поэтому его наказывают, если он не делает по приказу то, за что он получил бы наказание, если бы сделал это без приказа".

И еще, к Публиколе: Совет относительно убийства людей меня не устраивает: никто не может быть убит ими, если только человек не является солдатом или не занимает государственную должность, так что он совершает поступок не от своего имени, но для других и для государства, принимая законно предоставленную власть, если она согласуется с возложенной на него задачей.

Аналогично: Сказано: не будем противиться злему человеку, пусть не прельщает нас месть, питающая ум чужим злом, не будем пренебрегать обличениями людей.

Idem, to Marcella: Если это твое земное сообщество будет придерживаться учения Христа, то даже войны не будут вестись без доброй воли, ибо с жалостливым сердцем даже войны, если это возможно, будут вестись добрыми людьми, чтобы усмирить похоти желаний и уничтожить те пороки, которые при справедливом правлении должны быть либо искоренены, либо наказаны. Ибо если бы христианское воспитание осуждало все войны, то скорее следовало бы в Евангелии дать совет для безопасности воинам, которые его просят, а именно: бросить оружие и совсем уйти с поля боя. Но к ним обращено следующее слово: Не делайте никому зла и не обвиняйте никого ложно; довольствуйтесь своим жалованьем.

Он предупреждает их, что жалованье, которое им принадлежит, должно их удовлетворять, но ни в коем случае не запрещает им выходить на поле боя.

Идем к своему товарищу Бонифацию: "Я дам тебе и тебе подобным полезный совет: Возьми в руки оружие; пусть молитва ударит в уши творца; потому что в битве небеса открываются, Бог смотрит и присуждает победу той стороне, которую он считает праведной".

Idem: Войны, которые нам предстоит вести, мы начинаем либо по повелению Бога, либо по какому-то законному правилу. Так и Иоанн, когда к нему пришли креститься воины со словами: "Что нам делать?", ответил им: "Бросьте оружие, оставьте службу; никого не бейте, никого не губите".

Но поскольку он знал, что они поступают так потому, что находятся на службе, что они не убийцы людей, а служители закона, и не мстители за свои обиды, а блюстители общественной безопасности, он отвечал им следующее: "Не делайте насилия никому" и т. д.

Исидор, Этимологии, кн. XVIII, гл. iii: Праведная война - это война, которая ведется согласно приказу, чтобы вернуть имущество или прогнать врага.

Папа Николай на вопросы болгар: Если нет острой необходимости, то не только в Великий пост, но и во все времена люди должны воздерживаться от сражений. Если же есть неизбежный и срочный повод, и это не Великий пост, то, вне всякого сомнения, подготовка к войнам должна вестись экономно для собственной защиты или для защиты своей страны или законов своих отцов; дабы не было сказано это слово: Человек, если ему предстоит нападение, заранее не обдумывает свою безопасность и безопасность других, и не оберегает от ущерба святую религию"[9].

Этот пример демонстрирует схоластический метод в его самой ранней форме - изложение тезиса, за которым следует простое цитирование авторитетов, *за* и *против*. Более поздние авторы добавляли вывод, который они хотели поддержать, или, по крайней мере, указывали его в тезисах. Это, конечно, лишило метод значительной части его стимула к самостоятельному мышлению. Появились и другие модификации. См. примеры на стр. 58 и далее, 121 и далее. Здесь следует отметить, что в "Да и нет" Абельяр нанес определенный удар по методу, которому на протяжении веков следовали в значительной части университетского преподавания. Насколько велика была его роль, можно понять только при

длительном изучении истории университетов. Краткое обсуждение этой темы приведено на страницах 35-37. Стимулирующий способ, которым пользовался Абеляр, привлекал студентов в Париж. Среди тех, кто приехал послушать его, был Иоанн Солсберийский.

(b) Доуниверситетский стипендиат: Иоанн Солсберийский

Джон Солсберийский (ок. 1120-1180), "в течение тридцати лет центральная фигура английской образованности", "бесспорно, самый начитанный человек своего времени", является хорошим примером более серьезных студентов среди тех, кто отправился на учебу за границу в ранний период возрождения, о котором говорилось выше. Он провел двенадцать лет (1136-1148) в Париже и Шартре. Его "Metalogicus" (завершенный около 1159 года), возможно, является лучшим современным отчетом о делах образования во Франции в двенадцатом веке.

Сейчас книга интересна главным образом тем, что в ней рассказывается об обучении писателя, пропагандируется свободное обучение как подготовка к логике и приводятся энергичные аргументы в пользу использования всех известных на тот момент работ Аристотеля, некоторые из которых стали доступны лишь недавно. Однако изначально она была написана с целью дискредитировать образовательную практику некоего человека, обозначенного псевдонимом "Корнифиций", который предлагал короткое и показное образование и распространял его за границей через своих учеников. Описание "Корнифиция" и его школы не обязательно соответствует действительности, но некоторые отрывки из него приводятся для того, чтобы проиллюстрировать способ образовательной аргументации, весьма характерный для Средних веков и небезызвестный в наши дни. Они также дают представление о воспитании и взглядах самого Джона Солсбери. Джон начинает с личных оскорблений в адрес "Корнифиция":

Бесстыдство его внешности, хищность его рук, легкомыслие его повадок, мерзость его манер (которые изрыгает вся округа), непристойность его похоти, уродство его тела, подлость его жизни, его пятнистая репутация, я бы обнажил и выставил на всеобщее обозрение, если бы меня не сдерживало уважение к его христианскому имени. Помня о своей профессии и о братском общении, которое мы имеем в Господе, я полагал, что к его персоне следует проявлять снисхождение, в то время как к его греху снисхождения нет".

Вполне справедливо вступив в бой через несколько страниц витийства, Иоанн переходит к описанию манеры учения своего оппонента:

Но я решительно возражаю против его взглядов, которые погубили многих, потому что у него есть толпа, которая верит ему, и хотя новый Корнифиций более бессмыслен, чем прежний, все же толпа глупцов согласна с ним. А среди них есть и такие, которые, хотя и бездействуют и ленивы, стремятся скорее казаться, чем быть мудрыми.

* * * * *

Со своей стороны я ничуть не удивлюсь, если, получив большую плату и долгое время бия в свой барабан, он научит своего лежачего слушателя ничего не знать. Ибо и он сам был столь же необучаем учителями, поскольку, не обладая красноречием, но будучи многословным и не имея плодов идей, он постоянно бросает на ветер листву слов... Он кормит своих слушателей баснями и пустяками, и если то, что он обещает, правда, то он сделает их красноречивыми без необходимости мастерства, а философами с помощью короткого пути и без усилий..... В школе философов того времени вопрос о том, держит ли свинью, которую ведут на рынок, человек или веревка, считался неразрешимым. А также

вопрос о том, покупает ли тот, кто купил весь плащ, еще и капот. Решительно бессвязной была речь, в которой эти слова, "конгруэнтный" и "бессвязный аргумент" и "причина", не производили большого шума, с многократными отрицательными частицами и переходами через "esse" и "non-esse". ... Словесного шума было достаточно, чтобы обеспечить победу, и тот, кто вводил что-либо из любого источника, достигал цели своего предложения..... Поэтому они вдруг стали искусными философами, ибо тот, кто пришел туда неграмотным, задерживался в школах не дольше, чем время, в течение которого молодые птицы обретают перья. Так что свежие учителя из школ и молодые птицы из гнезд улетели вместе, пробыв там одинаковое время..... Они говорили только о созвучии или разуме, и доводы звучали из уст всех, а дать общее имя ослу, или человеку, или любому из творений природы было сродни преступлению, или было слишком некрасиво или грубо, и отвратительно для философа..... Отсюда этот кипящий котел речи, в котором возвышается глупый старик, оскорбляя тех, кто почитает создателей искусств, потому что, когда он притворяется, что посвящает им свои силы, он не находит в них ничего полезного"[10].

Обучение самого Джона заметно контрастировало со всем этим. Вместо того чтобы оставаться в школах "едва ли дольше, чем время, в течение которого молодые птицы обретают перья", он, как уже отмечалось выше, провел в учебе двенадцать лет. Вместо того чтобы посвятить себя только логике и диспутам, он получил обширную подготовку по классике и теологии. Его первым учителем в Париже был Абельяр.

Когда я был совсем молодым человеком, я отправился учиться во Францию, в год после смерти этого льва справедливости, Генриха [Первого], короля Англии. Там я разыскал знаменитого учителя и философа-перипатетика из Палле [Абеляра], который в то время председательствовал в Мон-Сен-Женевьев и был предметом восхищения всех людей. У его ног я получил первые зачатки диалектического искусства [логики] и с величайшей жадностью впитывал и хранил в памяти все, что слетало с его уст. Однако, когда, к моему большому сожалению, Абельяр покинул нас, я поступил к мастеру Альберику, самому упрямому диалектику и непоколебимому противнику секты номиналистов. Два года я пробыл в Мон-Сен-Женевьев под руководством Альберика и мастера Робера де Мелена".

Далее следует характеристика этих учителей. Заявление о том, что один из них отправился в Болонью для дальнейшего изучения логики, указывает на то, что это место славилось как преподаванием диалектики, так и изучением права.

Один из этих учителей был скрупулезен до мелочей и везде находил предмет для вопросов; ведь самая гладкая поверхность представлялась ему неравной, и не было такого гладкого стержня, в котором он не мог бы найти узел и показать, как от него можно избавиться. Второй из них отвечал быстро и никогда ради уловки не уклонялся от предложенного вопроса; но он выбирал противоречивую сторону или многословием показывал, что простой ответ дать невозможно. Поэтому во всех вопросах он был изощрен и обилен, в то время как другой в своем ответе был пронизателен, краток и точен. Если бы два таких характера можно было объединить в одном человеке, он был бы лучшим мастером ведения диспутов, которого породили наши времена. Оба они обладали острым умом и неукротимым упорством, и я верю, что из них получились бы великие и выдающиеся люди в области физических наук, если бы они опирались на великую основу литературы и более внимательно следили за следами древних, вместо того чтобы гордиться своими собственными открытиями".

Все это сказано применительно к тому времени, когда я занимался с ними. Ибо один из них после этого отправился в Болонью и там не учился тому, чему учил; вернувшись, он также не учился этому: была ли эта перемена к лучшему или к худшему, я оставляю на суд тех, кто

слышал его до и после. Другой из этих двух был также специалистом в более возвышенной философии божественности, где он получил выдающееся имя.

У этих учителей я пробыл два года и настолько освоился с общими словами, правилами и вообще элементами, которые изучают мальчики и в которых мои учителя были наиболее весомы, что мне казалось, что я знаю их так же хорошо, как свои собственные ногти и пальцы. Была одна вещь, которой я, безусловно, достиг, а именно: я оценивал свои собственные знания гораздо выше, чем они того заслуживали. Я считал себя молодым ученым, потому что был готов к тому, чему меня учили".

Свидетельства, внешние по отношению к этому рассказу, показывают, что теперь он учился в школе в Шартре - примерно в шестидесяти милях к юго-западу от Парижа, - которая была одной из трех великих французских школ того времени (см. с. 10). В первой половине двенадцатого века она прославилась под руководством братьев Теодорика и Бернара Сильвестра, которые упоминаются в следующих отрывках. Школа отличалась, в частности, своей преданностью грамматике, риторике и классической латинской литературе; в этом отношении она заметно отличалась от Парижа, где преобладали логика и теология.

Затем, начав размышлять и соизмерять свои силы, я в течение трех лет занимался с грамматиком Уильямом де Коншем, а в перерывах много читал: и никогда не пожалую о том, как провел время. После этого я стал последователем Ричарда л'Эвека, человека, который был мастером во всех видах обучения, и в чьей груди было гораздо больше, чем осмеливался высказать его язык; ибо он обладал скорее ученостью, чем красноречием, скорее правдивостью, чем тщеславием, скорее добродетелью, чем показухой. С ним я пересмотрел все, что узнал от других, кроме некоторых вещей, которые я узнал впервые, относящихся к Quadrivium, о которых я уже получил некоторые сведения от немца Хардевина. Я также снова изучал риторику, которую до этого очень поверхностно изучал вместе с другими занятиями у магистра Теодориха, но не понимал того, что читал. Затем я изучил ее более полно у Петра Хели[11].

В другой главе, которая здесь вставлена в повествование, Иоанн подробно описывает обучение в Шартре. Это один из самых полных отчетов, которые мы имеем о манере и сути преподавания в школе двенадцатого века. Он начинается с общего рассуждения о важности грамматики, которая является "основой и корнем" чтения, обучения и размышлений. На протяжении всего обсуждения он постоянно ссылается на "Институты ораторского искусства" Квинтилиана. Изучение риторики и других искусств подготавливает человека к правильному пониманию литературы: "Чем больше искусств, которыми овладевает человек, и чем полнее он ими овладевает, тем полнее он оценит изящество авторов и тем яснее он будет их учить".

Что касается изучения литературы, то следует тщательно подходить к выбору лучших авторов. Бернард, по его словам, "всегда говорил, что следует избегать ненужного чтения и что достаточно трудов прославленных авторов; поскольку изучение всего того, что когда-либо говорили самые презренные люди, приводит к слишком большим мучениям или к пустому хвастовству, мешает и даже перегружает интеллект, который лучше оставить пустым для других трудов". Для чтения была выбрана классическая латинская литература; "в этой благоговейной зависимости от древних и заключается главная особенность Шартрской школы", которая при Бернаре и его брате "пользовалась особым отличием, постоянно растущим, пока не стала почти недостижимым преимуществом среди школ Галлии"[12].

Это чтение, в свою очередь, является подготовкой к философии. "Тот, кто стремится к философии, должен понимать чтение, учение и размышление, а также практику в добрых

делах". "Ищите Вергилия и Лукана, и там, какой бы философии вы ни были профессором, вы найдете ее в создании". Все это заметно контрастирует с методом "Корнификация", который предлагал обучать философов "вдруг". Иоанн продолжает:

Бернар Шартрский, самый богатый источник писем в Галлии в новейшее время, следовал этому методу и при чтении авторов показывал то, что было простым и подпадало под обычные правила; фигуры грамматики, украшения риторики, колкости софистики; а когда тема его собственного урока предполагала чтение, связанное с другими искусствами, эти вопросы он выводил на первый план, но так, что он не учил всему по каждой теме, а, соразмерно возможностям своей аудитории, своевременно передавал ей весь объем предмета. А поскольку блеск любой речи зависит либо от *пристойности* (то есть правильного согласования прилагательного или глагола с существительным), либо от *метатезы* (то есть переноса значения выражения по достойной причине на другое значение), то именно эти вещи он при каждом удобном случае старался внедрить в сознание своих слушателей.

А так как память укрепляется упражнением, а ум обостряется подражанием услышанному, то одних он побуждал предупреждениями, а других - поркой и наказаниями [к постоянной практике запоминания и подражания]. На следующий день от них требовалось воспроизвести часть того, что они слышали накануне, от одних больше, от других меньше, ибо для них следующий день был учеником предыдущего.

Вечернее занятие, которое называлось *склонением*, было наполнено таким количеством грамматики, что если бы человек посвятил ему целый год, то он, если бы не был необычайно тупым, владел бы методом устной и письменной речи, и не мог бы не знать выражений, которые находятся в общем употреблении..... Для тех мальчиков, которым предписывались предварительные упражнения в подражании прозе или поэзии, он объявлял поэтов или ораторов и заставлял их подражать их примеру, указывая на то, как они соединяют свои слова и на изящество их речей.

Если же кто-либо, чтобы сделать свое произведение блестящим, заимствовал чужой плащ, он обнаруживал кражу и осуждал его, хотя и не часто подвергал наказанию; но он предписывал осужденному, если убогость его произведения того заслуживала, со скромной благосклонностью снисходить до точного выражения смысла автора; и он делал того, кто подражал своим предшественникам, достойным подражания со стороны его преемников.

Следующие вопросы он также преподавал среди первых зачатков и закрепил их в их сознании: ценность порядка; что похвально в украшении и в [выборе] слов; где есть растянутость и, как бы, истощение речи; где приятное изобилие; где избыток; и где должный предел во всем.....

И поскольку во всей предварительной подготовке тех, кто должен быть обучен, нет ничего более полезного, чем приучение к тому, что должно быть сделано с мастерством, они ежедневно писали прозу и стихи и тренировали себя взаимными сравнениями, - тренировка, которая не может быть более эффективной для красноречия и более быстрой для обучения; и она приносит наибольшую пользу в жизни, по крайней мере, если этими сравнениями управляет привязанность [а не зависть], если смирение не теряется в литературном мастерстве[13].

Пребывание Иоанна в Шартре (1138-1141) сделало его постоянным сторонником либерального образования, но безрезультатно: влияние Парижа и нарастающая волна аристотелизма одержали верх. Как поборник вновь обретенных трудов Аристотеля (см. с. 42) он был более созвучен тенденциям своего времени.

В заключительной части повествования рассказывается о возвращении Иоанна в Париж, его дальнейшей учебе там (1141-1148) и посещении своей старой школы на "Горе":

Отсюда меня вывела бедность моего положения, просьба моих товарищей и совет моих друзей, чтобы я взял на себя обязанности наставника. Я послушался их желания и, вернувшись [в Париж] через три года, нашел мастера Жильбера [де ла Порре] и стал изучать с ним логику и богословие, но он очень быстро удалился от нас, и вместо него у нас появился Робер де Пуль, человек приятный как своей прямоотой, так и своими достижениями. Затем пришел Симон де Пуасси, который был добросовестным читателем, но тупым спорщиком. Эти двое были моими учителями только в теологии.

Прошло двенадцать лет, пока я занимался этими различными занятиями, и я решил вновь навестить своих старых товарищей, которых я нашел все еще занятыми с Логиком в Мон-Сен-Женевьев, и посоветоваться с ними по старым вопросам, чтобы мы могли путем взаимного сравнения оценить наши успехи. Я нашел их на прежнем месте; не похоже, что они достигли цели в распутывании старых вопросов, и они не добавили ни одного предложения. Цели, которые когда-то вдохновляли их, вдохновляли их и сейчас: они продвинулись только в одном направлении: они разучились сдержанности, они не знали скромности, причем настолько, что можно было отчаиваться в их выздоровлении. И таким образом опыт научил меня очевидному выводу: если диалектика способствует развитию других исследований, то, оставаясь сама по себе, она лежит бескровной и бесплодной, и не ускоряет душу, чтобы принести плоды философии, если только та не зародится в другом месте"[14].

Несомненно, это был один из тех опытов, которые привели Джона к энергичным аргументам о тщетности преданности одной лишь логике и о важности либерального образования:

О том, что красноречие не имеет силы без мудрости, говорят часто и верно. Отсюда очевидно, что для того, чтобы быть эффективным, оно действует в пределах мудрости. Поэтому красноречие эффективно пропорционально той мере мудрости, которую каждый приобрел; ибо первое приносит вред, если оно отделено от второго.

Отсюда следует, что диалектика, которая является самой быстрой и оперативной среди подручных красноречия, полезна для каждого в меру его знаний. Ибо она наиболее полезна для того, кто знает больше, и наименее полезна для того, кто знает меньше. Ибо как меч Геракла в руке пигмея или карлика неэффективен, в то время как тот же меч в руке Ахилла или Гектора поражает все, как молния, так и диалектика, если она лишена энергичности других дисциплин, в определенной степени калека и почти бесполезна. Если же она энергична благодаря силе других дисциплин, то она сильна в уничтожении всякой фальши и, если приписать ей минимум, она адекватна для правильного обсуждения всех вещей...

Каждому ремесленнику очень легко говорить о своем искусстве; но умело делать то, чего требует искусство, - это труднее всего. Ибо какой врач есть, который бы не говорил часто и много об элементах, и гуморах, и цветах лица, и болезнях, и обо всем остальном, что относится к физике? Но тот, кто хорошо себя чувствует на таких разговорах, вполне мог бы позволить себе быть еще более больным. Какой учитель этики не имеет в избытке правил правильной жизни, пока они существуют только на его устах? Но выразить их в реальной жизни - задача, несомненно, гораздо более сложная. Механики, каждый в отдельности, легкомысленно говорят о своем искусстве, но ни один из них не может так легкомысленно соперничать (на практике) с архитектором или боксером. То же самое происходит и в любой

другой области. Поэтому очень легко говорить об определении, аргументах, роде и тому подобном, но разработать эти же вещи в рамках одного искусства, чтобы полностью выполнить его функции, гораздо сложнее [то есть рассуждать о логике в абстрактном виде легко, но логически рассуждать в какой-либо конкретной области знания трудно]. Поэтому тот, кому мешает недостаток дисциплин, не будет обладать той силой, которую обещает и дает Диалектика"[15].

Взгляды Иоанна Солсберийского на изучение Аристотеля изложены на страницах 42-44.

2. НОВЫЙ МЕТОД

Новый метод изучения и исследования, разработанный Абеляром, стал вторым важным фактором, повлиявшим на рост университетов. Сам метод, известный впоследствии как схоластический метод, представлен на страницах 20, 58, 121 и далее. Поэтому в данном разделе мы лишь указываем на то, как он повлиял на ход развития высшего образования.

(а) Новый метод стал одной из причин пробудившегося интереса к учебе и исследованиям. Его влияние описывает самый ученый историк средневековых университетов:

Париж и Болонья раньше всех других школ и почти одновременно, в начале двенадцатого века, пережили неожиданное, почти внезапное развитие. Ибо только в этих школах определенная отрасль знаний рассматривалась ... по новому методу, приспособленному к современным потребностям, но до сих пор неизвестному или недостаточно известному другим преподавателям того времени; и тем самым была открыта новая эра научных исследований. Этот новый метод обладал притягательной силой для учителей и ученых разных стран... Так были заложены краеугольные камни постоянных обителей знаний. Постоянно растущее число ученых приводило к увеличению числа учителей; пробуждалось стремление обоих классов к обучению; и это стремление, а также боевой обмен идеями в диспутах, - которые теперь впервые стали по-настоящему утверждаться в школах в результате применения нового метода, - были действенной силой, поддерживающей активность исследований, а сами школы - от упадка.

В Париже именно развитие логики, но главным образом нового метода в теологии, ... разработанного различными способами, особенно Абеляром и другими учителями, и распространенного его современниками и их учениками, ... вызвало революцию в школах этого города"[16].

(b) Новый метод Абеяра установил новую форму изложения и, следовательно, новый способ преподавания в каноническом праве и богословии. Самый ранний университетский учебник по каноническому праву - "Декретум" Грациана - принял этот метод с некоторыми изменениями. Ему последовали части главного учебника по теологии - "Сентенции" Петра Ломбарда. Различно модифицированный, он стал методом, используемым во всей последующей схоластической философии и теологии. Он широко использовался в связи с другими университетскими занятиями. В общем, он был для средневекового образования тем же, чем метод эксперимента является для изучения и преподавания современного естествознания. Хорошей иллюстрацией его недавнего применения является "Метафизика школы" Томаса Харпера.

(с) Схоластический метод стал основой одного из важнейших университетских занятий - диспута или дебатов, который применялся во всех областях знаний[17].

3. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В двенадцатом и тринадцатом веках интеллектуальная жизнь Западной Европы пополнилась целым рядом книг, старых и новых, которым суждено было оказать глубокое влияние на развитие университетов, а также на весь ход средневековой жизни и мысли. Без такого пополнения запасов знаний высшее образование вряд ли могло бы развиваться вообще, поскольку материалы, доступные для него до двенадцатого века, были крайне скудными. Книги, которые мы сейчас опишем, представляли собой свод передовых и основательных знаний, отвечающих потребностям времени. Они стали одним из тех постоянных факторов, которые способствовали развитию и поддержанию центров высшего образования, ведь новые знания привлекали студентов не меньше, чем слава отдельных учителей или новый метод обучения.

Большая часть книг, составлявших основу университетского образования, была извлечена из массы древних и давно забытых греческих и римских знаний, а также нескольких произведений арабского и еврейского происхождения. К этой группе относятся труды Аристотеля, свод римского права, медицинские труды Галена, Гиппократ, различных арабских и еврейских врачей. В основном они были до сих пор неизвестны в Западной Европе или, по крайней мере, практически забыты со времен Римской империи. В двенадцатом и тринадцатом веках их собрали и сделали общедоступными для студентов. Те из них, которые изначально не были написаны на латыни, теперь переводились на нее; рукописные копии множились и широко распространялись.

Но интеллектуальная деятельность того времени достигла гораздо большего, чем восстановление некоторых фрагментов древнего образования; она также создала две новые области изучения - схоластическую философию и теологию и каноническое право - и выпустила учебники, которые выделили их в отдельное профессиональное образование. Книгой, установившей *метод* этих исследований, было "Да и нет" Абеляра (см. с. 20); но трудами, которые составили суть университетского обучения, были, в теологии, "Сентенции" (Sententiae) Петра Ломбарда, а в каноническом праве - "Декрет" (Decretum) Грациана, который также известен как "Гармония противоречивых канонов" (Concordia Discordantium Canonum), и дополнения к нему, указанные на с. 56.

Таким образом, в течение двенадцатого и тринадцатого веков рост университетов стимулировался развитием огромного массива знаний, доселе недоступных или неизвестных. Поразительный характер этого развития станет более понятным, если мы вспомним, что за все семь предшествующих столетий в западной Европе не было ни малейшего дополнения к знаниям, сопоставимого с этим.

Упомянутые выше книги не были единственным источником высшего образования. Помимо уже давно используемых учебников по семи свободным искусствам, существовали математические и философские труды арабского происхождения, а по мере возрождения было написано множество новых книг на старые темы. Но уже названные книги имеют основополагающее значение, поскольку они не только послужили первым интеллектуальным толчком к росту университетов, но и составили основную часть учебных курсов на факультетах искусств, теологии, права и медицины вплоть до 1500 года. Многие из них использовались и гораздо позже, а некоторые, с многочисленными изменениями, до сих пор являются стандартными учебниками. Никто не может понять интеллектуальную жизнь университетов, если не знаком с названиями и содержанием этих трудов. Можно добавить, что знакомство с ними также необходимо для понимания европейской истории и

литературы. Поэтому данный раздел посвящен некоторым деталям, касающимся ранней истории университетских исследований.

(а) Сочинения Аристотеля

Работы Аристотеля были написаны в Афинах в 335-322 гг. до н. э. Их история, начиная со времени смерти Аристотеля и заканчивая их появлением в латинских переводах в Западной Европе пятнадцатью сотнями лет спустя, не может быть здесь подробно описана. Переводы, широко используемые в университетах, почти все были сделаны в двенадцатом и тринадцатом веках. Более ранние были сделаны в Испании с арабских версий греческого оригинала; более поздние - непосредственно с греческих копий, найденных в Константинополе и других местах на Востоке. Арабо-латинские переводы были очень плохими из-за двух удалений от греческого оригинала и неспособности переводчиков. Переводы непосредственно с греческого были несколько лучше, но далеко не удовлетворительны; новые версии неоднократно создавались вплоть до конца пятнадцатого века. Университетские реформы иногда включали в себя принятие этих лучших переводов (см. с. 48).

Работы, известные к 1300 году, можно разделить на четыре группы:

{1. Категории = {Predicamenta. I. Логические { {Categoriae. трактаты {2. Об истолковании = {De Interpretatione. обычно {Peri Hermeneias. ссылаются на {3. Приорная аналитика = Analytica Priora. как Органон {4. Задняя аналитика = Analytica Posteriora. или {5. Темы = Topica. Методология {6. Софистика} = Sophisticae Elenchi. {Опровержения}

II. Мораль {7. Политич.

и практическая {8. Этика.

Философия {9. Риторика.

{10. Поэтика.

{11. Физический дискурс (Физика)

{12. О небесах.

{13. О порождении и разрушении.

{14. Метеорологии.

{15. Исследования о животных.

{16. О частях животных.

{17. О локомоции животных.

{18. О родах животных.

III. Естественное {19. О душе.

Философия. {20. Приложения к сочинению "О душе".

{ (a) О чувстве и разумных вещах.

{ (b) О памяти и воспоминаниях.

{ (c) О сне и бодрствовании.

{ (d) О снах и пророчествах во сне.

{ (e) О долголетию и недолговечности.

{ (f) О молодости и старости.

{ (g) О жизни и смерти.

{ (g) О дыхании.

IV. Рациональное {21. Метафизика. Философия. {

Это энциклопедическое собрание становилось доступным в латинских переводах лишь постепенно. Абельяр знал только два первых (возможно, также третий и четвертый) произведения "Органона". Иоанн Солсберийский, представитель следующего поколения, был знаком с шестью трактатами "Органона", но, по-видимому, не с остальными. Похоже, что к ним мало что добавлялось до начала XIII века, когда в Париже были упомянуты "Этика", "Физика" и "Метафизика", причем последние два - как запрещенные произведения. Великая эпоха переводов, по-видимому, пришлось на период между 1200 и 1270 годами, когда были сделаны как арабско-латинские, так и греко-латинские версии большинства оставшихся трактатов. Таким образом, восстановление Аристотеля заняло более полутора веков. В течение этого периода интеллектуальная жизнь Западной Европы стимулировалась притоком доселе неизвестных работ этого философа, и список доступных исследований пополнился весомым дополнением.

Как обычно, ученый мир и университеты медленно признавали ценность новых исследований. Отчасти это объяснялось природным консерватизмом преподавателей, отчасти - опасениями церковных властей, что изучение Аристотеля может породить ересь. Поэтому в документах того времени мы встречаем, с одной стороны, энергичные аргументы прогрессивных ученых в пользу Аристотеля, а с другой - университетские правила, предписывающие, какие книги должны или не должны изучаться.

Отношение Абельяра к Аристотелю уже приводилось (см. с. 19).

Его ученик, Иоанн Солсберийский, посвящает значительную часть "*Металогике*" обсуждению полезности различных частей "Органона" и защите Аристотеля, о чем свидетельствуют названия различных глав этой работы. Важно помнить, что он выступает за изучение как *вновь* переведенных книг, так и уже известных:

Что логика, поскольку она ищет истину, занимает ведущее место во всей
Философия.

О пользе категорий и их приспособлений.

О том, что такое концепция, и о пользе перизермании или
правильнее - Перизермений. [Peri Hermeneias. О толковании].

Из чего состоит тело искусства; и о пользе
Темы.

Почему Аристотель более других заслужил имя философа.

О том, что Аристотель во многом заблуждался; о его выдающихся заслугах в области логики.

Иоанн Солсберийский явно признавал превосходство Аристотеля среди логиков. Назвав Апулея, Цицерона, Порфирия, Боэция, Августина и других, он добавляет:

Но хотя каждый из них в отдельности блистает своими собственными заслугами, все они хвалятся тем, что поклоняются стопам Аристотеля; в такой степени, конечно, что он своим

несомненным превосходством сделал свое собственное имя общим именем всех философов. Ведь Антономий [фигура речи] называет его философом *par excellence*.

Однако очевидно, что в середине XII века Аристотель отнюдь не достиг того авторитетного положения, которое он занимал сто лет спустя. Об этом говорится в главе "О тех, кто плотничает над сочинениями Аристотеля":

Я не могу не задаться вопросом, какого рода умом они обладают (если, конечно, он у них есть), которые издеваются над трудами Аристотеля, которые, в любом случае, я предлагал не излагать, а восхвалять. Мастер Теодорих, насколько я помню, высмеивал "Темы" - не Аристотеля, а Дрого. А ведь когда-то он преподавал именно эти темы. Некоторые слушатели магистра Роберта из Мелуна клеветали на эту работу как на практически бесполезную. Все осуждали "Категории". Поэтому я некоторое время колебался, стоит ли их хвалить; но [не было никаких сомнений относительно] остальных его работ, поскольку они были одобрены всеобщим суждением; однако я не думал, что их следует хвалить неодобрительно". Тем не менее, против "Эленхи" [Опровержения софистов] возражают, хотя и глупо, потому что она содержит поэзию; но очевидно, что идиома [греческого] языка не очень-то легко поддается переводу. В этом отношении "Аналитики" кажутся мне предпочтительнее, поскольку они не менее эффективны для фактического использования и поскольку, будучи более легкими для понимания, они стимулируют красноречие[18].

О медлительности, с которой эти работы пробивали себе дорогу, рассказывает Роджер Бэкон в конце XIII века.

Но часть философии Аристотеля медленно вошла в обиход латинян. Ибо его "Натурфилософия" и "Метафизика", а также комментарии Аверроэса и других были переведены в наше время и отлучены от церкви в Париже до года Господа нашего 1237 из-за [их еретических взглядов на] вечность материи и времени и из-за [ересей, содержащихся в] книге о толковании снов (которая является третьей книгой о сне и бодрствовании), а также из-за многих ошибок в переводе. Также медленно принимали и читали "Логику", ибо блаженный Эдмунд, архиепископ Кентерберийский, первым в Оксфорде в мое время прочитал лекцию о книге "Эленхи" [Опровержения софистов], и я видел магистра Гуго, который сначала читал книгу "Задняя аналитика", и я видел его мнение. Итак, в вышеупомянутой философии Аристотеля было мало [книг], которые считались достойными [прочтения], учитывая множество латинян; нет, крайне мало и почти нет, вплоть до нынешнего года Господа нашего 1292. Также и "Этика" Аристотеля была опробована с запозданием и в последнее время читалась магистрами, хотя и только здесь и там. А вся остальная философия Аристотеля в тысяче томов, в которой он рассматривает все знания, еще никогда не была переведена и не стала известна латинянам"[19].

Последнее предложение этого рассказа демонстрирует незнание количества сохранившихся трудов Аристотеля, которое, несомненно, разделяли все современники Бэкона. Более ранние авторы, начиная с Андроника Родосского (I век до н. э.), также указывали число в тысячу; Бэкон, вероятно, скопировал это утверждение у одного из них.

Отношение церковных властей к изучению Аристотеля в Париже выражено в серии постановлений, растянувшихся почти на полвека (1210-1254). Поначалу они указывают на страх перед некоторыми из вновь переведенных книг из-за их еретических взглядов, о чем говорит Роджер Бэкон (стр. 44). Постепенно эта настороженность исчезает, и к 1254 году все наиболее важные работы Аристотеля не только одобряются, но и предписываются к изучению.

В 1210 году церковный собор, состоявшийся в Париже, приговорил некоторых еретиков к сожжению, осудил различные богословские труды и добавил:

Книги Аристотеля по натурфилософии и комментарии [Аверроэса к Аристотелю] не должны читаться в Париже ни публично, ни тайно; и это мы предписываем под страхом отлучения[20].

В 1215 году в уставе университета, составленном папским легатом Робером де Курсоном, подробно прописано, что должно и что не должно изучаться:

Трактаты Аристотеля по логике, как Старые, так и Новые, должны читаться в школах на обычных, а не на экстраординарных курсах. В праздничные дни не следует читать ничего, кроме ... Этики, если кто пожелает, и четвертой книги Топики. Книги Аристотеля по метафизике или натурфилософии, а также сокращенные варианты этих сочинений читать не следует"[21].

Другими словами, Старая и Новая логика - это предписанные исследования; Этика и Топика, кн. IV, являются факультативными; Метафизика и Натурфилософия - запрещены.

Шестнадцать лет спустя (1231 г.) Устав папы Григория IX для университета запрещает только натурфилософию, да и то лишь до тех пор, пока эти работы не будут "очищены от ошибок":

Кроме того, мы повелеваем, чтобы магистры искусств... не использовали в Париже те книги по натурфилософии, которые по определенной причине были запрещены на провинциальном совете [1210 года], пока они не будут изучены и очищены от всякого подозрения в заблуждении[22].

На окончательный триумф Аристотеля в университете указывает статут магистров искусств 1254 г.[23] Он должен был получить по крайней мере молчаливое одобрение папы или его делегата. Статут слишком длинный, чтобы привести его в полном объеме. Ни одно из произведений не запрещено, но многие из них предписаны. Список упомянутых произведений включает в себя

(1) шесть логических трактатов "Органона"; (2) "Этика", кн. I-IV; (3) Физика, О небе и земле, Метеорология, О порождении, О животных, О душе, О чувстве и разумных вещах, О сне и бодрствовании, О памяти и воспоминании, О жизни и смерти; (4) Метафизика. К ним добавляются еще две работы, которые, как тогда считалось, принадлежат Аристотелю, - "О растениях" и "О причинах" - и множество книг других авторов (названных на с. 137), которые не относятся к настоящему обсуждению. Сравнение приведенного выше списка с перечнем на странице 40 покажет, что в нем прописан почти весь круг произведений Аристотеля. Сравнение с уставом 1215 года покажет не только изменение взглядов на запрещенные тогда произведения, но и значительное расширение круга занятий факультета искусств в течение сорока лет.

Вышеизложенные подробности приведены для того, чтобы дать представление о первой стадии вопроса об Аристотеле в университетах. Статут 1254 года можно рассматривать как завершение долгой борьбы за признание его трудов. Широкий принцип их всеобщего признания был установлен; затем в течение почти трех столетий они оставались доминирующими исследованиями на факультетах искусств повсюду.

Эти столетия включают в себя второй период их академической истории. Сейчас их авторитет почти не подвергается сомнению, и горе тому, кто подвергает его сомнению! Они служат основой для великой структуры схоластической философии; они примирены с христианской доктриной. Аристотель становится "Философом" - так его называют даже в современной схоластической философии; он - "предтеча Христа в естественных вещах", "мастер знающих". В этот период академические дебаты касались деталей. Какие части его работ следует изучать для получения различных степеней в области искусств? В каком порядке их следует изучать? Какие комментарии следует читать? Какие переводы следует использовать? Уже в 1519 году эти вопросы стали основными в реформированном плане обучения искусству в Лейпциге. Читатель заметит, что упор делается на изучение самого текста, исключение фривольных комментариев и использование новейших переводов греческих ученых.

Поскольку, как говорит Цицерон, нет более желанного блага, чем философия, и ни одно из благ не было даровано роду смертных, не даровано небесами и не будет даровано когда-либо; чтобы мы могли обладать и этим, мы выбираем в качестве нашего руководства Аристотеля, которого мы побуждаем похвалить за знание фактов, количество его работ, его ораторские способности и проницательность его интеллектуальных сил. Мы не будем также толковать видения и сложные вопросы его толкователей, поскольку очень бедному уму свойственно мудреть только на основе комментариев, в которых, пренебрегая смыслом Аристотеля, софисты спорят о пустых пустяках. Но его сочинения, переведенные частично Археропилом [Аргиропулом], частично Августом Нифой и Гермолаем Барбарусом и Теодором Газой, станут понятны в следующем порядке:[24] [Далее следует список книг, о котором см. с. 134].

Третий этап споров об Аристотеле начался вскоре после 1500 года. Его труды стали менее исключительным предметом изучения: их вытеснили латинские и греческие классики. Более того, они неоднократно становились объектом нападок. В 1536 году в Парижском университете, который так долго поддерживал их изучение, Пьер Рамус успешно защитил поразительный тезис: "Все, чему учил Аристотель, ложно". Это был лишь один из признаков падения их престижа. Новые и усовершенствованные учебники по логике поглотили полезные части "Органона"; авторитет "Натурфилософии" упал с ростом экспериментальной науки; "Метафизика" уступила новой философии Декарта. К концу семнадцатого века они перестали быть мощным фактором университетского образования.

(b) Римское право

Большой сборник римского права, известный как *Corpus Juris Civilis* (Свод гражданского права), представляет собой второе важное дополнение двенадцатого века к университетским исследованиям. Вероятно, он оказал более значительное влияние на развитие университетов, чем труды Аристотеля.

Большая часть *Corpus Juris* была составлена в Константинополе в 529-533 гг. н. э. некоторыми выдающимися юристами под руководством римского императора Юстиниана. Целью работы было привести в порядок и гармонию массу запутанных и противоречивых статутов и правовых мнений, а также создать стандартный свод законов удобного размера вместо громоздкой массы неправильных текстов, которые обычно использовались, чтобы "весь древний закон, находившийся в состоянии путаницы в течение примерно четырнадцати сотен лет и теперь нами проясненный, мог быть, так сказать, заключен в стену и не иметь ничего за ее пределами". Юристы, которым была поручена эта работа, должны были также подготовить вводную книгу для студентов, о которой речь пойдет ниже. После

завершения всего труда Юстиниан издал (529-534 гг.) множество новых статутов (Novellae), которые так и не были официально собраны, но стали считаться частью Свода законов (Corpus Juris). Основными разделами Свода гражданского права являются.

(1) Кодекс в двенадцати книгах, который содержит статуты императоров, начиная с третьего века нашей эры.

Поскольку [говорит Юстиниан] мы находим весь ход наших законов... находится в таком запутанном состоянии, что достигает бесконечной длины и превосходит пределы всех человеческих возможностей, поэтому нашим первым желанием было начать с самых священных императоров древности, изменить их уставы и привести их в ясный порядок, чтобы они могли быть собраны в одну книгу и, будучи избавлены от всех лишних повторений и самых несправедливых разногласий, могли бы предоставить всему человечеству готовый ресурс их безупречного характера".[25]

(2) Дигесты, или Пандекты, в пятидесяти книгах, содержащие выдержки из мнений римских юристов по самым разным правовым вопросам. Этот труд также был предпринят для того, чтобы внести порядок и гармонию в царившую неразбериху:

Мы поручили всю работу Трибониану, выдающемуся человеку, магистру канцелярий, бывшему квестору нашего священного дворца и бывшему консулу, и возложили на него всю службу по описанному предприятию, чтобы он вместе с другими прославленными и учеными коллегами исполнил наше желание. [Он должен собрать воедино и подвергнуть определенным изменениям самые важные произведения древности, тщательно перемешанные и разрозненные, как их почти можно назвать. Но в разгар наших тщательных изысканий упомянутая возвышенная персона сообщила нам, что существует около двух тысяч книг, написанных старыми юристами, и более трех миллионов строк, оставленных ими, и все это необходимо прочитать, тщательно рассмотреть и выбрать из них то, что может оказаться лучшим. [Это было сделано] так, что все самое важное было собрано в пятидесяти книгах, и все неясности были улажены, не осталось ни одного преломленного места"[26].

В средневековых университетских документах Дигесты часто упоминаются в трех разделах, которые, вероятно, указывают на три отдельные части, в которых МС этого труда были привезены в Болонью в XI-XII веках: Старые Дигесты (Digestum Vetus) Bks. I-XXIV, титул ii, Infortiatum Bks. XXIV, титул iii-XXXVIII, титул iii, и Новые Дигесты (Digestum Novum) Bks. XXXVIII, титул iv-L. Значение термина Infortiatum неясно.

Такое различие между различными частями Дигест является чисто произвольным..... Разделение, должно быть, возникло в результате случайного разделения некоторых архетипических МС[27].

(3) Институции, в четырех книгах, элементарный учебник для студентов. Цель книги - дать простое, ясное и достоверное введение в изучение права и сэкономить время студента:

Когда мы упорядочили и привели в совершенную гармонию доселе запутанную массу имперских конституций (т. е. Кодекс), мы распространили нашу заботу на огромные тома древнего права; и, переплыв как бы через середину океана, мы теперь завершили, благодаря благосклонности небес, работу, которая когда-то казалась безнадежной (т. е. Дигест).

Когда, по благословению Божьему, эта задача была выполнена, мы призвали виднейшего Трибониана, хозяина и бывшего квестора нашего дворца, вместе с прославленными Теофилом и Доротеем, профессорами права, все из которых неоднократно доказывали нам

свои способности, юридические знания и послушание нашим приказам; и мы специально поручили им составить, под нашим руководством и советом, Институции, чтобы вы больше не изучали первые элементы права из старых и ошибочных источников, но постигали их при ясном свете императорской мудрости; и чтобы ваши умы и уши не получали ничего бесполезного или ошибочного, но только то, что имеет место в реальной практике. Так что если раньше младшие ученики после трех лет обучения едва ли могли прочесть императорские конституции, то теперь вы можете начать свое обучение с их чтения, вы, которые были сочтены достойными такой чести и счастья, что первые и последние уроки в познании закона должны исходить для вас из уст императора.

Итак, когда при содействии того же выдающегося человека Трибониана и других знаменитых и ученых людей мы составили пятьдесят книг, называемых Дигестами или Пандектами, в которых собрано все древнее право, мы распорядились разделить эти Институты на четыре книги, которые могли бы послужить первыми элементами всей науки права.

В этих книгах дается краткое изложение древних законов, а также тех, которые, омраченные забвением, были вновь извлечены на свет нашей императорской властью.

Эти четыре книги Институций, составленные таким образом из всех Институций, оставленных нам древними, и главным образом из комментариев нашего Гая, как в его Институциях, так и в его труде о повседневных делах, а также из многих других комментариев, были представлены нам тремя учеными мужами, которых мы называли выше. Мы прочитали и изучили их и придали им всю силу наших конституций.

Итак, примите с готовностью и изучите с веселым усердием эти наши законы и покажите себя людьми столь образованными, чтобы вы могли питать лестную надежду на то, что по окончании курса юридических наук вы сможете управлять нашей империей в различных частях, которые могут быть вверены вашему попечению.

Дано в Константинополе в одиннадцатый день календ
декабря, в третье консульство императора Юстиниана, когда-либо
Августа (533)[28]

(4) Новеллы (Novellae), или новые статуты, изданные Юстинианом между окончательным изданием Кодекса и его смертью (534-565 гг.). На самом деле они являются продолжением Кодекса, но никогда не были официально собраны.

Кодекс и Институции были известны и изучались в Италии на протяжении всех Темных веков, но Дигесты, самая большая и важная часть Corpus Juris, были почти полностью игнорированы, если не сказать неизвестны, вплоть до времени Ирнерия Болонского (ок. 1070-1130 гг.). Он и его соратники собрали и упорядочили разрозненные части всего Свода гражданского права и, в частности, представили Дигесты в Западной Европе. "Без Дигест изучение римского права находилось в худшем положении, чем изучение Аристотеля, когда он был известен только по "Органону"". Таким образом, в самом важном смысле восстановление Corpus Juris стало вкладом двенадцатого века в группу доступных высших наук. До сих пор право преподавалось, как правило, в качестве простого раздела риторики и как часть либерального образования. Теперь же объем материала был достаточен для того, чтобы занять все время студента в течение нескольких лет. Таким образом, она стала самостоятельным предметом и стала профессиональным исследованием.

Влияние этого вновь обретенного объема знаний на рост университетов было очень похоже на влияние Абеляра и его нового метода. Студенты тысячами стекались в Болонью, чтобы изучать право, и к концу двенадцатого века там был организован университет. Многочисленные другие университеты возникли непосредственно в результате того же импульса, и "право было ведущим факультетом в гораздо большем числе средневековых университетов" (Рэшдалл). За исключением канонического права, *Corpus Juris Civilis* оставался главным предметом изучения на юридических факультетах на протяжении более пяти веков. Римское право до сих пор в основном преподается в европейских университетах. Таким образом, импульс, данный Ирнерием и его соратниками, оказывает влияние на университетские дела и в наши дни.

Влияние римского права на социальную и политическую историю Европы очень велико. Эта тема выходит за рамки данной работы, но следует отметить, что это влияние было оказано в результате его изучения в университетах (см. Rashdall, Vol. II, Pt. II, pp. 708-709).

Рашдалл и Денифл считают, что пример Юстиниана вдохновил первых средневековых ученых на предоставление особых привилегий (см. с. 82). Если это так, то Римское право оказало важнейшее влияние на историю самих университетов. Двумя важными средневековыми привилегиями для магистров и ученых были освобождение от налогов и право на рассмотрение дел в специальных судах. Были ли они скопированы из Римского права - вопрос спорный; но Кодекс Юстиниана, следуя статутам предыдущих императоров, прямо предоставляет обе эти привилегии преподавателям. Они упоминаются так часто, что стоит привести те, которые имеют отношение к этому вопросу:

ИМПЕРАТОРЫ ЛЕО И ЗЕНОН, АВГУСТЫ, ЕВСЕВИЮ, МАГИСТРУ КАНЦЕЛЯРИЙ.

Настоящим законом мы постановляем, что те, кто служит в отдельных школах и, завершив программу своих обязанностей, достигнет звания вождей и благодаря благоговейному пурпуру нашего божества получит достоинство прославленных графов, будут пользоваться как поясом, так и всеми открытыми им привилегиями, и впредь до конца жизни будут подчиняться только суду Вашего Высочества, ни по чьему бы то ни было повелению не будут принуждены к гражданским тяжбам.

Однако в уголовных делах и в делах, связанных с государственной данью, мы желаем, чтобы даже в отношении таких людей была признана соответствующая юрисдикция правителей провинций, чтобы под предлогом дарованной привилегии не усилилось влияние нечестивцев и не уменьшилось общественное благо"[29].

ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН, АВГУСТ, К НАРОДУ.

Мы предписываем, чтобы врачи, главным образом императорские, и бывшие императорские врачи, грамматики и другие профессора словесности, вместе со своими женами и сыновьями и всем имуществом, которым они владеют в своих городах, были освобождены от уплаты налогов и от всех гражданских и общественных повинностей, и чтобы в провинциях у них не квартировали посторонние, не исполняли никаких служебных обязанностей, не привлекались к суду, не подвергались процессу и не терпели несправедливости; а если кто-либо притесняет их, то он должен быть наказан по усмотрению судьи. Мы также повелеваем выплачивать им жалованье и гонорары, дабы они могли с большей готовностью обучать многих либеральным наукам и вышеупомянутым искусствам.

Провозглашено в пятый день до календ октября (27 сентября) в Константинополе, в консульство Далмация и Зенофила[30].

(с) Каноническое право

Около 1142 года (год смерти Абеяра) Грациан, монах из Болоньи, несомненно, под влиянием школы римского права в этом городе, составил сборник Канонического права, в который вошли каноны или правила, регулирующие деятельность Церкви в ее разнообразных сферах - "ее отношения со светской властью, ее собственное внутреннее управление или поведение ее членов". До сих пор каноническое право считалось лишь разделом теологии, так же как римское право считалось разделом риторики. Теперь оно стало самостоятельным предметом, еще одним дополнением к системе высшего образования. Влияние на развитие университетов было не менее значимым, чем *Corpus Juris Civilis*.

Компиляция, составленная Грацианом, пополнялась последующими поколениями, и в XV веке весь свод церковного права стал известен как *Corpus Juris Canonici* (Свод канонического права). Его основными разделами являются:

1. Декрет Грациана (*Decretum Gratiani*) в трех частях, опубликованный в 1142 году. Часть I содержит сто одно различие (*distinctiones*) или разделение, которое касается вопросов, связанных с церковными лицами и должностями. Дистинкция XXXVII переведена ниже. Часть II содержит тридцать шесть дел (*causae*), каждое из которых разделено на вопросы (*quaestiones*). Эти вопросы касаются проблем, которые могут возникнуть в процессе применения канонического права. Часть III содержит пять отличий, которые касаются ритуала и таинств церкви. Под каждым отличием, или вопросом, расположены каноны - мнения церковных авторитетов по обсуждаемому вопросу.

2. Декреталии (*Decretales*), в пяти книгах, опубликованные папой Григорием IX в 1234 году.

3. Шестая книга (*Liber Sextus*), дополнение к Декреталиям Папой Бонифацием VIII в 1298 году.

4. Конституции Клементина (*Constitutiones Clementinae*), 1317 г.

5. Несколько сборников папских законов, не включенных в вышеперечисленные, известных под общим названием "Экстравагантные" (*Extravagantes*), т. е. законы вне вагантов, или вне четырех упомянутых сборников.

Среди них Декретум Грациана был великим нововведением, которое впервые выделило каноническое право в отдельную область знаний, отдельную как от теологии, так и от римского права. Он был написан как учебник; "это был один из тех великих учебников, которые берут мир штурмом". Она создала совершенно новый класс студентов, отдельный от тех, кто изучал искусство, теологию, римское право и медицину, - точно так же, как развитие инженерного дела и других новых профессиональных занятий создало новые группы студентов университетов в наши дни, - и тем самым увеличила приток студентов в университеты.

Приведенная ниже подборка иллюстрирует многочисленные особенности средневекового университетского образования. (1) Сам вопрос является очень древним предметом дебатов; споры на религиозной почве относительно изучения классики продолжались уже почти

тысячу лет, и им суждено было продолжаться еще несколько столетий после появления *Декрета*. Многие подобные вопросы обсуждались в университетах на протяжении многих поколений. Споры о классике ведутся до сих пор, хотя в аргументах "за" и "против" уже не поднимается вопрос о ее влиянии на религиозную веру. (2) Эта подборка - один из многих примеров сильного влияния метода Абеляра на средневековую письменность и преподавание. Читатель сразу же увидит в ней форму "Да и Нет". (3) Она дает очень хорошее представление о содержании университетской лекции, которая обычно состоит из чтения фактического текста и комментариев, приведенных здесь (см. с. 111). (4) Здесь показано, как масса комментариев заслонила собой оригинальный текст и, как следствие, поглотила большую часть внимания преподавателей и студентов. Одной из целей университетской реформы во всех учебных заведениях в конце XV - начале XVI века было отбросить этот обременительный и зачастую бесполезный материал и вернуться к изучению самого текста (см. с. 48). (5) Она иллюстрирует распространенный способ толкования в переносном смысле отрывков из Библии, которые современному читателю кажутся не имеющими переносного значения. Так (с. 64, 66), язвы лягушек и мух, которые Моисей наслал на Египет, символизируют "пустую болтливость диалектиков и их софистические аргументы"; дары трех волхвов младенцу Иисусу означают "три части философии" и т. д. Средневековая литература содержит огромное количество подобных толкований.

Для наглядности текст и "глосса", или комментарий, помещены здесь на противоположных страницах. Текст представляет собой компиляцию, в основном из более ранних компиляций; Грациан, как правило, не обращался к самим источникам. Его ученик, Паукапалея, сделал множество дополнений к тексту, одно из которых представлено в этой подборке.

Переведенная здесь глосса - это стандартный комментарий (*glossa ordinaria*), который на протяжении веков использовался на обычных университетских лекциях (см. с. 108). Как и текст, он представляет собой компиляцию из многих источников. Впервые он был составлен (ок. 1212 г.) Иоанном Немецким (Joannes Teutonicus), который добавил свои собственные примечания - обычно с подписью "Иоанн" - к своим подборкам из более ранних глоссаторов. К его примечаниям часто прилагаются имена или титулы, часто сокращенные, комментаторов, которых он цитирует, например, Иоанн из Фаэнцы, Гуго [из Пизы], К[ардиналис], Лау[рентий Испанский]; многие примечания не подписаны. Около 1238 года сборник Иоанна Немецкого был пересмотрен и расширен Варфоломеем Брешианским, который также добавил комментарии других авторов, например, Arc[hidiaconus]. Этот пересмотр составляет большую часть, если не всю, глоссы, которая приводится ниже.

Перекрестные ссылки в комментариях ниже оставлены без перевода. В основном они представляют собой цитаты из других отрывков самого *Декрета*. Такие ссылки, как XVI. quaest III. nemo, следует читать как Случай XVI, вопрос III, в разделе, начинающемся *Nemo*; XLVIII dist. sit rector означает Дистинкция XLVIII, в разделе, начинающемся *Sit rector*. Несколько ссылок в этой подборке неверны.

Глосса на этой странице относится к первой строке текста на странице 60. Вместе с аннотациями на последующих страницах она образует полный анализ текста. В ней указаны, во-первых, пять подразделов *distinctio*, во-вторых, ее общий смысл. В более поздних резюме анализируются небольшие фрагменты текста. (Ср. описание лекции Одофредуса, с. 111.)

Этот раздел делится на пять частей; вторая начинается: "Тогда почему..." (с. 68); третий начинается: "Донесение дошло как" (с. 74); четвертый начинается: "Христианам запрещено" (с. 75); пятый начинается: "Итак, это очевидно" (с. 75). Иоанн Фа[A].

Краткое содержание. Далее следует тридцать седьмое отделение, в котором ставится вопрос о том, подобает ли духовенству знакомиться с профанной литературой, то есть с книгами язычников. И сначала он доказывает, что их не следует читать (до слов "Но, с другой стороны", с. 64). Затем он доказывает обратное и после этого дает решение (до "Тогда почему", с. 68). Первые две главы ясны.

[ДОЛЖНЫ ЛИ СВЯЩЕННИКИ ЗНАКОМИТЬСЯ С ПРОФАННОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ ИЛИ НЕТ?]

= Но задается вопрос (*h*), следует ли знакомить этих людей знакомиться ли этим людям с профанной литературой?

Вот что написано по этому вопросу в четвертом Карфагенском соборе:

=Епископ не должен читать книги язычников.=

Епископ не должен читать книги язычников: книги еретиков он может читать осторожно, либо по необходимости (*k*), либо по какой-то особой причине.

Иероним к папе Дамасу о блудном сыне:

=Священники достойны порицания, которые, пренебрегая Евангелиями, читают комедии.

Мы видим, как священники Божьи, пренебрегая Евангелиями и Пророками, читают комедии, поют умильные слова буколических стихов, держат в руках Вергилия и делают то, что происходит с мальчиками, необходимым (*k*) основанием для обвинения себя, потому что они делают это ради удовольствия.

Idem:

=В суе и мраке чувств ходят те, кто занимается профанической ученостью[B].

Не кажется ли вам, что он ходит в суе чувств и во тьме разума, кто день и ночь мучает себя диалектическим искусством; кто, как исследователь природы, возводит очи к небесам и, за глубинами земель и бездны, погружается в так называемую пустоту; кто греется над ямбом, кто в своем ревностном уме анализирует и комбинирует великие джунгли метров; и, (чтобы перейти к другой фазе вопроса), кто ищет богатства честными и нечестными способами, кто ластится к королям, хватается за чужие наследства и накапливает богатство, хотя не знает в то время, кому он собирается его оставить?

(*h*) В этом тридцать седьмом отделе Грациан спрашивает, должен ли тот, кто хочет получить сан, быть знаком с профанной литературой. Сначала, однако, он показывает, что духовенство не должно обращать внимания на книги язычников. D) Затем он приводит аргумент с другой стороны и предлагает такое решение: одни читают книги язычников для развлечения и удовольствия, и это запрещено, а другие читают для обучения, и это законно, чтобы через эти книги они могли узнать, как правильно говорить и отличать истинное от ложного. Иоанн, вплоть до "Тогда почему" (с. 68). И заметьте, что во всех главах вплоть до "Но, с другой стороны" (с. 64) запрещено только удовольствие.

(*i*) Поэтому им не следует слушать законы, ибо это позор для них, если они хотят быть сведущими в судебном обучении. C. de testa consulta divalia. Но, с другой стороны, законы божественно провозглашаются устами принцев, как XVI. quaest. III, nemo.[E] Некоторые

говорят, что законно слушать законы, чтобы через них лучше понять каноны. Он приводит аргументы в пользу этого разделения в разделе, начинающемся "Некоторые читают профанную литературу" (с. 70). Иоанн.

(k) Для того чтобы они знали, как правильно говорить.

Аналогично [Иероним] говорит об Исaйе:

Тот, кто неправильно понимает священные писания или неверно использует профанную мудрость, пьян от вина[F] и крепкого напитка.

Вином опьянены те, кто (l) неправильно понимает священные писания и извращает их, а крепким напитком неправильно использует профанную мудрость и хитрости диалектиков, которые следует называть не столько хитростями, сколько фигурами, то есть символами, так называемыми, и образами, которые быстро проходят и разрушаются. Точно так же, в соответствии с тропологией (m), мы должны считать лжепророками тех, кто толкует слова Писания иначе, чем их произносит Святой Дух, и божественными тех, кто на основании умозаключений собственного разума и вне авторитета божественных слов провозглашает истинными неопределенные события будущего. Точно так же те, кто не понимает Писания в соответствии с действительной истиной, едят кислый виноград.

То же самое говорит [Иероним] в Послании к Ефесеянам:

Порицаются епископы, которые обучают своих собственных сыновей профанной литературе[G].

Пусть читают [это] те епископы и священники, которые обучают своих сыновей профанной литературе, заставляя их читать известные комедии и петь низкие сочинения актеров фарсов, обучая их, возможно, на деньги церкви.(a) А то, что принесла в жертву дева, или вдова, или любая беднячка, излив все свое имущество в жертву за грех, - это [идет] в дар (b) календарю и на сатурналии, (c) а со стороны грамматика и оратора - на благодарственную жертву Минерве, или же обращается на домашние расходы, или на пожертвования в храм, или на низкую прибыль. Илай, священник, сам был свят, но поскольку...

(l) Уши тех, кто неправильно понимает слова Учителя, должны быть отрезаны: как XXIV. quaest. I. si Petrus.

(m) То есть, в соответствии с моральным[I] смыслом, от trope, то есть поворота[J] или применения, когда мы применяем наши слова для формирования характера.

XLIII. distinct. sit rector.

Additio. Они поступили наоборот, и он пишет о покаянии, distinct. I. super tribus. Archi.

(a) Он утверждает противоположное в dist. XXXI. omnino.

(b) Strena - первый дар, который дарят в начале календ[K]. Он дается в знак хорошего предзнаменования. XXV. quaest. ulti. non observetis.

Он называется Strena, как бы от sine threna, то есть без причитаний.

(c) Sportula (подарок), который дарят за басни о Сатурне, или за празднование праздника Сатурна, или за игры Сатурна, - на удачу.

...если он не обучал своих сыновей (d) всем видам улучшения дисциплины, он пал ниц и умер".

(Также из ответов папы Урбана Карлу, гл. 48).

Палеа [Паукапалеа, ученик Грациана]:

Еретики, когда спорят, всю силу своего ума полагают на диалектическое искусство, которое, по мнению философов, имеет силу не помогать, а разрушать исследование. Но диалектическое искусство не было угодно Богу Отцу, Сыну и Святому Духу, ибо Царство Божие в простоте веры, а не в спорных речах.

Также Рабанус о страданиях Церкви:

Блаженный Иероним избит ангелом за то, что читал труды Цицерона.

О блаженном Иерониме мы читаем, что, когда он читал сочинения (e) Цицерона, его побил ангел за то, что, будучи христианином, он предавался сочинениям язычников.

[Последующее рассуждение "Отсюда Беда" и т. д., стр. 66, в современных изданиях приписывается Грациану].

Так и блудного сына в Евангелии порицают за то, что он хотел бы наполнить свое брюхо шелухой (f), которую ели свиньи.

Также и Ориген понимает под мухами и лягушками, которыми были поражены египтяне, пустую болтовню диалектиков и их софистические аргументы.

Из всех этих примеров следует, что знание профанной церковнослужители не должны стремиться к знанию профанной литературы.

Но, с другой стороны[N], читаем, что Моисей и Даниил были познали всю мудрость египтян и халдеев.

Читаем также, что Бог повелел сынам Израиля портить (g) египтян их золото и серебро; моральное толкование этого учит, что если мы найдем у поэтов золото мудрости или серебро красноречия, то должны обратить их на пользу полезного обучения. В книге Левит нам также предписывается ...

(d) Такой вариант отвергается доказательствами, как VI. quaest. I. qui crimen. Кроме того, он не может быть епископом. Как XLVIII. dist. § necesse. Его называют скорее псом, чем епископом. Как II. quaest. VII. qui nee. Иоанн.

(e) Потому что он читал их для удовольствия, а не для обучения, как de conse. dist. V. non mediocriter.

(f) То есть, с профанной мудростью, которая наполняет, но не удовлетворяет,[O]

(g) XIII. quaest V. dixit.[P]

...приносят Богу первые плоды меда, то есть сладость человеческого красноречия. Волхвы также принесли три дара, под которыми некоторые хотят, чтобы мы понимали три части (h) философии.

[Читатель заметит, что два следующих абзаца относятся более уместно отнести к первой части аргументации; их можно вставить непосредственно перед третьим абзацем выше: "Из всех этих случаи" и т. д.].

Наконец, в своем изложении Псалмов Кассиодор свидетельствует, что все великолепие риторического красноречия, вся мелодия поэтической речи, все разнообразие приятного произношения имеют свое начало в Божественных Писаниях.

Так же и Амвросий говорит о Послании к Колоссянам: Вся совокупность небесных знаний или земных творений находится в Том, Кто является их Источником и Автором, так что тот, кто знает Его, не должен искать ничего сверх, потому что Он есть благодать и мудрость в их полноте; что бы ни искали в другом месте, в Нем находят в полноте. На примере Даниила и Соломона он показывает, что для неверных Он - источник всего их красноречия и мудрости. Неверные так не думают, потому что не читают в Евангелиях и у пророков об астрологии и других подобных вещах, которые имеют малую (*i*) ценность, потому что не приносят спасения, но ведут к заблуждению; и кто посвящает себя им, тот не заботится о своей душе; тогда как тот, кто знает Христа, обретает сокровищницу мудрости и знания, потому что знает, что приносит пользу.

Поэтому Беда говорит в "Книге королей":

= Духовенству не следует препятствовать чтению профанной литературы.

Тот вредит умственным способностям читателей и приводит их в упадок, кто думает, что им следует всячески препятствовать чтению профанных книг; ибо все полезное (*k*), что можно найти в них, законно принимать как свое собственное. Иначе Моисею и Даниилу не было бы позволено изучать мудрость и литературу египтян и...

(*h*) Т.е. этика, натурфилософия, рациональная философия.

(*i*) В сравнении с другими знаниями. Джон.

(*k*) Он утверждает, что полезное не опошляется бесполезным, как XVII. q. IV. questi s. dist. IX. si ad scripturas. Contra Joan.

...халдеи, чьих суеверий и распутства они все же сторонились. Да и сам учитель (*l*) язычников не стал бы вводить (*m*) некоторые стихи поэтов в свои собственные сочинения или изречения.

[На это Грациан комментирует:]

Почему же тогда запрещены к чтению те [сочинения], которые...

(*l*) Ибо мы читаем, что когда Павел пришел в Афины, он увидел алтарь Неизвестного Бога, на котором было написано: "Это жертвенник Неизвестного Бога, в Котором мы живем и движемся и имеем бытие". И с этой надписи апостол начал свое увещание и разъяснил афинянам смысл этой надписи, продолжая о нашем Боге и говоря: "Кого вы называете Неизвестным, Того я возвещаю вам и поклоняюсь". Тогда Дионисий Ареопагит, увидев проходившего мимо слепого, сказал ему (то есть Павлу): "Если ты дашь зрение этому слепому, я поверю тебе". Тотчас же, после того как было призвано имя Христа, он прозрел, и Дионисий уверовал".

(m) Например, в Послании Павла к Титу[U] цитата из поэта Эпименида: "Критяне - всегда лжецы, злые звери, медлительные животы". I. quaest, i. dominus declaravit.

Также он ввел в Первое послание к Коринфянам следующее из Менандра: "Злые связи часто развращают добрые нравы". XXVIII. quaestio I. saepe.

Он также использовал этот стих: "Я буду ненавидеть, если смогу; если же нет, то буду любить против воли". Иероним же в своем пятом отделе о Посвящении часто использовал стихи Вергилия и Августина, в том числе Лукана: "Mens hausti nulla" и т. д. XXVI. quaestio V. nee mirum. И, как юрист, он пользуется авторитетом Вергилия, ff. de rerum divisione, intantrum § cenotaphium; а также Гомера, insti. de Dontrahen. emp. § pretium.

...показано так обоснованно, следует ли читать? Одни (n) читают профанную литературу для своего удовольствия, наслаждаясь произведениями поэтов и прелестью их слов; другие изучают ее для пополнения своих знаний, чтобы, читая заблуждения язычников, обличать их и обращать на службу священному и благочестивому изучению то полезное, что они в ней находят. Такие люди достойны похвалы, если добавляют к своему обучению литературу профанную. Поэтому блаженный Григорий порицал некоего епископа не за то, что тот изучал ее, а за то, что, вопреки своей епископской обязанности, он читал народу грамматику вместо евангельского урока.

Поэтому и Амвросий пишет о Луке:

=Профанные писания следует читать, чтобы они не были неизвестны.

Некоторые мы читаем (o) том, чтобы не пренебрегать (a) ими; мы читаем, чтобы не быть невеждами в них; мы читаем не для того, чтобы принять их, а для того, чтобы отвергнуть их.(b)

Иероним о Послании к Титу:

= Граматику следует читать для того, чтобы через нее понимать Священное Писания.

Если кто-либо изучил грамматику или диалектику, чтобы иметь возможность правильно говорить и отличать истинное от ложного, мы его не осуждаем. Геометрия (c) и арифметика, и музыка содержат истину в своем собственном диапазоне знаний, но это знание не есть знание благочестия. Благочестие состоит в том, чтобы знать Закон, понимать пророков, верить Евангелию, (и) не быть невежественным в отношении апостолов. Более того, учение грамматиков может способствовать жизни, если оно было применено к ее высшим целям".

Idem:

=Из примера Даниила следует, что не грех быть сведущим в профанной литературе.

(n) Отсюда святой Григорий в своем LXXXVI отделе и во многих других местах.

(o) Весь этот раздел должен быть прочитан в отношении профанного знания, согласно Иерониму, и показана тройная причина, по которой его следует приобретать: чтобы не пренебрегать им, чтобы оно не было неизвестно, чтобы его можно было опровергнуть[X]. Поэтому мы читаем некоторые книги, как Ветхий и Новый Заветы, чтобы не пренебрегать ими. Некоторые мы читаем (как Искусство), чтобы не быть невеждами в них. Некоторые, как сочинения еретиков, чтобы мы могли их опровергнуть. Некоторые (мы читаем), чтобы ими не пренебрегать, как Ветхий Завет.

(a) Ибо хотя они и бесполезны, но знать их необходимо, как в dist. VII. cap. ult.

(b) Как книги еретиков. Как XXIV. quaestio III. cap. ult.

(c) Геометрия. Он не упоминает об астрономии, потому что этот предмет вышел из употребления, как XXVJ. quaest. II. § его ита.

Те, кто не желает приступать к столу (d) [т. е. мясу] и вину царя, чтобы не оскверниться, конечно, никогда не согласились бы учиться тому, что незаконно, если бы знали, что (e) мудрость и обучение вавилонян греховны. Однако они учатся не для того, чтобы соответствовать им, а для того, чтобы судить и осуждать. Например, если кто-либо, не знающий математики, захочет писать против математиков, он подвергнет себя осмеянию; также и в споре с философами, если он не знает догм философов. Поэтому с таким намерением они будут изучать мудрость халдеев, как Моисей изучил всю мудрость египтян. Так и мы: Если когда-либо мы вынуждены обращаться к профанной литературе и узнавать из нее то, что раньше опускали, то это не по нашему личному желанию, а, так сказать, по самой серьезной необходимости, - чтобы доказать, что события, предсказанные (f) много веков назад святыми пророками, содержатся (g) в писаниях греков, а также латинян и других язычников.

То же самое можно сказать и о синоде папы Евгения:

= Епископы должны назначать учителей и наставников в подходящих местах.=[Y]

До нас дошли сведения о том, что в некоторых регионах нет ни учителей, ни заботы о том, чтобы изучать буквы. Поэтому все епископы должны всячески заботиться и усердствовать среди подвластных им народов, а также в других местах, где может возникнуть необходимость, чтобы были назначены учителя и наставники для усердного обучения письму и принципам свободных искусств, потому что в них особенно открываются и провозглашаются божественные повеления.

Подобным образом поступает и Августин в своей книге против манихеев:

= Тщеславие язычников подавляется и опровергается использованием их собственных авторитетов.

Если сивилла, Орфей или другие прорицатели язычников,

(d) Даниил, Анания, Мисаил[3], Азария. (AA) Ибо позорно тому, кто участвует в дискуссии, не зная закона, о котором идет речь.

(e) Из того, что Иероним приводит здесь пример Даниила, вытекает аргумент, что в сомнительных случаях следует прибегать к примеру наших праотцев и других людей. XVI. quaest. I. sunt nonnulli. XXII. quaest. I. ut noveritis. I quaest. VII. convenientibus. XII. quaest. II. questa. XVI. quaest. III. praesulum. XVI. quaest. I. cap. ult. XXVI. quaest. II. non statutum. et cap. non exemplo. C. de sen. et interlo. nemo[AB] contra. Решение состоит в том, что там, где правила не работают, следует прибегать к сходству, в противном случае - нет. XX. distinct. de quibus;[AC] предполагая, что это так, как там сказано. Подобным образом аргумент утверждает, что добро предполагается в силу самого факта, что оно произошло от чего-то доброго. Как VII. quaest. I. omnis qui. & XXXVIII. quaest. I. cum beatissimus. IX. quaest. II. Lugdunensis. XII. quaest. I. expedit. XXVIII. quaest. I. sic enim. XXXI. distinct. omnino. Иоанн.

(f) Например, что касается Воплощения, это место из Вергилия: "Jam nova progenies caelo demittitur ab alto".

(g) Например, отрывок из Овидия: "Odero si potero: si non, invitus amabo."

[Примечания к остальным абзацам текста здесь опущены из-за их длины].

...или философы, как говорят, предсказали какую-то истину, она, конечно, имеет вес в преодолении тщеславия язычников; но не в том, чтобы привести к признанию их авторитета. Ибо как велика разница между предсказанием пришествия Христа ангелами и исповеданием дьяволов, так же велика разница между авторитетом пророков и любопытством святотатцев".

Так же и папа Климент:

=Для понимания Священного Писания знание профанных писаний необходимо.

До нас дошли сведения, что некоторые, живущие в ваших краях, противятся священному учению и учат так, как им кажется лучше, не по преданию отцов, а по собственному разумению; ибо, как мы слышали, некоторые изобретательные люди из ваших краев извлекают много аналогий истины из книг, которые они читают. И нужно особенно следить за тем, чтобы при чтении закона Божьего он не читался и не преподавался в соответствии с собственными умственными способностями и интеллектом человека. Ибо в Божественном Писании есть много слов, которые можно придать такое значение, которое каждый по своей воле может принять для себя; но этого не должно быть, ибо не следует искать смысл внешний, чуждый и странный, чтобы каким бы то ни было способом утвердить свое мнение в авторитете Писания; но следует извлекать смысл истины из самого Писания. И потому подобает приобретать знание Писаний от того, кто охраняет их согласно истине, переданной ему отцами, и чтобы он мог правильно передать то, чему он верно научился. Ибо когда каждый усвоил из Божественных Писаний надежное и твердое правило истины, не будет странным, если из общей культуры и свободных занятий, которых он, возможно, коснулся в юности, он также привнесет что-то в поддержку истинного учения, - однако таким образом, чтобы, узнав истину, он отверг ложное и притворное.

Подобным образом поступает и Исидор в своей книге "Максимы":

= Почему христианам следует запретить читать произведения поэтов.

Христианам запрещено читать произведения поэтов, потому что через соблазны их басен ум слишком сильно побуждается к побуждениям незаконных желаний.

Ведь в жертву дьяволам приносят не только фимиам, но и слишком охотно принимают их изречения.

[Грациан делает Вывод].

Поэтому, как следует из уже приведенных авторитетов, невежество должно быть отвратительным для священников. Ведь если они, не зная своей собственной слепоты, берутся руководить другими, то оба падают в ров. Поэтому в псалме сказано: "Да помрачатся глаза их, чтобы они не видели, и да преклонят всегда спину свою". Ибо, когда те, кто идет впереди, помрачены, те, кто следует за ними, легко склонны нести бремя грешников. Поэтому священники должны стараться отгонять от себя невежество, как язву. Ибо хотя в некоторых случаях и говорится, что пороть надо раба, который не исполняет волю своего господина по незнанию этой воли, но это не так, как обычно понимают все. Ибо апостол говорит: "Если кто невежда, пусть будет невеждой", что следует понимать как обращение к тому, кто не желает иметь знания, чтобы поступать хорошо.

Об этом говорит и Августин в своей книге "Вопросы":

Не всякий невежественный человек свободен от наказания. Ибо невежественный человек, который невежественен потому, что не нашел способа познания (закона), может быть оправдан от наказания, в то время как не может быть прощен тот, кто, имея средства познания, не воспользовался ими[31].

(d) *Теология*

Как уже отмечалось выше, одним из двух великих вкладов возрождения образованности в двенадцатом веке в область университетских исследований было схоластическое богословие. Количество книг, написанных на эту тему, было огромным. Эти громоздкие тома, снабженные комментариями, занимают длинные ряды на полках наших великих библиотек, но они являются памятниками поля битвы разума, которое сейчас по большей части заброшено. Важность этого предмета в схеме средневекового образования сильно преувеличена; им занималось очень небольшое меньшинство студентов. Однако для историка образования он представляет определенный интерес как иллюстрация того, как метод, разработанный одним оригинальным мыслителем, может повлиять на работу ученых и университетов на протяжении многих поколений. Метод схоластического богословия в основном обязан Абельяру.

Корни благородно разработанных систем теологии XIII века лежат в XII веке; и все "Суммы теологии", которых было немало не только до Александра Хейльского [XIII век], но и до и во времена Петра Ломбарда, могут быть прямо или косвенно прослежены до Парижа[32].

В этой массе богословских трудов выделяется одна книга, которая на протяжении трех столетий оказывала наибольшее влияние на университетское преподавание теологии. Это "Сентенции" (*Sententiae*) Петра Ломбарда (ок. 1100-1160 гг.), состоящие из четырех книг. Темы, обсуждаемые в этом произведении, схожи с теми, что рассматривал Абельяр в "*Sic et Non*" (см. с. 20). В ряде случаев в нем используется форма изложения, использованная в этой книге, то есть цитирование авторитетов с обеих сторон. Как и *Декретум* Грациана, он является иллюстрацией широкого влияния *Sic et Non*.

К этой книге было написано множество комментариев. В рукописном примечании к одному из экземпляров, хранящихся в Гарвардской библиотеке, говорится, что известно четыреста шестьдесят таких комментариев; но мне не удалось проверить это утверждение.

Теоретически Библия изучалась на богословских факультетах в дополнение к "Сентенциям"; но в тринадцатом веке и позже она, похоже, занимала незначительную долю внимания студентов на практике. Об этом свидетельствует критика Роджера Бэкона в 1292 году:

Хотя главным предметом изучения богослова должен быть текст Писания, как я доказал в предыдущей части этого труда, однако в последние пятьдесят лет богословы в основном заняты вопросами [для обсуждения], как всем известно, в трактатах и *summae*, - грузах лошадей, составленных многими, - а вовсе не святейшим текстом Бога. И, соответственно, богословы охотнее принимают трактат о схоластических вопросах, чем о тексте Писания..... Большая часть этих вопросов, введенных в богословие, со всеми способами спора (см. с. 115) и решения, относится к философии, что известно всем теологам, которые хорошо потренировались в философии, прежде чем перейти к богословию. И другие вопросы, которые используются богословами, хотя и в терминах теологии, а именно: о Троице, о грехопадении, о воплощении, о грехе, о добродетели, о таинствах и т. д., - в основном

проветриваются с помощью авторитетов, аргументов и решений, взятых из философии. Поэтому все занятие богословов в наши дни - философское, как по существу, так и по методу[33].

(е) Медицина

Медицинская наука Западной Европы значительно расширилась в одиннадцатом и двенадцатом веках благодаря переводу на латынь многочисленных трудов греческих, арабских и еврейских врачей. Они стали стандартными учебниками для медицинских факультетов и школ. Греческие писатели, наиболее часто упоминаемые в университетских списках исследований, - Гиппократ (V век до н. э.) и Гален (II век н. э.). Некоторые из их наиболее важных работ были впервые переведены, как и работы Аристотеля, с арабских версий греческого оригинала. Авиценна (ок. 980-1037 гг.) внес наиболее значительный вклад в арабский язык. Сведения об этих людях и их трудах можно найти в любой хорошей энциклопедии. О программе обучения в Париже см. D.C. Munro, "Translations and Reprints", Vol. II, Pt. III. Список книг, используемых в Монпелье, одной из самых важных медицинских школ, приведен в Rashdall, Vol. II, Pt. I, p. 123, и Pt. II, p. 780; список для Оксфорда, p. 454 f.

(f) Другие университетские учебники

В предыдущих разделах указаны книги, которые послужили интеллектуальной основой для возникновения университетов и, в частности, основой для их разделения на факультеты. Они ни в коем случае не отражают весь список книг, использовавшихся в университетах между 1200 и 1500 годами; да и не представляется возможным дать такой список. Следует отметить лишь два факта: Во-первых, значительное количество книг, уже хорошо известных в двенадцатом веке, использовалось в дополнение к тем, которые упоминались выше. Среди них можно назвать латинские грамматики Доната (ок. 350 г. н. э.) и Присциана (ок. 500 г. н. э.), трактаты Боэция (ок. 475-525 гг.) по риторике, логике, арифметике и музыке, его переводы различных частей "Органона" Аристотеля и "Ягоги", или "Введения в категории" Аристотеля, Порфирия (ок. 233-306 гг.). Геометрия Евклида (ок. 300 г. до н. э.) была переведена около 1120 г. Аделардом Батским, а Астрономия (Альмагест) Птолемея (II в. н. э.) была пересказана с арабского Герардом Кремонским ближе к концу XII в. под названием *Theorica Planetarum*.

Во-вторых, на протяжении всего рассматриваемого периода активно создавались новые учебники по уже существующим дисциплинам, некоторые из которых широко использовались в университетах. Среди таких грамматик была "Доктриналь" Александра да Вилла Деи, написанная в 1199 году. Эта рифмованная грамматика пользовалась огромной популярностью и сохраняла ее вплоть до XVI века. Широко использовались *Grecismus* и *Labyrinthus* Эберхарда Бетюнского (начало XIII века), тоже рифмованные грамматики. В университетских программах обучения часто упоминались такие логические трактаты, как *De Sex Principiis* ("О шести принципах"), написанный около 1150 года Жильбером де ла Порре, учителем Иоанна Солсберийского, и *Summulae* Петруса Хиспануса (тринадцатый век). В XIII веке Альбертус Магнус составил дайджест всех трудов Аристотеля, который оказался легче для студентов, чем оригиналы, и который иногда использовался вместо них. Среди математических трудов этого века - "Арифметика" (*Algorismus*) и "О сфере" (*Libellus de Sphaera*) Джона Холивуда (Сакробоско), а также "Коммунальная перспектива" (*Perspectiva Communis*), то есть "Оптика", Джона (Пекхэма) из Пизы. В начале XIV века был издан трактат "О музыке" Джона де Мюриса из Парижа. Все они были известными университетскими учебниками. Они появляются в списке Лейпцига на протяжении всего пятнадцатого века (см. с. 139).

4. УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ПРИВИЛЕГИИ

Привилегии, предоставляемые гражданскими и церковными властями, являются четвертым важным фактором, влияющим на рост университетов. Начиная с 1158 года государство и церковь предоставили магистрам и студентам как классу, а также университетам как корпорациям длинный ряд иммунитетов, свобод и исключений. Например, магистры и ученые часто находились под особым покровительством государя страны, в которой они учились; их освобождали от налогов и военной службы; что самое важное, они были переданы под юрисдикцию специальных судов, в которых только они могли быть судимы. Университеты как корпорации получили, помимо прочих привилегий, право предоставлять своим выпускникам лицензию на преподавание "в любой точке мира" без дополнительного экзамена, а также очень важное право приостанавливать лекции, то есть бастовать, до разрешения претензий к государству или церкви. Разумеется, они обладали общими юридическими полномочиями корпораций. Укрепленные таким образом, университеты достигли поразительной степени независимости и власти, а их члены получили возможность жить в необычной свободе и безопасности. Этот факт сам по себе, несомненно, способствовал увеличению численности университетского населения.

Магистры и ученые Болоньи, Парижа и Оксфорда, похоже, были лидерами в получении привилегий. Их прецедент облегчил последующим университетам обеспечение аналогичных прав. Иногда они создавались "со всеми привилегиями Парижа и Болоньи" или "со всеми привилегиями любого другого университета".

Власти, предоставлявшие привилегии, были государями разных стран - императором Священной Римской империи, королями Франции, Англии, Испании - феодалами, муниципалитетами, папой или его легатами. Обычно они предоставляли их специальным университетам или магистрам и студентам в определенных городах, и иногда только на определенный срок. Незначительные привилегии сильно различались в разных местностях, но более важными - указанными выше - обладали почти все университеты.

Приведенные ниже документы иллюстрируют как разнообразие привилегий, так и разнообразие властей, которые их предоставляли.

(а) Особая защита, предоставляемая государем

I. Самой ранней из известных привилегий, связанных с историей средневековых университетов, является *"Аутентичная хабита"*. Она была дарована Фридрихом Барбароссой (Фридрихом I), императором Священной Римской империи, на Ронкальском сейме в Италии в 1158 году; вероятно, под влиянием докторов права из Болоньи. Эти люди, несомненно, были знакомы с тем фактом, что подобные привилегии давались учителям и ученым различными римскими императорами, некоторые из них были сохранены в Кодексе Юстиниана (см. с. 54). *Аутентичная Габита* может рассматриваться как возрождение древнего римского обычая. Далее следует раздел *Аутентика*, предоставляющий особую защиту императора:

После тщательного изучения этого вопроса епископами, аббатами, герцогами, графами, судьями и другими вельможами нашего священного дворца, мы, в нашей любящей доброте, даруем всем ученым, путешествующим ради учебы, и особенно профессорам божественных и священных законов, эту привилегию: И они, и их посланники должны безопасно прибывать в места, где ведется обучение, и там оставаться в безопасности. Ибо мы считаем должным, чтобы они могли быть поддержаны в своих добрых делах нашей славой и защитой, защищать от всякого вреда, определенной особой благосклонностью, тех, чьи знания

просвещают мир к послушанию Богу и нам, его слугам, и лепят жизнь наших подданных..... Поэтому настоящим законом, который имеет общую силу и будет действовать вечно, мы постановляем, чтобы впредь никто не проявлял такой дерзости, чтобы осмеливаться наносить ученым какие-либо увечья или, за преступление, совершенное в их прежней провинции, налагать на них какой-либо штраф, - что, как мы слышали, иногда случается в силу дурного обычая. И пусть нарушители этого указа, а также местные правители в то время, если они сами пренебрегли наказанием за такое нарушение, твердо знают, что со всех будет взыскано четырехкратное возмещение имущества и что в дополнение к клейму бесчестия, наложенному на них самим законом, они будут навсегда лишены своих официальных должностей"[34].

2. В 1200 году Филипп Август Французский издал определенные правила, касающиеся защиты студентов в Париже, и поручил их исполнение пробургомистру этого города. Это самая ранняя из известных хартий привилегий для Парижа. Ее следует читать в связи со следующей подборкой. Полный текст см. в D.C. Munro, *l.c.* p. 4.

Малые причины, великие события! Как рассказывается в приведенном ниже рассказе современника, простая драка в таверне привела к предоставлению столь обширных привилегий. Это один из многих примеров того, как университеты обращали подобные события в свою пользу. В этом отрывке также показан типичный конфликт между городом и городом.

О разногласиях, существовавших между учеными и горожанами Парижа. [1200 Г. Н.Э.].

В том же году возникли серьезные разногласия между учеными и горожанами Парижа, причина которого заключалась в следующем:

В Париже жил известный немецкий ученый, который был избранным епископом Льежа. Его слуга, покупая вино в таверне, был избит, а кувшин с вином разбит. Когда об этом стало известно, немецкие клерки собрались вместе и, войдя в таверну, ранили хозяина, а избив его, ушли, оставив его полумертвым. Поэтому в народе поднялся шум, и город взбудоражился, так что Томас, бургомистр Парижа, под оружием и с вооруженной толпой горожан ворвался в зал немецких клерков, и в схватке с ними был убит тот знатный ученый, который был избранным епископом Льежа, с некоторыми из его людей.

Поэтому магистры парижских ученых, отправившись к королю Франции, пожаловались ему на Томаса, бургомистра Парижа, и на его сообщников, которые убили вышеупомянутых ученых. И по их приказу вышеупомянутый Томас был арестован, как и некоторые его сообщники, и посажен в тюрьму. Но некоторые из них бежали, оставив свои дома и занятия; тогда король Франции в гневе разрушил их дома, а виноградники и фруктовые деревья выкорчевал.

Что же касается проректора, то было решено держать его в тюрьме и не выпускать, пока он не очистит себя испытанием водой или мечом, а если он не справится, то его повесят, а если оправдается, то, по милости короля, он должен покинуть королевство.

И все же ученые, жалея его, умоляли короля Франции, чтобы проректора и его сообщников после порки, как учеников в школе, оставили в покое и вернули к их занятиям.

Но король Франции не согласился, заявив, что это сильно унизит его честь, если кто-то, кроме него самого, будет наказывать его злоумышленников. Кроме того, тот же король Франции, опасаясь, что магистры ученых и сами ученые уйдут из его города, попытался удовлетворить их, издав указ о том, что впредь ни один клерк не должен привлекаться к светскому суду за любой совершенный им проступок, но что если клерк совершит проступок, то он должен быть передан епископу и с ним следует разбираться в соответствии с судом клерков. Также этот же король Франции постановил, что тот, кто будет проректором Парижа, должен принести клятву, что будет верен клеркам, сохраняя верность королю. Кроме того, этот же король даровал ученым свой надежный мир и подтвердил его своей грамотой.

Но тот проректор, просидев в королевской тюрьме много дней, задумал бежать, и, когда его спускали по стене, веревка оборвалась, и, упав с высоты на землю, он был убит[35].

3. Особая защита на ограниченное время была предоставлена более явно Филиппом IV в 1306 году:

Филипп, Божьей милостью король Франции и Наварры, приветствует нашего проректора в Париже. Университет, магистры и ученые в Париже находятся под нашей особой опекой и защитой, когда они - как магистры, так и ученые - приезжают на учебу, остаются в указанном городе или возвращаются в свои места; и поскольку, как мы слышали, не только в вашей префектуре, но и в других местах им часто наносятся обиды, досады, притеснения и насилие, в ущерб нашей опеке, - и эти обиды не могут быть преследованы за пределами Парижа никаким образом, что помешало бы им отвлекаться от своих занятий, к их серьезному ущербу и к ущербу вышеупомянутого Университета, и не подвергаться серьезной борьбе и расходам, - поэтому мы вверяем вам их защиту и попечение, а кроме того, сдерживание тех лиц, которые, в ущерб нашей защите и попечению, причиняют вышеупомянутым магистрам или ученым несправедливое насилие, вред или убытки, как в пределах вашей префектуры, так и в других местах нашего королевства, где бы ни совершались вышеупомянутые преступления.

Настоящее соглашение будет действовать только в течение двух лет[36].

4. Личное имущество магистров и ученых находится под защитой.

Привилегия Филиппа Августа для Парижа, 1200 год.

Также наши судьи [светских судов] не должны налагать руки на имущество студентов в Париже ни за какие преступления. Но если покажется, что они должны быть конфискованы, они должны быть конфискованы и охраняться после секвестра церковным судьей, дабы все, что церковный судья сочтет законным, могло быть сделано"[37].

Более полную защиту дает хартия Филиппа IV от 1340/41 года, касающаяся магистров и ученых в Париже. Король постановляет.

Также, чтобы их имущество и средства содержания, на которые они живут и будут жить, продолжая обучение, как указано выше, в силу их статуса, не были взяты в наше пользование или в пользование наших подданных и не подвергались никаким посягательствам под прикрытием войн или под любым другим предлогом, какими бы лицами они ни были, какого бы состояния, статуса или положения они ни занимали"[38].

(b) Государь предоставляет ученым право разбирательства в специальных судах в городе, в котором они учатся.

Эта замечательная привилегия была одним из главных источников свободы средневековых ученых. Под ее защитой они не могли быть вызваны в суд за пределами университетского города, даже для того, чтобы ответить за проступок, совершенный в другом месте; истец должен был явиться в город, в котором он учился, и перед определенными судьями, которые, по крайней мере, не были склонны сурово обращаться с учеными. В Париже ученые были защищены не только как ответчики, но и имели право как истцы вызывать обвиняемых в Париж.

1. Самый ранний документ на эту тему - заключительный раздел "*Аутентичной габиты*", описанный выше:

Более того, если кто-либо осмелится возбудить иск против ученых на каком-либо основании, выбор [судьи] в этом деле предоставляется упомянутым ученым, которые могут встретиться со своими обвинителями либо перед своими профессорами, либо перед епископом города, которому мы передали юрисдикцию в этом вопросе. Если же обвинители попытаются доставить ученого к другому судье, то из-за такой попытки ученый избежит заслуженного наказания, даже если дело будет самым справедливым".

Это положение напоминает, если не вдохновлено, аналогичное положение для ученых в Кодексе Юстиниана (см. с. 54). *Authentic Habita* в целом важна как основополагающая хартия университетских привилегий в Италии, если не в других странах. Она не была дарована университету - ведь в то время, очевидно, не существовало ни одного университета, - ни ученым какого-либо особого города; она имела "общее действие". Но "эта доуниверситетская хартия обычно признавалась основой всех особых привилегий, дарованных отдельным (итальянским) университетам государствами, в которых они находились"[39] Вероятно, она прямо или косвенно предполагала предоставление подобных привилегий университетам в других странах. Безусловно, это коснулось тех университетов, которые были основаны "со всеми привилегиями любого другого университета". Далее следуют две иллюстрации.

2. В 1245 году папа Иннокентий IV освободил парижских студентов от обращения в церковные суды за пределами Парижа, чтобы не прерывать их учебу:

Магистрам и ученым в Париже. Чтобы вы могли свободнее заниматься своими занятиями и были меньше заняты другими делами, мы удовлетворяем ваши прошения и властью настоящего письма даруем вам привилегию не привлекаться апостольскими письмами за пределы города Парижа по вопросам, возникшим в его пределах, если только [в этих письмах] не будет прямо указано на эту привилегию[40].

3. Та же привилегия была предоставлена Филиппом IV в 1340/41 г. в отношении гражданских судов:

... Магистры и ученые, обучающиеся в Париже, если их вызовут светские судьи нашего королевства, не должны привлекаться и приводиться в их суды за пределами Парижа; и не должны миряне, подчиняющиеся нашему правилу, пытаться добиться этого[41].

Это право было известно в Париже как *jus non trahi extra* (право не быть вызванным на улицу). "Отныне оно *стало* характерной университетской привилегией не только Парижа, но и всех университетов, которые в той или иной степени находились под влиянием парижского обычая"[42].

(с) Освобождение от налогов

Одной из важнейших привилегий, которыми пользуются современные университеты (как и другие учебные заведения, а также церкви), является освобождение от налогов. Эта привилегия напрямую прослеживается в средневековых университетах, а через них, возможно, и в римских законах по этому вопросу. В ранней истории университетов этой привилегией обладали не корпорации как таковые, а магистры и ученые как частные лица.

1. Один из примеров такого освобождения содержится в уже цитировавшейся хартии Филиппа IV от 1340/41 года:

Вышеупомянутым магистрам и ученым [Парижа], ныне обучающимся в Университете, и тем, кто в будущем поступит в тот же Университет или искренне готовится к этому, также пока [они] остаются в Университете или возвращаются в свои дома, *мы предоставляем ...* чтобы ни один мирянин, какого бы положения он ни был, будь то частное лицо, префект или судебный исполнитель, не беспокоил, не приставал и не пытался иным образом вымогать что-либо у вышеупомянутых магистров и стипендиатов, лично, в семье или в имуществе, под предлогом пошлины, *тальи* [особой формы феодального налога], налога, таможи или других подобных личных налогов, или других личных поборов любого рода, в то время как они либо приезжают в сам Университет, либо искренне готовятся к приезду, либо возвращаются в свои собственные дома; и статус которых как ученых должен быть подтвержден соответствующей присягой.

2. Устав Лейпцигского университета от 1409 года освобождает от налогов определенную собственность корпорации как таковую:

Также в этом городе, в интересах вышеупомянутого Университета и для его увеличения, мы учредили и основали два колледжа, ... и для них мы отдали и назначили два дома ... и эти же дома упомянутых колледжей мы сделали свободными от всех *losunge*, поборов, взносов, *steura*, законов, налогов и от контроля граждан вышеупомянутого города; и по нашему уверенному знанию мы включаем их и делаем их свободными для пользы вышеупомянутого Университета"[43].

Слова *steura* и *losunge* относятся к особым формам налогов, точная природа которых неизвестна.

3. От налогообложения освобождались не только магистры, студенты и имущество корпораций, но и лица, связанные с университетами в подчиненном положении. В некоторых местах велись споры о количестве и занятиях тех, кто мог быть освобожден от налогов. Следующее письмо Генриха VI Английского к университету Кана (Нормандия) разрешает один из таких споров.

22 января 1450 года король отказался освободить иждивенцев университета от налогов. После этого магистры и ученые подали ему официальную жалобу на то, что этот отказ препятствует свободному и мирному продолжению их обучения, гарантированному его хартией 1432 года (см. с. 103). В своем ответе (13 февраля 1450 года) король признал справедливость жалобы и предоставил желаемую привилегию. Сравните аналогичное исключение в Гарвардском уставе 1650 года (с. 101). Письмо, очевидно, адресовано судебному приставу Кана и другим королевским чиновникам.

Тем не менее, с тех пор как были отправлены эти наши письма [от 22 января], нам были сделаны надлежащие и правдивые возражения относительно этих привилегий, из которых мы хорошо поняли, что доктора, магистры, стипендиаты, иждивенцы, офицеры, домочадцы и

слуги не должны быть подвержены или обязаны вносить такие холопские налоги, подати и октрои.

Поэтому мы, желая, чтобы наши грамоты, дарованные привилегии и повеления охранялись и поддерживались без какого-либо уменьшения или потери, но были увеличены, приумножены и сохранены, рассмотрели и приняли во внимание тот факт, что указанные члены нашей упомянутой дочери [т. е. университета] не могли бы хорошо выполнять требования обучения или продолжать его, если бы их слуги и домашние не пользовались такими и подобными привилегиями, как указанные члены. Всем сердцем желая поддержания, продолжения и увеличения нашего упомянутого Университета, который (не без веских причин) находится под нашей особой благосклонностью, учитывая все это, с советом и рекомендацией нашего очень дорогого и очень любимого кузена Эдмонда, герцога Сомерсета, генерал-лейтенанта и губернатора вместо нас наших королевств Франции, страны и герцогства Нормандии, мы повелеваем и строго предписываем вам всем и каждому из вас в той мере, в какой это его касается, чтобы вы сделали или сделали так, чтобы освободить и освободить от упомянутых холопских налогов, адъютантов и октрои, одного адвоката, одного поставщика, одного звонаря, двух книготорговцев, двух пергаментщиков, двух иллюминаторов, двух переплетчиков, шесть бисеров, пять судебных приставов (по одному на каждый из пяти факультетов) и семь посыльных (понимая, что по одному на каждую епархию в нашем упомянутом герцогстве), и это вы должны сделать до этого числа служителей и слуг этого нашего университета, и в то же время поддерживайте, сохраняйте и продолжайте их в их правах, франшизах и свободах, которыми, согласно нашему упомянутому повелению, основанию и увеличению, вы находите их должным образом обладающими, не допуская, чтобы что-либо мешало или препятствовало этому.

И хотя в других наших письмах, посвященных управлению этим университетом, упомянутые пять судебных приставов и семь посыльных никак не фигурировали, однако по особой милости через эти настоящие письма, чтобы наш упомянутый университет мог иметь необходимых ему слуг, без которых не могли бы продолжаться и поддерживаться учебные потребности, мы желаем, чтобы упомянутые пять приставов и семь посыльных пользовались такими же привилегиями, как и остальные, названные в других наших упомянутых распорядительных грамотах, несмотря на то, что упомянутые грамоты и любые другие могут требовать или казаться требующими обратного этому.

А чтобы вышеупомянутые суппликанты могли иметь в случае необходимости настоящие грамоты в различных и разнообразных местах, мы желаем, чтобы копии с них, сделанные за королевской печатью, были добросовестно изготовлены, как оригиналы"[44].

(d) *Привилегия приостановки лекций (Cessatio)*

Одной из самых эффективных привилегий средневековых университетов было право приостанавливать лекции. Оно использовалось снова и снова в случаях неудовлетворенных жалоб на гражданские или церковные власти, особенно на первые. *За прекращением занятий* обычно следовало перемещение магистров и ученых в другой университет, если не было получено немедленного удовлетворения. Такое переселение было серьезным ударом по торговому процветанию любого города, поэтому "кессация" служила мощным инструментом для получения всевозможных местных уступок. Часто "прекращение" осуществлялось без прямого разрешения гражданских или церковных властей, но эта привилегия была четко закреплена буллой папы Григория IX для Парижа в 1231 году:

И если, случается, у вас отнимают оценку [право устанавливать цены] на жилье, или чего-либо другого не хватает, или кому-то из вас наносится травма или возмутительный ущерб,

например смерть или увечье конечности, если в течение пятнадцати дней не будет дано удовлетворение посредством соответствующего наставления, вы можете приостановить свои лекции до получения полного удовлетворения. А если случится так, что кого-либо из вас незаконно заключат в тюрьму, то, если это не прекратится по вашему требованию, вы можете, если сочтете это целесообразным, немедленно приостановить свои лекции"[45].

События, предшествовавшие предоставлению этой привилегии, стоит пересказать в качестве иллюстрации того, как часто обеспечивались подобные права. Упомянутые "клерки", конечно же, были учеными. За прекращением лекций последовала миграция в другие города до тех пор, пока не было получено удовлетворение. Точный характер удовлетворения, полученного от короля, неизвестен. Однако одним из важных результатов стала великая хартия папских привилегий, о которой мы уже упоминали, - "*Магна харта* Парижского университета"[46].

"О разногласиях, возникших в Париже между всем духовенством и горожанами, и о выводе духовенства" [1229]:

В том же году, во второй и третий праздники перед Пепельной средой, дни, когда университетские клерки имеют досуг для игр, некоторые из клерков отправились из города Парижа в сторону Сен-Марселя, чтобы сменить воздух и посостязаться в своих обычных играх. Когда они добрались до этого места и некоторое время развлекались своими играми, то случайно обнаружили в одной таверне превосходное вино, приятное для питья. И вот, в споре, возникшем между пировавшими клерками и лавочниками, они стали обмениваться ударами и рвать друг другу волосы, пока не прибежали несколько горожан и не освободили лавочников из рук клерков; когда же клерки стали сопротивляться, они нанесли им удары и обратили их в бегство, хорошо и основательно поколотив. Последние, однако, вернувшись в город изрядно побитыми, подняли своих товарищей, чтобы те отомстили за них. На следующий день они пришли с мечами и дубинками к Сен-Марселю и, войдя в дом одного лавочника, разбили все его бочки с вином и вылили вино на пол дома. И, пройдя по открытым площадям, они резко нападали на любого мужчину или женщину, которые попадались им на пути, и оставляли их полумертвыми от нанесенных им ударов.

Но приор Сен-Марсель, как только узнал о столь сильном оскорблении, нанесенном его людям, которых он обязан был защищать, подал жалобу римскому легату и епископу Парижскому. И они вместе поспешили к королеве, которой в то время было доверено управление королевством, и попросили ее принять меры для наказания за такое злодеяние. Но она, с женской бесцеремонностью и под влиянием душевного волнения, немедленно отдала приказ префектам города и некоторым из своих собственных грубиянов [наемная телохранителей] со всей быстротой выйти из города, вооружившись, и наказать виновных в насилии, не щадя никого. Когда эти вооруженные люди, склонные к жестоким действиям при каждом удобном случае, вышли из городских ворот, они наткнулись на нескольких клерков, занятых за городскими стенами играми, - людей, которые были совершенно не виноваты в вышеупомянутом насилии, поскольку те, кто начал буйную распрю, были выходцами из прилегающих к Фландрии областей, которых мы обычно называем пикардийцами. Но, несмотря на это, полицейские, бросившись на этих людей, которых они считали безоружными и невинными, одних убили, других ранили, с третьими обращались безжалостно, избивая их ударами, которые они им наносили. Но некоторые из них, спасаясь бегством, прятались в норах и пещерах. А среди раненых, как выяснилось, было два клерка, богатых и влиятельных, которые умерли, причем один из них был по происхождению из Фландрии, а другой - из норманнской нации.

Но когда чудовищность этого проступка дошла до ушей магистров университета, они собрались вместе в присутствии королевы и легата, предварительно полностью приостановив все лекции и диспуты, и решительно потребовали, чтобы им воздали по справедливости за такое злодеяние. Ибо им казалось позорным, что столь легкий повод, как проступок некоторых презренных мелких клерков, должен быть использован для создания предрассудков против всего университета; но пусть тот, кто был виноват в проступке, сам понесет наказание.

Но когда, наконец, король и легат, а также епископ отказали им во всех видах справедливости, произошел всеобщий отток магистров и рассеяние ученых, обучение магистров и воспитание учеников прекратилось, так что в городе не осталось ни одного знатного человека. И город, привыкший хвастаться своими клерками, теперь остался без них..... Уходя, клерки практически поголовно отправились в крупные города различных округов. Но большая часть из них выбрала для обучения в университете столичный город Анжер. Итак, удалившись из Парижа, кормилицы философии и приемной матери мудрости, клерки презирали римского легата и проклинали женское высокомерие королевы, а также их позорное единодушие [в этом вопросе].....

В конце концов, благодаря стараниям благоразумных людей, удалось добиться того, что некоторые вещи были сделаны в соответствии с ситуацией, как того требовали недостатки с обеих сторон, между клириками и гражданами был заключен мир, и все ученые были отозваны[47].

Нередко университету, объявившему перерыв, предлагалось обосноваться в другом месте. За прекращением деятельности в Париже в 1229 году последовало срочное приглашение от короля Англии:

Король; Приветствие магистрам и всем ученым в Париже. Смиренно сочувствуя тем тяжким испытаниям и бедам, которые вы претерпели в Париже под действием несправедливого закона, мы желаем с помощью нашей благочестивой помощи, с почтением к Богу и Его святой церкви, восстановить ваше положение в надлежащее состояние свободы. Поэтому мы решили довести до вашего сведения, что если вам будет угодно переехать в наше королевство Англию и остаться там для обучения, то мы с этой целью выделим вам города, округа, поселки, какие вы только пожелаете выбрать, и всячески будем способствовать тому, чтобы вы радовались состоянию свободы и спокойствия, которое должно быть угодно Богу и полностью удовлетворять ваши потребности.

Во свидетельство чего и т. д. Свидетельствовано королем в Рединге, 16 июля. [1229].[48]

(е) *Право преподавания повсеместно (Jus ubique docendi)*

Магистры и доктора трех ведущих университетов - Парижского, Болонского и Оксфордского - рано были признаны правомочными преподавать в любом месте без дополнительного экзамена в силу превосходного обучения в этих учебных заведениях. Их степени были, строго говоря, лишь лицензиями на преподавание в пределах епархий, в которых они были получены. Признание этих лицензий в других местах возникло по обычаю, а не по какому-либо прямому разрешению. По крайней мере, еще один университет (Падуя, основанный в 1222 году) получил эту привилегию таким же образом. Более поздние университеты - или города, в которых они были основаны, - желая добиться такого же престижа для своих выпускников, добились от Папы или императора Священной Римской империи буллы, дающей им такую же привилегию. Даже Париж и Болонья официально получили ее от Папы в 1292 году. "С этого времени постепенно утвердилось мнение, что *jus ubique docendi* является

сущностью Studium Generale и что ни одна школа, не обладающая им, не может получить его без буллы императора или папы". "Обычно, но не всегда, это право предоставлялось в явном виде в первоначальных учредительных буллах; и, по-видимому, понималось как причастное к самому акту создания даже в тех редких случаях, когда оно не было прямо подтверждено." [49] На практике выпускники почти всех университетов проходили дополнительный экзамен в том или ином Studium, прежде чем быть допущенными к преподаванию в нем, хотя выпускники ведущих университетов могли быть приняты без такого испытания. Привилегия имеет большее значение для официального обозначения статуса школы как Studium Generale, то есть высшего учебного заведения, в котором преподавание велось значительным числом магистров, по крайней мере, на одном из факультетов искусств, теологии, права и медицины, и в которое привлекались или, по крайней мере, приглашались студенты из всех стран.

Здесь напечатана булла о предоставлении Парижу *права jus ubique docendi* (папа Николай IV, 1292 г.), хотя это не самый ранний пример; подобная булла была издана для Тулузы еще в 1233 году. Риторическое вступление опущено, как и в большинстве других случаев.

Итак, желая, чтобы студенты, обучающиеся в области знаний в городе Париже, были побуждены стремиться к награде магистратуры и могли наставлять на факультетах, на которых они заслужили звание магистра, всех тех, кто приходит со всех сторон, - настоящим письмом мы постановляем, чтобы тот, кто из нашего Университета в вышеупомянутом городе прошел проверку и был утвержден теми, через кого, согласно апостольской власти, право читать лекции лиценциатам упомянутых факультетов, согласно обычаю, соблюдавшемуся там до сих пор, - и кто получит от них лицензию на факультет теологии, или канонического права, или медицины, или свободных искусств, - тот впредь будет иметь право преподавать везде за пределами вышеупомянутого города, не подвергаясь ни государственным, ни частным экзаменам, ни каким-либо другим новым правилам, касающимся чтения лекций или преподавания. Никто не запрещает ему этого, несмотря на все другие обычаи и статуты; и независимо от того, желает ли он читать лекции на упомянутых факультетах или нет, он, тем не менее, будет считаться доктором [50].

(f) Привилегии, предоставляемые муниципалитетом

Нередко средневековые города предоставляли особые привилегии университетам и их членам. Эти города признавали коммерческие и другие преимущества, связанные с присутствием большого количества студентов в их воротах, и шли на существенные уступки, чтобы удержать их или обеспечить поселение университета, который мог переехать из другого города. Подобные случаи многочисленны в вольных городах Италии. Эти привилегии включали в себя очень широкую юридическую юрисдикцию ректора университета в делах, касающихся ученых, выплату городом жалованья профессорам, освобождение от налогов, ссуды ученым под низкий процент и гарантии от вымогательства цен на продукты питания и другие предметы первой необходимости.

1. В уставе города Падуи приводятся следующие примеры, а также многие другие:

Город Падуя обязуется выдавать ссуды ученым, в зависимости от их качества, под хорошие и достаточные ценные бумаги или облигации на треть больше, чем ссуда, и под клятву и обещание ученых, что они принимают ссуду за свой счет и для собственного использования в личных расходах, а не для какого-либо другого лица или лиц или для использования другими. (1260 Г. Н. Э.)

Каждые шесть месяцев главный магистрат Падуи должен назначать двух заимодавцев для стипендиатов - судей или мирян по желанию ректора стипендиатов, - которые будут распоряжаться городскими деньгами, подлежащими ссуде стипендиатам. И они должны от имени города выдавать ссуды ученым в соответствии с уставом и соглашением ученых и на свой страх и риск, чтобы город Падуя не понес убытков. А сами заимодавцы должны внести в городскую казну хорошее и достаточное обеспечение этого". (1268.)

Ученые должны считаться гражданами в том, что касается выгодных для них дел, но не в том, что касается невыгодных для них дел. (1261.)

Ученые не должны платить *tolloneum* (т.е. налоги на импорт, взимаемые у городских ворот). (1262.)[51]

2. За поколение до даты принятия этих статуты большая часть университета, недовольная обращением с ней в Падуе, переехала в Верчелли, расположенный более чем в ста пятидесяти милях от нее. Договор (1228 г. н. э.) между ректорами университета и прокторами, представляющими город, содержит многочисленные привилегии, среди которых следующие:

Также вышеупомянутые прокторы обещали от имени города Верчелли, что город предоставит в долг ученым и университету ученых сумму в десять тысяч фунтов папских денег по ставке два пенса на два года, а затем три пенса на шесть лет [под надлежащее обеспечение. Обычная ставка, по-видимому, составляла четыре пенса]... Точно так же, когда ученый выплатит деньги, взятые у него займы, город Верчелли сохранит эту сумму в общей казне в качестве основной суммы и из нее поможет другому нуждающемуся ученому по такому же соглашению и на таких же условиях. ...Точно так же город Верчелли не позволит, чтобы провизия в черте города изымалась с их рынков [с целью повышения цены?], но заставит добросовестно доставлять ее в город и будет выставлять ее на продажу два раза в неделю..... [Также тысяча бушелей зерна должна быть положена в городскую житницу и продаваться ученым по стоимости во время нужды]. ... Также город Верчелли должен обеспечить жалованье [профессорам], которые будут признаны компетентными двумя учеными и двумя горожанами, а если они не согласятся, то епископ решит этот вопрос... и это жалованье должно быть для одного теолога, трех магистров права, двух декретистов, двух декреталистов, двух учителей естественной философии, двух логиков и двух грамматиков. [Этих профессоров будут выбирать ректоры университета. Город пошлет за свой счет] достойных доверия гонцов под присягой, которые добросовестно и в интересах университета Верчелли разыщут избранных магистров и преподавателей и приложат все усилия, чтобы обязать их читать лекции в городе Верчелли. [Город сохранит мир в своих границах, будет считать ученых и их посланников нейтральными во время войны, предоставит им права граждан и будет уважать законную юрисдикцию ректоров, за исключением уголовных и других особо оговоренных случаев].

Также город Верчелли предоставит двух переписчиков, через которых обязуется поставлять людей, способных снабжать ученых копиями по обоим видам права [гражданскому и каноническому] и по теологии, которые будут удовлетворительными и точными как по тексту, так и по глоссам, а студенты будут платить за свои копии [не вымогательские цены, а] по расценкам, основанным на оценке ректоров [университета].

... Точно так же ученые или их представители не должны платить в округе Верчелли подати, которые принадлежат и начисляются городу Верчелли..... Подеста [главный магистрат] и сам город будут обязаны рассылать по городам Италии и других стран (как им покажется

целесообразным) извещения о том, что в Верчелли учрежден университет, и приглашать ученых прибыть в университет Верчелли"[52].

Весь договор был включен в городские уставы и должен был действовать в течение восьми лет.

(g) Влияние средневековых привилегий на современные университеты.

Несомненно, длинный ряд привилегий, предоставленных средневековым университетам, оказывает влияние на современную университетскую жизнь. Из множества иллюстраций этого факта приведем две, которые влияют на американское высшее образование. Читатель увидит в этих абзацах из уставов Гарвардского колледжа и Университета Брауна привычное освобождение корпоративной собственности от налогов, а также освобождение лиц, связанных с этими учреждениями, не только от налогов, но и от других общественных обязанностей. В уставе Брауновского университета прямо говорится о привилегиях европейских университетов. Оба этих устава, с некоторыми поправками, до сих пор остаются в силе.

И далее, да будет постановлено этим судом и его властью, что все земли, владения или наследства, дома или доходы, в пределах этой юрисдикции, принадлежащие вышеупомянутому президенту или колледжу, не превышающие пятисот фунтов в год, должны быть отныне освобождены от всех гражданских повинностей, налогов и ставок; Все товары, принадлежащие упомянутой Корпорации или любым ее ученым, освобождаются от всех видов пошлин, таможен и акцизов; и что упомянутый Президент, стипендиаты и ученые, вместе со слугами и другими необходимыми должностными лицами, принадлежащими упомянутому Президенту или Коллегии, в количестве не более десяти, - а именно. трое для президента и семеро для колледжа, - должны быть освобождены от всех личных гражданских должностей, военных упражнений или служб, дозоров и караулов; и такие их имения, не превышающие ста фунтов на человека, должны быть свободны от всех налогов или ставок, какие только есть, и ни от каких других"[53].

Кроме того, для большего поощрения учебной семинарии и для того, чтобы она была достаточно обеспечена и наделена теми же привилегиями, достоинствами и иммунитетами, которыми пользуются американские колледжи и европейские университеты, Мы даруем, принимаем, постановляем и объявляем, и настоящим даруется, принимается, постановляется, и объявляем, что имение Колледжа, имения, лица и семьи Президента и Профессоров, в настоящее время лежащие и находящиеся в пределах Колонии, а также лица наставников и студентов, во время их проживания в Колледже, должны быть освобождены и освобождаются от всех налогов, службы в присяжных заседателях, а также от выполнения работы по найму: И что вышеупомянутые лица должны быть освобождены от ношения оружия, повинностей и военной службы, за исключением случаев вторжения"[54].

Освобождение от "дозоров и стражи" и от "военной службы, за исключением случаев вторжения" не входит в список привилегий, приведенных в предыдущих разделах, но оно часто предоставлялось средневековым университетам почти в точном соответствии с этими хартиями.

5. ИНИЦИАТИВА ГРАЖДАНСКИХ ИЛИ ЦЕРКОВНЫХ ВЛАСТЕЙ

Многие университеты возникли без явной инициативы какой-либо гражданской или церковной власти. Они либо росли медленно, как в случае с Болоньей и Парижем, либо быстро утверждались благодаря миграции студентов из других университетов, как в случае с

Падуей, Верчелли и Лейпцигом; но в любом случае уставы, дававшие им статус *Studia Generalia*, и привилегии, исходившие от императорских, королевских, княжеских или папских властей, были даны после, а не до того, как магистры и студенты собрались для своей работы. Случаи, когда муниципалитеты предоставляли привилегии мигрирующим группам студентов до их приезда, не включены в вышеприведенное утверждение.

Однако в некоторых случаях инициатива исходила от гражданских и церковных властей. Среди других примеров университетов, основанных непосредственно ими, можно назвать Неаполь, основанный императором Фридрихом II в 1224 году; Тулузу, основанную папой Григорием IX в 1230, 1233 годах; Прагу, основанную императором Карлом IV в 1348 году; Кан, основанный Генрихом VI Английским в 1432 году. Мотивами, которые привели к этим действиям, были, с одной стороны, желание политических сил поддержать ученых людей, особенно юристов, и, с другой стороны, желание папства более эффективно распространять католическую веру[55].

Политический мотив прослеживается в письмах-патентах Генриха VI для Кана, 1432 год:

Королевскому Высочеству подобает с должным великолепием управлять подвластными ему народами в военное и мирное время, дабы доблестно и постоянно защищать их от насилия врагов и от обид, причиняемых им; и дабы сделать их спокойными и тихими посредством законов и деятельной справедливости, обеспечивая каждому его права, с должным учетом общих интересов. Ибо мы считаем, что этот вид правосудия, столь прекрасный и выгодный, никогда не может быть осуществлен без участия людей, обладающих большой образованностью и сведущих в законах, божественных и человеческих. И прежде наше королевство Франция счастливо изобиловало такими людьми; однако туда хлынуло множество злых людей, благодаря которым, в течение долгого времени, вышеупомянутое королевство, в одно время через волнения гражданской войны, затем через смертельный мор, и, наконец, через различные убийства людей и сильный голод - увы, как жаль!-сейчас так пошатнулась, что в наше время едва ли можно найти достаточное количество здоровых судей, а другие не могут преуспеть, без больших трудностей и личной опасности, в приобретении надежных знаний и продвижении, особенно в гражданском праве; поэтому вышеупомянутое королевство, некогда управляемое с похвальной справедливостью, подвергается большим неудобствам, если в ближайшее время не будет предоставлено полезное средство

Поэтому мы, по нашей особой милости, королевской власти и полномочиям, с совета и согласия нашего уважаемого дяди Джона, губернатора и регента нашего вышеупомянутого королевства Франции и герцога Бедфордского, и других дворян нашего рода, а также многих мудрых людей нашего великого совета, учреждаем, основываем и посвящаем навечно этими настоящими письмами Генеральную школу в нашем городе Кан, в епархии Байе [Нормандия].

Король делает это для лучшего управления королевством, по той причине, что в пределах его юрисдикции во Франции не существует ни одного университета, и для сохранения изучения права:

Итак, мы, с крайним желанием желающие, чтобы наше уже упомянутое королевство управлялось по справедливости и равенству и было восстановлено настолько, насколько мы сможем с Божьей помощью [вернуть его] к первоизданной славе, [учреждаем этот университет], внимательно принимая во внимание тот факт, что в наших владениях во Франции, а также в герцогствах Нормандии, Бургундии и Бретани, графствах Шампани и Фландрии, графстве Пикардии и некоторых других частях самого королевства,

объединенных в верности и повиновении нам, не было создано ни одного Studium'a гражданского права. [Мы делаем это] для того, чтобы изучение гражданских законов не исчезло в вышеупомянутых местах в ущерб государству, но [чтобы оно] стало, под руководством Бога, энергичным во славу Его и нашего вышеупомянутого королевства, и могло процветать как украшение и преимущество для будущих времен.

Город Кан выбран для размещения университета из-за его благоприятного положения, характера и окружения. Он

Город, к слову, подходящий, тихий и безопасный, украшенный известными монастырями, братствами, монастырями и домами монахов-мендикантов и других благочестивых религиозных организаций; с многочисленным населением, состоящим из людей с мягким нравом, послушных и благочестивых; [город], подходящий также из-за разнообразных запасов пищи и других вещей, приспособленных к нуждам рода человеческого; процветающий и хорошо расположенный, находящийся на плодородной почве и недалеко от моря, так что студенты, а также купцы могут легче и проще съезжаться туда почти со всех концов света.

Король дарует университету, дабы утвердить его престиж, все привилегии, предоставляемые королевской властью любому другому университету во Франции:

А чтобы доктора, лиценциаты, бакалавры, студенты и иждивенцы вышеупомянутого университета, а также их домочадцы и домашние слуги могли более свободно и спокойно посвящать себя письму и ученым занятиям, мы, нашей королевской властью и полномочиями, даровать этим же докторам, лиценциатам, бакалаврам, студентам, иждивенцам, домочадцам и домашним слугам такие и подобные привилегии, права и свободы, какие были дарованы, предоставлены и дарованы нашими предшественниками, королями Франции, остальным университетам нашего королевства.

В частности, король предоставляет обычную привилегию специального судьи для рассмотрения дел, касающихся членов университета:

И в качестве хранителя этих [привилегий] отныне мы назначаем нашего судебного пристава Кана, ныне находящегося в должности, и его преемников или тех, кто может занять эту должность; и ему мы поручаем и передаем настоящими письмами слушание, определение и окончательное решение дел и реальных исков [дел, связанных с передачей имущества], касающихся лиц и имущества, в отношении всех лиц, которые могут находиться в нашем упомянутом герцогстве Нормандия или владеть там имуществом, как церковным, так и светским, если в отношении них возникнет какое-либо дело, будь то правонарушение или защита.

Мы приказываем нашим юстициариям и офицерам, или тем, кто занимает их места, всем и каждому, повиноваться и оказывать эффективную поддержку упомянутому бейлифу, консерватору или тому, кто занимает его место, в делах, предписанных выше, и в тех, что связаны с ними. А чтобы вышеизложенные постановления приобрели силу и твердость, мы скрепили настоящие письма нашей печатью.

СНОСКИ:

[Сноска 4: История моих бедствий, l.c. p. 4].

[Сноска 5: McCabe, *Abelard*, pp. 75, 76, 78].

[Сноска 6: *l.c.* p. 82].

[Сноска 7: *l.c.* p. 89.]

[Сноска 8: *Ouvrages Inédits d'Abélard*, ed. V. Cousin, p. 16].

[Сноска 9: *Sic et Non*, CLVI. Латинский текст этой книги напечатан в *Ouvrages Inédits d'Abélard*, ed. V. Cousin].

[Сноска 10: *Metalogicus*, ed. Giles, I, 2, 3].

[Сноска 11: *Metalogicus*, II, 10].

[Сноска 12: Poole, pp. 119, 114].

[Сноска 13: *Metalogicus*, I, 24.]

[Сноска 14: *Metalogicus*, II, 10. Перевод этой главы адаптирован из Giles, *Works of John of Salisbury*, I, p. xiii, и R.L. Poole, *Illustrations of the History of Mediaeval Thought*, pp. 210, 212].

[Footnote 15: *Metalogicus*, II, 9.]

[Footnote 16: Denifle: *Die Entstehung der Universitäten des Mittelalters*, I, 45, 46].

[Сноска 17: См. с. 115. Приведенный пример также демонстрирует очевидную слабость метода].

[Сноска 18: Иоанн Солсберийский, *Metalogicus*, IV, 24].

[Сноска 19: Документ, напечатанный Рэшдаллом, т. II, пт. II, с. 754].

[Сноска 20: Chart. Univ. Paris., I, No. 11, p. 73].

[Сноска 21: *l.c.* No. 20, p. 78].

[Сноска 22: *l.c.* No. 79.]

[Сноска 23: *л.с.* № 246].

[Сноска 24: Zarncke, *Statutenbücher der Universität Leipzig*, p. 39].

[Сноска 25: *Дигесты*, переведенные К.Х. Монро, стр. xiii (предисловие к Кодексу)].

[Сноска 26: *l.c.* pp. xxv, xxvi].

[Сноска 27: Rashdall, I, 208].

[Сноска 28: Предисловие к *Институциям*; переведено Т.К. Сандарсом, опубликовано Longmans, Green & Co.].

[Сноска 29: *Code*, Bk. 12; 29, 2].

[Сноска 30: 333 г. н.э., *Кодекс*, кн. 10; 53, 6].

[Сноска A: Исход, XVII. С.]

[Сноска В: Резюме. Под этим заголовком порицаются четыре класса людей: диалектики, которые ежедневно борются с диалектическим искусством; физики, которые возводят глаза к небесам; стихотворцы; и скупые, которые приобретают богатство честным и нечестным путем, хотя в то время они не знают, кому они собираются его оставить].

[Сноска С: Т.е., кстати, Гюго. Может ли духовенство уделять внимание книгам язычников].

[Сноска D: И он делает это вплоть до абзаца "Но, с другой стороны" (с. 66)].

[Сноска E: К этому же вопросу обращается K. de long. tem, praescript 1. fin. XXV. quaest. I. ideo. Arc.]

[Сноска F: Резюме. Под этим заголовком Иероним излагает пять случаев. Ибо он говорит, что пьяные от вина неправильно понимают и извращают священные писания. Во-вторых, пьяные от крепкого напитка неправильно используют профанную мудрость. В-третьих, он указывает, кого следует называть лжепророками. В-четвертых, кто является божественным. В-пятых, что тот ест кислый виноград, кто излагает Писания не по истине, хотя бы это и не противоречило вере].

[Сноска G: Резюме. В этом разделе Иероним порицает тех священников, которые заставляют своих сыновей и племянников читать комедии и стихи поэтов; потому что и на это, и на другие низкие цели они отвлекают деньги церкви. Поэтому он говорит, что такой священник должен быть наказан, как Илий, который пал ниц со своего места и умер, потому что не исправил своих сыновей. Последующие утверждения ясны вплоть до параграфа "Но, с другой стороны" (с. 64)].

[Сноска H: Уши тех, кто неправильно понимает, должны быть оторваны].

[Сноска I: Тропология].

[Сноска J: И *logos* - речь, откуда - *tropologia*, то есть [моральное] применение языка. Гюго. Об этом см. 76 dist. jejuniu. in fin.]

[Сноска K: I Цар. II. С.].

[Сноска L: Другое прочтение: в своих диспутах].

[Сноска M: Другое прочтение: "Богу было угодно спасти Свой народ для Своего Царства" и т. д.]

[Сноска N: Резюме. С этого момента Грациан показывает, что духовенство должно быть сведущим в профанных знаниях. Это следует из шести соображений. Первое указано в самом начале. Второе начинается: "Также читают". Третье начинается: "В книге Левит". Четвертая начинается: "Волхвы тоже". Пятая начинается: "Наконец-то". Шестое начинается: "Отсюда и Амвросий"].

[Сноска O: Ибо как шелуха нагружает чрево и наполняет его, но не насыщает, так и эта мудрость не избавляет от духовного голода и не прогоняет слепоту. Но она угнетает тяжестью грехов и виной ада. Поэтому тот, кто для избавления от слепоты невежества стремится научиться другим искусствам и знаниям, желает наполнить свой живот, так сказать, шелухой". Согласно Гуго]

[Сноска P: Dan. I. a. Exodi III. & XI].

[Сноска Q: Резюме. Некоторые люди запрещали христианам читать книги язычников, но Беда порицает их, говоря, что их вполне можно читать без греха, потому что из них можно извлечь пользу, как в случае с Моисеем и Даниилом, а также с Павлом, который включил в свои Послания стихи поэтов, например, "Критяне и т. д. и т. п."].

[Сноска R: Резюме. Грациан разрешает противоречие, говоря, что следует изучать и мирские знания, но не для удовольствия, а для обучения, чтобы полезные вещи, найденные в них, могли быть использованы в священном обучении. Поэтому Григорий порицал некоего епископа не за то, что тот приобрел профанные знания, а за то, что для своего удовольствия излагал грамматику вместо Евангелия].

[Сноска S: Другое прочтение - Неизвестному Богу, т. е. дательный падеж].

[Сноска T: Дионисий был обращен проповедью Павла].

[Сноска U: Апостол использовал фразы поэтов].

[Сноска V: Резюме. Этот раздел состоит из двух частей. В первой части говорится о том, что нет ничего предосудительного в том, что человек изучает грамматику и логику, чтобы отличать истинное от ложного. Во второй части, которая начинается с "Геометрии и арифметики", говорится о том, что знания квадривиума имеют собственную истину. Но они не являются знаниями благочестия и не должны применяться так. Но Ветхий и Новый Заветы - это знания благочестия, и их следует применять. А грамматика, если ее применить с пользой, может принести пользу"].

[Сноска W: Резюме. Иероним задал два вопроса. Первый заключался в том, грешно ли учиться у язычников, и Иероним отвечает, что нет, и доказывает это на примере четырех отроков, Даниила, Анании, Азарии, Мисаила, а также на примере Моисея. Ибо они, если бы знали, что это грех, не стали бы учиться. Ведь они делали это для того, чтобы убедить неверующих. Иначе они были бы выставлены на посмешище, если бы при споре с этими неверующими об их догматах выяснилось, что они ничего о них не знают. Второй вопрос был о том, грешно ли ссылаться на мирские законы в проповеди или в дискуссии. И он отвечает, что нет, потому что необходимо доказать, что те вещи, о которых говорили священные писатели, содержатся в книгах язычников].

[Сноска X: Дан. I].

[Сноска Y: Резюме. На Синоде Евагрию было доложено, что в некоторых регионах нет учителей, которые могли бы обучать других либеральным искусствам, и поэтому он предписал всем епископам учредить в подходящих местах учителей, которые бы ежедневно обучали других либеральным доктринам].

[Сноска Z: Даниил и его спутники].

[Сноска AA: Их называли другими именами: Бальтасар, Сидрак, Мисак и Абеднаго. Согласно Гюго и Лау].

[Сноска AB: как, например, XX dist. ca. fina].

[Сноска AC: Временами прибегают к сходствам и подобиям].

[Сноска AD: Вергилий].

[Сноска AE: Овидий].

[Сноска 31: *Decretum Gratiani, Distinctio XXXVII.* ed. Lyons, 1580].

[Сноска 32: Denifle, I, 46.]

[Footnote 33: *Compendium Studii Theologiae*; перевод J.S. Brewer в R. Bacon, *Opera Inedita*, p. lvi].

[Сноска 34: В переводе опущено одно предложение, не имеющее большого значения. Остальная часть документа приводится ниже, с. 90. Несколько иную версию см. в D.C. Munro, "Translations and Reprints from the Original Sources of European History", Vol. II, Pt. III, p. 2].

[Сноска 35: Roger de Hoveden, *Chronica*, ed. Stubbs, IV, 120, 121].

[Сноска 36: *Chart. Univ. Paris.*, Vol. II, No. 657].

[Footnote 37: Цитируется по D.C. Munro, *Translations and Reprints*, Vol. II, Pt. III].

[Сноска 38: *Chart. Univ. Paris.*, II, No. 1044].

[Сноска 39: Rashdall, I, p. 147].

[Сноска 40: *Chart. Univ. Paris.*, I, No. 142].

[Сноска 41: *l.c.*, II, № 1044].

[Сноска 42: Rashdall, I, p. 343].

[Сноска 43: F. Zarncke, *Statutenbücher der Universität Leipzig*, p. 4].

[Сноска 44: Fournier, *Statuts et Priv. des Univ. franç.*, III, No. 1673].

[Footnote 45: *Chart. Univ. Paris.*, Vol. I, p. 59. Цитируется по D.C. Munro, *l.c.* p. 9].

[Сноска 46: Полный текст этой грамоты см. в D.C. Munro, *l.c.* p. 7].

[Сноска 47: Matthew Paris, *Chronica Majora*, III, 166-169].

[Сноска 48: *Chart. Univ. Paris.*, I, p. 119].

[Сноска 49: Rashdall, I, pp. 11, 12].

[Сноска 50: *Chart. Univ. Paris.*, II, No. 578].

[Сноска 51: Документы, напечатанные Денифлем, *Die Universitäten, etc.*, pp. 801-803].

[Footnote 52: Document printed by Rashdall, II, Pt. II, p. 746].

[Сноска 53: Устав Гарвардского колледжа, 1650 г.].

[Сноска 54: Устав Брауновского университета, 1764 г.].

[Сноска 55: См. Compayré, "Abelard", pp. 41-45, и 35-41].

[Сноска 56: Fournier, *Statuts, etc.*, III, No. 1644].

IV

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ЗАНЯТИЯ

Способы и средства обучения в средневековых университетах были немногочисленны и просты по сравнению с теми, что существуют в наше время. Задача студента заключалась лишь в том, чтобы ознакомиться с несколькими книгами и приобрести некоторую сноровку в спорах. Университетские занятия были сформированы таким образом, чтобы обеспечить этот результат. Они состояли из лекции, диспута или дебатов, повторения, конференции, викторины и экзамена.

Из них первые два и последний были, безусловно, самыми важными; они подробно описаны ниже. Повторение, проводившееся во второй половине дня или вечером, представляло собой либо подробное обсуждение какого-либо вопроса, который не мог быть полностью рассмотрен в "обычной" лекции, либо простое повторное прочтение лекции, иногда сопровождавшееся катехизацией студентов по ее сути. Конференция - это неформальная беседа между профессором и студентами по окончании лекции или обсуждение какой-то части дневной работы только студентами. Викторина часто проводилась во второй половине дня в студенческом зале или колледже проживающим там мастером, как описано на странице 132.

(а) Лекция

Лекции были двух видов - "обычные" и "экстраординарные" или "беглые". Первые читались утром профессорами, вторые - после обеда, либо профессорами, либо студентами, собирающимися получить степень бакалавра.

Целью лекции было прочтение и объяснение текста книги или книг курса. Характер лекции во многом определялся тем, что все учебники, практически до 1500 года, были в рукописях, а также тем, что многие студенты, по-видимому, не могли или не хотели покупать или брать напрокат копии. Таким образом, значительная часть времени лектора уходила на чисто механический процесс чтения вслух стандартного текста и комментариев. К ним он мог добавить свои собственные пояснения; но простого умения "читать книгу" было достаточно, чтобы квалифицировать магистра, получившего соответствующую лицензию, или бакалавра, готовящегося к получению степени магистра, для чтения лекций по данному предмету. Этим объясняется тот факт, что иногда лекции читали семнадцати-восемнадцатилетние юноши, а регулярные курсы читали люди не старше двадцати одного года.

Книги, которые читали таким образом, состояли из двух частей - текста и "глосс" или комментариев. Взглянув на подборку на странице 60, можно понять природу последних: это были резюме, объяснения, спорные замечания и перекрестные ссылки, написанные более или менее учеными на полях текста. Со сменой поколений масса глосс стала настолько велика, что практически заглушила оригинальную работу. Только что упомянутая подборка не особенно изобилует глоссами; можно найти случаи, когда текст страницы занимает всего три или четыре строки, а остальное пространство полностью заполнено комментариями и пояснениями к ним. В наших классах нередки случаи, когда книги объясняются до смерти!

В результате такого скопления комментариев внимание учителя и учеников все больше и больше отвлекалось от текста. Есть свидетельства того, что в некоторых случаях текст почти полностью игнорировался в попытке освоить глоссы. Университетские реформы конца XV - начала XVI века иногда предполагали исключение из лекций этой массы "легкомысленных и

непонятных" комментариев и возвращение к изучению самого текста. См. введение к плану занятий для Лейпцига, с. 48.

Выборка из "Канонического права" (с. 59 и далее) дает хорошее представление о сути надиктованной средневековой лекции. Что касается "оригинальной" и более или менее несерьезной лекции, у нас есть забавный рассказ Гиральдуса Камбрэнсиса (ок. 1146-1220), в его "самой лестной из всех автобиографий". Рассказав от третьего лица о своем обучении в Париже гражданскому и каноническому праву, а также богословию, он говорит

Он добился такой благосклонности в декретных делах, которые принято было рассматривать по воскресеньям, что в день, когда по всему городу стало известно, что он будет говорить, собралось такое количество почти всех докторов с их учеными, чтобы услышать его приятный голос, что едва ли самый большой дом смог бы вместить слушателей.

И не без оснований, ибо он так подкреплял риторической убедительностью свое оригинальное, широко раскрытое изложение Законов и Канонов, так украшал свои положения как фигурами и цветами речи, так и остроумными идеями, так применял изречения философов и авторов, которые вставлял в нужные места с удивительной ловкостью, что чем более учеными и эрудированными были прихожане, тем охотнее и внимательнее они прикладывали уши и умы к слушанию и запоминанию. По правде говоря, они были увлечены и обмазаны словами столь сладкими, что, как бы зависнув в напряжении на устах оратора, - хотя речь была длинной и увлекательной, из тех, что многим обычно кажутся утомительными, - они не могли устать или даже насытиться, слушая его.

Поэтому ученые старались записывать все его речи, слово в слово, как они сходили с его уст, и перенимать их с большим рвением. Более того, в один из дней, когда со всех сторон собралось множество желающих послушать его, когда лекция закончилась и за ней последовал рокот одобрительных аплодисментов со стороны всей толпы, некий знатный доктор, который одновременно читал лекции по искусству в Париже и долгое время изучал законы в Болонье, которого звали магистр Роже Норманнский, ... открыто разразился такими выражениями: "Такого знания нет под солнцем, и если бы оно случайно было сообщено в Париже, то, без сомнения, имело бы там несравненный вес, гораздо больший, чем где-либо еще". Начало - так сказать, зачин - этой беседы я не считал нужным приводить здесь; вот как она началась:

"Я предложил слушать, прежде чем быть услышанным, учиться, прежде чем говорить, колебаться, прежде чем дискутировать. Ибо культурным ушам и людям высочайшего красноречия моя речь покажется малосодержательной, а бедность слов - нелепой. Ибо пустое это дело и совершенно излишнее - предлагать красноречивым то, что засохло, а знающим и мудрым - то, что застоялось. Поэтому наш моралист Сенека и, цитируя его, Сидоний, говорят:

"Пока природа не наполнилась знаний, не больше славы говорить о том, что знаешь, чем молчать о том, чего не знаешь".

"И все же, поскольку, по свидетельству Августина, "всякая часть, не гармонирующая с целым, есть основание", чтобы я не казался единственной аномалией среди вас или, когда другие говорят, был бы признан своим молчанием учеником Пифагора, превосходящим остальных, я предпочел быть признанным смешным за то, что говорю, чем несогласным за мое молчание".

"Какую же ноту должен издавать шумный гусь в присутствии ясно поющих лебедей? Предлагать ли ему новое или хорошо известное? Часто рассматриваемые и банальные вещи вызывают отвращение; новые вещи не пользуются авторитетом. Ведь, как говорит Плиний: "Придать новизну старым вещам, авторитет новым, яркость устаревшим, очарование презренным, свет неясным, доверие сомнительным и естественность всем вещам - это трудная задача!

"Вопрос, который мы имеем перед собой, старый, но не избитый, - вопрос, о котором часто спорят, но решение которого все еще не принято: Должен ли судья принимать решение в соответствии с доказательствами или в соответствии со своим убеждением?"

Вторую, но гораздо менее оправданную точку зрения он подкрепил аргументами, взятыми из Законов и Канонов, настолько убедительными, что, хотя все были поражены, все сомневались, следует ли больше хвалить витиеватость слов или действенность аргументов[57].

Способ чтения лекций по римскому праву в Болонье описывается следующим образом Одофредус (ок. 1200-1265 гг.), выдающийся преподаватель:

Сначала я даю вам краткое изложение каждого названия [т. е. каждой главы, на которые разделены книги], прежде чем перейти к тексту; во-вторых, я дам вам как можно более ясное и четкое изложение смысла каждого закона (включенного в заголовок); в-третьих, я буду читать текст с целью его исправления; в-четвертых, я буду кратко повторять содержание закона; В-пятых, я разрешу явные противоречия, добавлю общие принципы Закона (которые будут извлечены из отрывка), обычно называемые "Brocardica", и любые различия или тонкие и полезные проблемы (*quaestiones*), вытекающие из Закона, с их решениями, насколько мне позволит Божественное Провидение. И если какой-либо закон покажется мне заслуживающим, в силу своей знаменитости или трудности, повторения, я оставлю его для вечернего повторения"[58].

Разнообразное изложение и пересказ отрывка, подразумеваемые в приведенном выше описании, несомненно, были необходимы для того, чтобы сделать его понятным для не слишком одухотворенных умов слушателей. Как отмечает Рэшдалл, в нем "не упоминается очень важная особенность всех средневековых лекций - чтение "глосс"". Об этом говорится в Болонском уставе, который мы сейчас процитируем.

Существует множество уставов о порядке чтения лекций. В Болонье и, несомненно, в других местах профессора, по-видимому, сталкивались с трудностью, не известной современным преподавателям, - пройти весь курс за установленное время. Студенты, которые регулировали поведение своих преподавателей, установили строгие правила, чтобы предотвратить это, и наказывали их нарушение достаточно большими штрафами, чтобы заставить профессоров проявлять должную осторожность:

Мы также постановили, что все доктора, читающие лекции, должны читать глоссы сразу после прочтения главы или закона, если только непрерывность глав или законов не требует иного, принимая бремя в этом вопросе на свою совесть в соответствии с данной ими клятвой. И в отношении того, что не подлежит прочтению, они не должны поддаваться на уговоры ученых. Кроме того, мы постановляем, что доктора, читающие обычные или экстраординарные лекции, должны приходить в назначенные секции *de novo*, в соответствии с нижеприведенными правилами. А в отношении тщательного соблюдения ими отрывков мы постановляем, что любой доктор, читающий обычные лекции по каноническому

или гражданскому праву, должен за пятнадцать дней до праздника святого Михаила внести двадцать пять болонских фунтов одному из казначеев, назначенных ректорами; этот казначей должен обещать выдать указанные деньги ректорам или генеральному биссектрису от их имени, все сразу или отдельными суммами, как они потребуют или он сам.

Кроме того, Доктора должны соблюдать следующую форму в отношении разделов: Пусть будет определено деление книги на разделы (*puncta*), а затем пусть он будет уведомлен. [И если какой-либо доктор не доберется до какого-либо раздела в указанный срок, он будет оштрафован на три болонских фунта, за второе нарушение - на пять фунтов, а за третье и каждое последующее нарушение правила - на десять фунтов]. И если двадцать пять фунтов будут исчерпаны, он должен внести в указанное место вторые двадцать пять фунтов; и второй взнос должен быть сделан в течение восьми дней с того момента, когда первый был исчерпан.....

Мы также постановляем, что ни один доктор не должен впредь превышать один раздел в одной лекции. А если кто-либо будет поступать иначе, то он будет обвинен в лжесвидетельстве и наказан в размере трех фунтов, которые будут взяты из денег, внесенных для этой цели; и как часто будет происходить нарушение, так часто будет налагаться наказание, пока действует этот закон; и ректор также должен взыскивать его.

Мы добавляем, что в конце раздела доктора должны объявить ученым, с какого раздела они должны начать следующий, и они обязаны следовать тому разделу, который они начали, даже до конца раздела. Но если случайно, после того как глоссы или текст будут должным образом учтены, покажется полезным перенести часть лекции в другой раздел, он обязан в своей предыдущей лекции объявить об этом ученым, чтобы желающие могли заранее предусмотреть это; под страхом пяти болонских шиллингов за каждый случай для доктора, который поступит иначе.

Мы приказываем опубликовать этот устав в каждой школе в начале семестра.....

Поскольку темы, не читаемые докторами, полностью игнорируются и, следовательно, не известны ученым, мы постановили, что ни один доктор не должен опускать в своих разделах ни одной главы, декрета, закона или параграфа. Если он это сделает, то обязан прочесть ее в следующем разделе. Мы также постановили, что ни один декрет, указ, закон или трудный параграф не должен быть зарезервирован для прочтения в конце лекции, если такая оговорка может помешать быстрому выходу по звуку назначенного колокола[59].

Лекция может быть либо надиктована, либо прочитана быстро, "скорее для ума, чем для пера" слушателей. По педагогическим и, возможно, другим причинам власти предпочли последний метод; но лекторы и студенты, желающие получить полные записи, похоже, настаивали на диктовке. Устав парижских магистров искусств от 1355 года - одна из нескольких неудачных попыток ввести быструю запись:

Были испробованы два метода чтения книг по свободным искусствам: При первом магистры философии со своих кафедр быстро излагают собственные слова, так что ум слушателя может их воспринять, но его рука не в состоянии их записать; при втором они произносят их медленно, чтобы слушатели могли записать их в их присутствии пером. При тщательном изучении и взаимном сравнении этих способов первый метод оказывается лучшим, потому что понятийная сила обычного ума предупреждает нас подражать ему в наших лекциях. Поэтому мы, все до единого, магистры искусств, как читающие, так и не читающие лекции, будучи специально созваны для этой цели... составили соответствующий устав: Все преподаватели, как магистры, так и ученые, одного и того же факультета, когда бы и где бы

им ни случилось читать какую-либо книгу в обычном порядке или по курсу на том же факультете, или обсуждать какой-либо вопрос в соответствии с этим или любым другим методом изложения, должны следовать прежнему методу чтения в меру своих возможностей, а именно: представлять ее так, как если бы никто не писал ее в их присутствии. Именно по этому методу читаются лекции и рекомендации в Университете, и ему следуют лекторы на остальных факультетах.

Нарушителей этого устава, будь то магистры или ученые, мы лишаем впредь должности лекторов, почестей, должностей и остальных средств к существованию на нашем факультете в течение одного года. Если же кто-либо повторит проступок, мы удваиваем наказание за первое повторение; за второе - увеличиваем в четыре раза, и так далее. А аудиторов, которые мешают исполнению этого нашего устава, крича, свистя или поднимая шум, или бросая камни, либо лично, либо через своих сопровождающих или сообщников, либо любым другим способом, мы лишаем и отлучаем от нашей компании на один год, а за каждое повторение увеличиваем наказание вдвое и вчетверо, как указано выше"[60].

(b) Диспут.

Диспут, или дебаты, одно из важнейших университетских упражнений, "впервые по-настоящему утвердился в школах в результате применения нового метода". (Это упражнение иногда проводилось на манер современных дебатов; "отвечать" в школах (то есть защищать тезис в публичных дебатах) и "оппонировать" (то есть спорить с ответчиком) было общим требованием для всех степеней. Ученые и магистры часто вывешивали в публичных местах тезисы, аргументация которых вызывала всех желающих, подобно тому как рыцарь может вызвать на бой всех желающих на турнире. В таких случаях ответчик обычно указывал, какую сторону вопроса он будет защищать. Эта практика, в измененном виде, до сих пор существует в некоторых европейских университетах на публичных экзаменах на степень доктора.

В другом случае диспут вел один человек, который аргументировал обе стороны вопроса и делал вывод в пользу той или иной стороны. Разумеется, это было всего лишь устное использование метода изложения, часто встречающегося в работах схоластических философов и теологов. Лекция Гиральдуса Камбрэнса, описанная выше (стр. 109), несомненно, была такого рода. Полный пример можно найти в "Quaestio de Aqua et Terra" Данте. Краткое изложение аргументов обеих сторон по этому вопросу воспроизводится здесь с некоторыми изменениями. Оно иллюстрирует не только само упражнение, но и громоздкие осложнения, которые схоластический метод получил от преемников Абеяра, и слабость этого метода в применении к вопросам естественных наук. Читатель заметит, что спор уже не сводится к простому приведению авторитетов "за" и "против"; в него также вводятся рассуждения спорящего. Более того, аргументация стала более сложной. Она включает в себя, во-первых, изложение утвердительной позиции; во-вторых, опровержение утверждения с помощью наблюдений и рассуждений; в-третьих, возражения против опровержения с помощью рассуждений; в-четвертых, опровержение этих возражений; в-пятых, окончательное опровержение первоначальных аргументов.

Введение: Причины, побудившие автора взяться за обсуждение.

Да будет вам всем известно, что, пока я находился в Мантуе, возник некий Вопрос, который, часто аргументируемый скорее по видимости, чем по истине, оставался неопределенным. Поэтому, поскольку с детства я был воспитан в любви к истине, я не мог оставить вопрос, о котором я говорил, без обсуждения: скорее я хотел показать истину относительно него, а также, ненавидя неправду, как и любя истину, опровергнуть противоположные аргументы. А

чтобы недоброжелательность многих, которые, когда объекты их зависти отсутствуют, склонны измышлять ложь, не превратила за моей спиной хорошо сказанные слова, я пожелал далее на этих страницах, начертанных моими собственными пальцами, изложить вывод, к которому я пришел, и набросать своим пером форму всего спора.

ВОПРОС: НАХОДИТСЯ ЛИ ВОДА, ИЛИ ПОВЕРХНОСТЬ МОРЯ, ГДЕ-ЛИБО ВЫШЕ ЗЕМЛИ, ИЛИ ПРИГОДНАЯ ДЛЯ ЖИЗНИ СУША?

УТВЕРДИТЕЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ: Пять утвердительных аргументов, общепринятых общепринятых.

Довод 1. Геометрическое доказательство: Земля и Вода - сферы с разными центрами; центр земной сферы - центр Вселенной; следовательно, поверхность Воды выше поверхности Земли.

Причина 2. Этическое доказательство: Вода - более благородный элемент, чем Земля; следовательно, она заслуживает более благородного, или более высокого, места в схеме мироздания.

Причина 3. Экспериментальное доказательство: основано на том, что моряки видели, как земля исчезала под горизонтом, когда они были в море.

Причина 4. Экономическое доказательство: Источник воды, а именно море, должен быть выше Земли; иначе, поскольку вода течет вниз, она не могла бы достичь фонтанов, озер и т. д.

Причина 5. Астрономическое доказательство: Поскольку Вода следует за Луной, ее сфера должна быть эксцентричной, как и эксцентричная орбита Луны, и, следовательно, местами быть выше, чем сфера Земли.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ АРГУМЕНТ: Эти доводы необоснованны.

I. ОПРОВЕРЖЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ НАБЛЮДЕНИЙ.

Вода стекает в море с суши; следовательно, море не может быть выше суши.

II. ОПРОВЕРЖЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ РАССУЖДЕНИЙ:

A. Вода не может быть выше сухой земли.

Доказательство: Вода может быть только выше Земли,

1. Если бы она была эксцентричной, или
2. Если бы она была концентрической, но имела бы некоторые наросты.

Но поскольку

- х. Вода естественным образом движется вниз,
- и
- у. Вода по своей природе является жидким телом:

1. Не может быть истиной, так как из этого следуют три невозможности:
 - a. Вода двигалась бы как вверх, так и вниз;
 - b. Вода и Земля двигались бы вниз в разных

направлениях;

с. Гравитация будет действовать на эти два тела неоднозначно.

Докажите эти невозможности с помощью диаграммы.

2. Не может быть правдой, потому что

- а. Вода наростов была бы рассеяна, и следовательно, нарост не мог бы существовать:
- б. Он не нужен, а то, что не нужно, противоречит воле Бога и природы.

В. Вся суша выше моря.

Доказательство: Было показано, что вода находится на одном уровне и концентрична с Землей:

Поэтому, поскольку берега выше, чем края моря, и поскольку берега - самые низкие части суши,

Отсюда следует, что вся суша выше моря.

С. Возражения против вышеизложенных рассуждений и их опровержение.

- 1. *Возможный утвердительный аргумент:* Земля - самое тяжелое тело; поэтому она притягивается к своему центру и лежит под более легким телом - Водой. более легким телом, Водой.
- 2. *Возражение против этого аргумента:* Земля - самое тяжелое тело только по сравнению с другими; ведь Земля сама по себе имеет разный веса.
- 3. *Опровержение этого возражения:* Напротив, Земля - это простое тело и как таковое подлежит одинаковому тяготению во всех частях.
- 4. *Ответ на опровержение, с небольшими возражениями и их опровержением.*

Поскольку возражение само по себе обоснованно, а Земля по своей особой природе, в силу упрямства материи, была бы ниже моря, и поскольку всеобщая природа требует, чтобы Земля куда-то проецировалась, чтобы ее цель, смешение элементов, могла быть выполнена:

Отсюда следует, что должна существовать некая конечная и действенная причина, благодаря которой это проецирование может быть осуществлено.

а. Конечная причина, как мы видим, является целью Вселенской Природы. б. Действенной причиной не может быть (i) Земля, (ii) Вода, (iii) Воздух или Огонь, (iv) небо Луны, (v) Планеты, или (vi) Primum Mobile:

Поэтому его следует приписать небу Неподвижных Звезд (ибо оно отличается разнообразием и эффективностью, как видно из различных созвездий), и в особенности тем Звездам Северного полушария, которые нависают над сухой землей.

(х) *Первое возражение:* Почему же тогда выступающий континент не является круговым, ведь движение этих звезд круговое?

Ответ: Потому что материала не хватило для такого большого возвышения.

(y) *Второе возражение*: Почему это возвышение именно в этом месте?

Ответ: Потому что Бог, чьи пути непостижимы, так распорядился.

Поэтому нам следует воздержаться от слишком тщательного изучения причин, которые мы никогда не сможем постичь.

D. Опровержение первоначальных аргументов:

Довод 1. Недействительно, потому что Земля и Вода - это сферы с одним и тем же центром.

Причина 2. Недействительно из-за внешнего влияния Универсальной природы, противодействующего внутреннему влиянию партикулярной природы.

Причина 3. Недействительно, потому что именно шарообразность моря, а не низменность суши мешает вид на море.

Причина 4. Неверно, потому что вода не течет на вершины гор, а поднимается туда в виде паров.

Причина 5. Недействительно, потому что Вода, подражая Луне в одном отношении, не обязательно должна подражать ей во всех"[61].

Это краткое изложение, очевидно, иллюстрирует гораздо больше, чем форма средневекового диспута. Он не оставляет сомнений в различии между естественными науками Средневековья и нашего времени. Он также иллюстрирует слабость схоластического метода, когда он применяется к вопросам, которые современная наука решает опытным путем. Аргумент изобилует искажениями фактов, вывод неверен, а "рассуждения", с помощью которых он был достигнут, с современной точки зрения можно описать лишь как гротескные. Слабость этого метода была признана Роджером Бэконом еще в XIII веке. Растущее признание его бесполезности нашло повторное выражение в XVI и XVII веках, в частности, в "Новом методе" (Novum Organum) Фрэнсиса Бэкона.

Подобно схоластическому методу и поклонению Аристотелю, диспут впал в немилость из-за экстравагантности, до которой он дошел. Следующая саркастическая критика испанского ученого Хуана Луиса Вивеса (1462-1540) - одна из иллюстраций растущего восстания против диспутов в его время:

Диспуты также в немалой степени ослепляют суждения. Изначально они были учреждены (но только среди юношей) для того, чтобы стимулировать умственную активность, которая часто была вялой, и сделать молодых людей более увлеченными своими занятиями, чтобы они могли либо победить, либо не быть побежденными, а также чтобы наставления, полученные от их учителей, были более глубокими для них.

Среди мужчин, или людей старшего возраста, происходило некое сопоставление мнений и доводов, направленное не на победу, а на выяснение истины. Само название свидетельствует о том, что они называются диспутами, потому что с их помощью истина как бы обрезается или очищается [dis = отдельно; puto = обрезать, или очищать]. Но после того как слушатели стали хвалить и награждать того, у кого, как им казалось, были лучшие идеи, а за похвалой часто следовало богатство и средства, умом спорящих овладела низменная

жадность к отличию или деньгам, и, как в битве, победа была лишь целью, а не выяснение истины. Поэтому они упорно защищали все, что когда-то говорили, а противника повергали и попирали.

Низкие и подлые умы, которые с поникшими головами смотрят исключительно на такие пустяковые и эфемерные результаты, считали маловажным то великое благо, которое приносит учеба: честность или знание истины; и эти две вещи они не рассматривали с достаточной остротой и не понимали их великой ценности, но искали немедленной награды в виде денег или популярности.

И вот, чтобы получить большую отдачу за свой труд, они допускали народ на свои состязания, как зрителей на спектакль в театре. Затем, как и следовало ожидать при снижении стандартов, философ отбросил свой достойный, почтенный образ и надел сценическое платье, чтобы легче было танцевать: народ стал зрителем, арбитром и судьей, а философ сделал то, чего не делает флейтист на сцене, - он подстроил свою музыку не под свои идеи и не под Музы, как советует его старый учитель, а полностью под круг зрителей и толпу, откуда актеры могли получить известность и прибыль.

В настоящем, основательном обучении не было нужды (по крайней мере, по мнению тех, кто собирался учиться), но притворство и пыль в глаза толпе бросались. Так был заброшен единственный простой путь получения истины; было придумано шестьсот способов притворства, с помощью которых каждый стремился найти то, что ему подходит, тем более что ничто не делается так безобразно, как отсутствие спонсора.

Население не только присоединилось к этому мнению - что цель обучения - спорить, как цель военной жизни - сражаться, - но общественное единодушие отбросило ветеранов, *триариев* [более опытных солдат, которые ставились в третью линию], так сказать, схоластической кампании (но у них не больше способностей и суждений, чем у отбросов народа), так что они считают лишним и глупым того, кто призывает их вернуться к умственной деятельности и характеру и к этому спокойному методу исследования, философии. [Они считают, что] нет другого плода учебы, кроме как держать себя в руках и не поддаваться противнику, либо смело нападать на него, либо противостоять ему, и проницательно придумывать, какой силой, каким умением, каким методом вытеснения он может быть опрокинут. Поэтому по этой прекрасной схеме, превосходящей все другие, было задумано сразу же врывать мальчика и постоянно его тренировать; они начинали спорить, как только рождались, и прекращали только со смертью. Мальчику, приведенному в школу, в первый же день предлагают спорить и уже учат ссориться, прежде чем он вообще научится говорить. Так же и в грамматике, в поэтах, в историках, в логике, в риторике, абсолютно во всех отраслях. Разве кто-нибудь удивится, что они могут найти себе занятие в вопросах, которые совершенно открыты, очень просты и элементарны? Нет ничего настолько прозрачного, настолько чистого, чтобы они не затуманили его каким-нибудь мелким вопросом, словно взъерошенным ветерком. Это [думается] характерно для самой беспомощной глупости - не найти того, что можно сделать непонятным с помощью самых замысловатых мер и вовлечь в очень жесткие и жесткие условия, что можно извращать и извращать снова. Ведь вы можете просто сказать: "Напишите мне", - и тут возникает вопрос, если не из грамматики, то из логики, если не из логики, то из физики, - "Какие движения совершаются при письме?" Или из метафизики: "Что это - субстанция или качество?"

И эти мальчики слышат первые зачатки логики, которые только вчера или позавчера были приняты в школу. Поэтому их нужно учить никогда не молчать, а энергично отстаивать то, что приходит в голову, чтобы в любой момент не показалось, что они уступили. Не достаточно ни

одного спора в день, ни двух, как во время еды. За обедом спорят, после обеда спорят, за ужином спорят, после ужина спорят. Делают ли они это, чтобы научиться или приготовить новое блюдо? Они спорят дома, они спорят вне дома. На пиру, в бане, в тепидарии, в церкви, в городе, в поле, на публике, наедине, во всех местах и во все времена они спорят.

Куртизанки под началом сводника не спорят столько раз, или гладиаторы под началом дрессировщика не сражаются столько раз за приз, как эти под началом своего учителя философии. Население, не сдержанное и серьезное, а переменчивое, варварское, драчливое, от всего этого испытывает удивительную щекотку, как от шуточного боя. Так, есть очень много крайне невежественных людей, совершенно не знающих литературы ни в каком виде, которые получают от этого зрелища больше удовольствия, чем от всего остального; и чтобы легче было выиграть бой, они используют быстрый и стремительный способ борьбы и наносят удары каждую секунду, как бы для того, чтобы быстрее израсходовать противника. Они не атакуют противника непрерывными аргументами и не выносят длительных разговоров с ним. Если же он, пытаясь объясниться, начинает расширяться, они восклицают: "К делу! К делу! Отвечайте категорично!" Это показывает, насколько беспокойны и легкомысленны их умы, которые не могут выдержать и нескольких слов.....

Они дошли до такой степени, что вместо того, чтобы договориться, опираясь на самые веские аргументы, которые доводили их до абсурда, они сочли достаточным сказать: "Я признаю это, ибо это следует из моего собственного заключения", а следующим шагом будет: "Я отрицаю это. Докажите это. Я буду защищать это должным образом". Ибо тот, кто "защищает надлежащим образом" (по их собственным словам), какими бы нелепыми признаниями и уступками он ни пользовался, считается ученым человеком и лучше всего приспособлен к диспуту, то есть к вершине всех знаний.

(с) Экзамен

Экзамен, как упражнение, ведущее к получению степени, является одним из этапов современной образовательной практики, пришедшей из средневековых университетов. Система экзаменов развивалась медленно. В силу различий в практике различных университетов обобщать сложно, но в целом студент, получающий степень магистра или доктора на любом факультете, проходит три стадии: бакалавр, лицензиат и доктор, и на каждой из них сдает экзамен в той или иной форме. Экзамен на лицензиата (право преподавать в любом месте), по-видимому, был самым грозным из трех; экзамен на доктора был в основном церемониальным. В целом экзамен проверял знание кандидатом предписанных книг и его способность к публичным дебатам.

В уставе Буржа (ок. 1468-1480 гг.) так описываются требования и порядок проведения экзаменов на получение лицензии в области искусств:

[При подготовке к получению степени бакалавра, которая предшествовала получению лицензии, кандидат должен был прослушать лекции по (1) "Исагоге" ("Введению") Порфирия в Категории Аристотеля, (2) следующим работам Аристотеля: (а) Категории; (б) *Peri Hermeneias* ("Об истолковании"), первые (?) две книги и часть четвертой; (в) Темы, первая книга; (г) Физика, первые три книги].

Подобным образом мы постановили, что прежде чем кто-либо достигнет степени лицензиата, он должен прослушать еще четыре книги физики, три книги "О небесах", две из "О порождении", первые три из "О метеорах", три "О душе", "О памяти", "О

продолжительности и краткости жизни", первые шесть книг "Метафизики" и первые шесть по "Этике" с частью Евклида, а также книгу "О сфере" [Иоанна Сакробоско].

Также мы постановили, что кандидаты должны отвечать дважды открыто и публично, и их может быть не более пяти в один день и в одних и тех же дебатах; однако четырех будет достаточно. И когда они отвечают, они должны заплатить, каждый своему председателю, скудо из золота.

Подобным же образом мы определили, что, когда это будет сделано, факультет должен назначить четырех магистров, которые уже были магистрами в течение трех лет и у которых [кандидаты] в этом году не были учениками под их собственным особым руководством; и они должны проверить достаточность всех кандидатов. И упомянутая комиссия должна дать клятву, что примет тех, кто соответствует требованиям, и отвергнет тех, кто не соответствует.

Также мы постановили, что, когда это будет сделано, по докладу указанного комитета, скрепленному их печатями и верно переданному, канцлер должен расположить кандидатов в порядке, установленном указанным комитетом, всегда ставя лучших людей и тех, кто соответствует требованиям, впереди остальных, чтобы дать возможность студентам хорошо учиться и чтобы никто не пострадал от своего положения.

Также мы постановили, что прежде чем приступить к лицензированию самих кандидатов, собравшийся факультет искусств должен назначить четырех магистров, кроме первого, которые в назначенных группах будут проверять указанных кандидатов лично. И если они не найдут их такими, какими их нашли первые экзаменаторы, они должны доложить об этом факультету, указав на недостаток, чтобы факультет мог знать об ошибке первой комиссии. Если он обнаружит, что они ошиблись, то будет иметь право исправить их ошибки, изменив положение [имен в списке] и полностью отвергнув их, если они покажутся не соответствующими требованиям.

Также мы постановили, что после того, как упомянутые вторые экзаменаторы вынесут решение о своем одобрении или неодобрении, они должны поместить своих кандидатов в надлежащем порядке в один список, скрепленный их собственными печатями, и передать его под опись канцлеру, и он не имеет права менять этот порядок, но должен выдать им лицензию в том порядке, который указан в списке"[62].

Процесс получения степени лиценциата и доктора права в Болонье, существовавший в конце XIII века и позднее, подробно описан в Статутах 1432 года. Экзамен состоял из двух частей: первая - частная, вторая - публичная. Первый приводил к получению лицензии, которая, однако, была лишь разрешением перейти к публичному экзамену. Статут, касающийся частного экзамена, кратко изложен Рашдалом:

Частный экзамен был реальной проверкой компетентности, так называемый публичный экзамен на практике был простой церемонией. Перед допуском к каждому из этих экзаменов кандидат представлялся консилиусом своей нации ректору для получения разрешения на вступление в него и клялся, что выполнил все установленные условия, что он не будет давать больше установленной платы или развлечений самому ректору, доктору или его сокурсникам, и что он будет подчиняться ректору. В течение восьми дней до экзамена кандидат представлялся архидiakону "своим" доктором, или другим доктором, или двумя докторами, причем представляющий доктор должен был убедиться в пригодности своего подопечного путем частного осмотра. Рано утром в день экзамена, после посещения мессы Святого Духа, кандидат представал перед собравшейся Коллегией и получал от одного из присутствующих докторов два отрывка (puncta) из гражданского или канонического права, в

зависимости от обстоятельств. Затем он удалялся к себе домой для изучения отрывков, в чем ему, судя по всему, помогал представляющий его доктор. Позже в течение дня доктора вызывались в собор или другое общественное здание архидиаконом, который председательствовал, но не принимал активного участия в последующем экзамене. Затем кандидат представлялся архидиакону и докторам представляющим доктором или промоутером, как его называли. Затем настоятель Коллегии приносил ряд клятв, в которых кандидат обещал уважение к этому органу и торжественно отказывался от всех прав, которых Коллегии удалось лишить всех докторов, не входящих в ее ряды. Затем кандидат читал лекцию или изложение двух подготовленных отрывков, после чего его экзаменовали по ним два доктора, назначенные Коллегией. Другие доктора могли задавать дополнительные вопросы по праву (которые они должны были поклясться, что не сообщали кандидату ранее), вытекающие из выбранных отрывков, или предлагать возражения против ответов. С нежной заботой о чувствах своих товарищей на этом "строгом и грозном экзамене" (по их выражению) студенты своим уставом требовали, чтобы экзаменатор относился к экзаменуемому "как к собственному сыну". Экзамен завершался, голоса присутствующих докторов принимались путем голосования, и судьба кандидата определялась большинством, решение объявлял архидиакон[63].

Победивший кандидат, как правило, через некоторое время переходил к публичному экзамену, который проводился в соборе. На этом экзамене он получал и официальную лицензию на преподавание, и степень доктора. Перед назначенным днем он приглашал друзей и государственных чиновников на церемонию. Показные мероприятия в это время были запрещены:

Кандидаты на степень доктора, когда они дают свои приглашения на публичный экзамен, должны идти без труб или каких-либо инструментов; и бусы архидиакона Болоньи с бусами докторов, под руководством которых они должны пройти публичный экзамен, должны предшествовать ему на лошади. В этот поздний день они [кандидаты] не должны устраивать никаких пиршеств, кроме как среди ученых из того же дома или среди тех, кто связан с кандидатом первой, второй, третьей или даже четвертой степенью. Кроме того, никто из ректоров не должен осмеливаться ехать с ним в этот день[64].

В день экзамена, однако, "любовь к пышности, свойственная средневековому и особенно итальянскому уму, получила максимальное удовлетворение"; кандидат отправился в собор, несомненно, под аккомпанемент трубачей и в сопровождении процессии своих сокурсников. Устав Немецкой нации в Болонье описывает в качестве одной из целей этой организации "группирование вокруг, посещение и скопление вокруг наших будущих докторов, в сезон и вне сезона". Более того, "ученые нашей нации должны индивидуально сопровождать того, кого хотят сделать доктором, до места, где обычно вручаются знаки отличия [степени], если он того пожелает или попросит об этом проктора [нации]. Кроме того, они должны сопровождать его с многочисленной толпой от вышеупомянутого места до его собственного дома под страхом штрафа в один болонский шиллинг"[65].

Университетские уставы имеют ту же силу, но в них запрещены конные игры и экстравагантность турниров. "Ультрамонтанские" ученые - это те, кто живет к северу, "цисмонтанские" - те, кто живет к югу от Альп.

Кроме того, ультрамонтанские ученые должны сопровождать ультрамонтанского кандидата, а цисмонтанские - цисмонтана из мест их обитания в собор Святого Петра, когда они приходят туда для сдачи публичного экзамена, и в это время сено и солома не должны быть положены [на пол] церкви. Кроме того, все ультра- и цис-монтаны должны присутствовать на

публичном экзамене, и все они должны после этого сопровождать нового доктора от церкви до его дома под страхом штрафа в десять болонских шиллингов, который ректор обязан взыскать в течение восьми дней. И ни один ученый на публичном экзамене любого гражданина или иностранного ученого не должен быть одет для танцев, потасовок или турниров, и не должен выступать в поединке как рыцарь. Если кто-либо ослушается, он понесет наказание за лжесвидетельство и десять болонских фунтов, и если он не заплатит их в течение десяти дней по требованию любого ректора, он будет лишен преимущества и чести нашего Университета. И мы налагаем наказание за лжесвидетельство также на ректора студента, которому предстоит сдавать публичный экзамен, и это наказание он понесет от того самого факта, что он должен во что бы то ни стало потребовать от кандидата клятву, что в день, когда он поедет раздавать приглашения на публичный экзамен, который ему предстоит сдавать, он не будет устраивать поединков или потасовок, как это делали некоторые до сих пор. А если кандидат, когда от него потребуют, не захочет дать клятву или даст ее и нарушит, он [ректор] должен категорически запретить публичный экзамен и приказать докторам не проводить свои собрания, а также остановить Бидла, чтобы тот не смел объявлять о своей программе в школах, под произвольным наказанием, которое будет наложено"[66].

Церемония в соборе включала в себя, во-первых, формальное испытание кандидата. После произнесения речи он провел диспут, в котором защитил тезис, взятый из Законов, против оппонентов, выбранных из числа студентов, "таким образом впервые сыграв роль доктора в университетском диспуте". Затем промотор представлял его архидиакону, который выдавал окончательную лицензию на преподавание гражданского или канонического права или обоих, в зависимости от подготовки студента. Это делалось по формуле, вероятно, похожей на следующую, которая взята из книги, изданной в 1710 году:

Так как вы были представлены мне для экзамена по обоим [гражданским и каноническим] законам и для обычного утверждения, то, согласно обычаю, самый уважаемый и самый превосходный доктор медицины. (называя промоторов), золотыми рыцарями, графами Палатина, самыми знаменитыми докторами, и поскольку с тех пор вы подверглись тяжелому и строгому экзамену, в котором вы проявили себя с такой ученостью и отличием, что это тело самых знаменитых и превосходных промоторов без единого несогласного голоса, - повторяю, без единого несогласного голоса, - признало вас достойным лавров, поэтому властью, которую я имею как архидиакон и старший канцлер, я создаю, публикую и называю вас, N.N., Доктор вышеупомянутых факультетов, предоставляя вам все привилегии читать лекции, восходить на магистерскую кафедру, писать глоссы, толковать, выступать в качестве адвоката, а также выполнять функции доктора здесь и везде по всему миру; кроме того, пользоваться всеми теми привилегиями, которыми привыкли пользоваться и пользоваться те счастливы, которые были столь достойны в этих благодатных колледжах.

И я верю, что все это навсегда приведет к увеличению вашей славы и чести наших колледжей, к хвале и славе Всемогущего Бога и вечно благословенной Девы Марии"[67].

"В соответствии с полученным таким образом разрешением, Промоутер вручил ему *знаки отличия* преподавательской должности [кресло, книгу, кольцо, шапочку], каждый, несомненно, с какой-нибудь соответствующей формулой. Его усаживали на магистерскую кафедру или *катедру*. Ему вручили открытую книгу - один из текстов Закона, который он должен был излагать. На палец ему надели золотое кольцо, либо в знак его преданности науке, либо в знак того, что доктор претендует на звание равного рыцаря; на голову ему возложили магистерскую *биретту*, после чего Промотор оставил его с отеческими объятиями, поцелуем и благословением"[68] Затем последовало триумфальное шествие по

городу "в сопровождении трех университетских волынщиков и четырех университетских трубачей".

(d) *Рабочий день в Лувене в 1476 году*

Документы, описывающие рабочий день средневекового студента, встречаются нечасто. Герцогский ордонанс для Лувенского университета 1476 года указывает на то, как студент должен был работать в этом учебном заведении.

Наставники должны следить за тем, чтобы ученые вставали утром в пять часов, и чтобы перед лекциями каждый самостоятельно читал законы, которые должны быть прочитаны на очередной лекции, вместе с глоссами..... Но после очередной лекции, отслушав, если пожелают, наскоро мессу, ученые должны прийти в свои комнаты и пересмотреть прочитанные лекции, повторив и запечатлев в своей памяти все, что они вынесли из лекций устно или письменно. Затем они приходят к обеду... После обеда, когда каждый принесет к столу свои книги, все ученые факультета вместе, в присутствии наставника, разбирают очередную лекцию; и при этом разборе наставник следует методу, который позволит ему, осторожно расспрашивая каждого, выяснить, хорошо ли каждый из них слушал лекцию и запомнил ли ее, и который позволит вспомнить всю лекцию, пересказав ее части по отдельности. При внимательном отношении к этому достаточно одного часа[69].

(e) *Расписание лекций в Лейпциге, 1519 год*

Должно быть, существовала какая-то упорядоченная организация лекций на каждый день по мере того, как устанавливались требования к различным степеням; но я не нашел ранних документов на эту тему. В Уставе Лейпцига за 1519 год приводится "точное расположение лекций факультета изящных искусств, час за часом, адаптированное к различным интеллектам и интересам". В них не всегда указывается семестр, в котором должна быть прочитана книга; в таких случаях название помещается в центр колонки. Список включает практически все книги, необходимые для получения степеней бакалавра и магистра. Если не указано иное, это работы Аристотеля; но версии, как отмечается на странице 48, являются новыми переводами с греческого. Эти переводы недвусмысленно восхваляются в Уставе. Метафизика изложена на латыни Бессарионом "так ловко и с такой добросовестностью, что кажется, будто он ни на йоту не отличается от греческих копий и чувств Аристотеля". Этика и Экономика "ловко и очаровательно переложены на латынь Аргиропулосом"; Политика и Моралия "прекрасно переведены Георгием Валлой, этим известным человеком большой учености" и т. д. Лекции, как следует отметить, начались рано. Следующая таблица составлена по материалам Zarncke, *Statutenbücher der Universität Leipzig*, pp. 39-42.

В дополнение к "обычным", или предписанным, книгам, "две книги Письма Цицерона будут читаться в праздничные дни"; и "греческая грамматика Теодора Газы будет объясняться за счет прославленного принца Георга".

ЛЕТО | ЗИМА | ЛЕТО | ЗИМА

|||

6 УТРА | 1 ЧАС ДНЯ.

|

Метафизика. |Метафизика. |Последние |темы (4 кн.)

Введение |О аналитике. |Порождение и

(Порфирий). |Истолкование |Смысл и |разрушение.

Категории. | Логика (Аквинский). | Ощущение. | Бытие и
 | | Память и | сущность.
 О шести принципах (Жильбер де ла | Воспоминание. | (Аквинский).
 Порре). | Сон и бодрствование. |
 Физика (Дигесты Аристотеля, составленные | Лонгевитом и | Альбертом Магнусом).
 Альберта Магнуса). | Shortlivedness. |
 -----| |
 8 часов утра. | Институты ораторского искусства.
 | (Квинтилиан).
 Физический слух (sic.) Физика? | -----
 Чтение и диспуты к 2 часам дня.
 Кандидаты в бакалавры и магистры. |
 Грамматика (Присциан). | О душе (3 | О небесах
 -----| Bks). | и Земле.
 11 А.М. | Общая | О веществе.
 | Арифметике и | мире.
 Логика: Summulae (Petrus Hispanus). | О сфере | (Аверроэс).
 | | | (Сакробоско). | Общий
 Риторика (Цицерон | Об ораторе | | Перспектива,
 к Гереннию). | (Цицерон). | Оптика (Цицерон | Т.е. Оптика).
 Физика | О жизненном | | (Иоанн из
 Аускультация | Принцип | | Пизы).
 (Фемистий). | (Фемистий). | Теория планет (Герард из
 | | Кремона).
 | Этика
 | Политика.
 | Экономика.
 | Magna Moralia, *то есть...*,
 | Этика, сокращенно от
Аристотеля и Евдема.
4 ВЕЧЕРА.
Теокрит.
Геродот.
Виргилий.
Аристотель, Проблемы.

СНОСКИ:

[Сноска 57: Giraldus Cambrensis, ed. Brewer, I, pp. 45-47].

[Footnote 58: Quoted by Rashdall, I, p. 219].

[Footnote 59: Malagola, *Statuti delle Università i dei Collegi dello Studio Bolognese*. Selections from pp. 41-43.]

[Сноска 60: Bulaeus, *Historia Universitatis Parisiensis*, IV, 332].

[Footnote 61: Данте, *Quaestio de Aqua et Terra*, tr. A.C. White, pp. VII-IX.]

[Footnote 62: Document printed by Rashdall, II, Pt. II, pp. 742-3].

[Сноска 63: Rashdall, I, p. 226].

[Сноска 64: Malagola, *Statuti*, etc., p. 116].

[Сноска 65: *Acta Nationis Germanicae*, pp. 4, 8].

[Сноска 66: Malagola, *Statuti*, etc., p. 116].

[Сноска 67: Документ, напечатанный Рэшдаллом, II, Pt. II, p. 734].

[Сноска 68: Rashdall, I, p. 229].

[Сноска 69: Документ, напечатанный Рэшдаллом, том II, часть II, с. 766].

V

ТРЕБОВАНИЯ К СТЕПЕНЯМ В ОБЛАСТИ ИСКУССТВ

Как правило, кандидат на степень бакалавра искусств должен принять участие в качестве "ответчика" или "оппонента" (см. с. 115) в установленном количестве диспутов и "прослушать" лекции по определенным книгам до сдачи экзамена на получение степени. (Этот экзамен, по-видимому, в некоторых случаях был не более чем свидетельством комиссии магистров о том, что студент выполнил все вышеперечисленные требования). Кандидат на степень А.М. должен был пройти дальнейшие предписанные книги и диспуты, а также "прочитать", т.е. прочитать лекцию по какой-то книге или книгам, которые он ранее "слышал", перед сдачей экзамена на лицензию (на право преподавать везде). Невозможно дать общее представление о необходимом количестве диспутов; в разное время и в разных местах практика была разной. Лейпцигский устав в XV веке требовал от будущего бакалавра шесть "обычных" и шесть "экстраординарных" ответов. Будущий магистр должен был заявить, что присутствовал на тридцати обычных бакалаврских диспутах и спорил на каждом из них, "если ему удавалось получить возможность спорить". Кандидат на получение лицензии в Париже в 1366 году должен был присутствовать на диспутах в течение одного "большого ординара" и дважды "отвечать". В Оксфорде юноша должен был участвовать в диспутах в течение года в качестве "общего софиста" и должен был "ответить" хотя бы один раз, прежде чем получить степень бакалавра или "решимость", которая была эквивалентом степени бакалавра. Будущие магистры должны были отвечать не менее двух раз[70].

Следующие списки предписанных книг дают хорошее представление о средневековых требованиях (помимо диспутов) для получения степеней бакалавра и магистра в разные времена и в разных местах. Читатель сразу же заметит преобладание Аристотеля и различия в требованиях к степеням. Можно привести множество подобных списков из записей других университетов, но они дадут мало дополнительной информации в отношении степеней в области искусств.

1. Список книг, предписанных для получения степеней бакалавра и магистра в Париже, 1254 г.

Следующий список из Устава 1254 года не разделяет книги на группы, необходимые для каждой степени, но указывает общее требование для обеих степеней.

{Введение в категории Аристотеля
{(Исагога), Порфирий.

(1) "Старая" логика {Категории и об истолковании,
{ Аристотель.
{Деления и темы, кроме кн. IV,
{Боэций.

{Прежняя и последующая аналитика, Аристотель.

(2) "Новая" логика {Софистические опровержения, "
{Топики, "

(3) Моральная философия: Этика, 4 кн., "

{Физика, Аристотель.

{О небе и земле, (2)

{Метеорика, "

{О животных, }

{О душе}.

(4) Натурфилософия {"Порождение", {"Чувство и разумные вещи", {"О животных", {"О душе",
{ "О душе"}

{ "Чувство и разумные вещи", {"Сон и бодрствование", {"Душа", {(4)

Натурфилософия

{ " Сон и бодрствование, "

{ " Память и воспоминания, "

{ " Жизнь и смерть, "

{ " Растения, " (?)

(5) Метафизика: Метафизика, "

{ "О шести принципах", Жильбер де ла Порре

{Barbarismus (Вк. 3, Большая грамматика),

{Донат.

(6) Другие книги {Грамматика (большая и малая), Присциан.

{О причинах, Коста Бен Лука.

{О различиях духа и души}

(другой перевод "О причинах").[71

Интересная часть Статута 1254 года касается продолжительности времени, отведенного на прочтение различных книг или групп книг. Вся "Старая логика" должна быть прочитана примерно за шесть месяцев (с 1 октября по 25 марта); "Новая логика" и "Грамматика" Присциана - за такой же срок; "Физика", "Метафизика" и "О животных" - за восемь с лишним месяцев (с 1 октября по 25 июня); четыре книги "Этики" - за шесть недель; "О жизни и смерти" должна быть завершена за одну неделю, а несколько других трактатов той же группы должны быть прочитаны за период, варьирующийся от двух до пяти недель. Знание этих фактов делает список в целом значительно менее внушительным, чем могло бы показаться в противном случае.

2. Книги, необходимые в Париже в 1366 году. В этом и всех последующих примерах книги принадлежат Аристотелю, если не указано иное.

Для А.В:

- (1) Грамматика: Doctrinale, Alexander da Villa Dei.
- (2) Логика: Старая и новая логика, как указано выше.
- (3) Натурфилософия: О душе.

Для получения лицензии на преподавание повсюду:

- (1) Натурфилософия: Физика; О небе и Земле; О порождении и тлении; Parva Naturalia (см. с. 143); "О механике".
- (2) Математика: "Некоторые книги"; вероятно, трактаты, необходимые в Лейпциге в 1410 году. (См. с. 140).
- (3) Политика.
- (4) Риторика.

Для магистратуры: (1) Этика. (2) Метеорика (3 кн.)[72].

3. Книги, необходимые в Оксфорде, 1267 год: Для А.В. (Determination):

- (1) Логика: Старая и Новая логика (см. с. 140) и О шести принципах. (2) Либо грамматика (выдержки из Доната и Присциана), либо натурфилософия (физика, "О душе", "О порождении и тлении") [73].

Для получения степени бакалавра в (?) 1408 году.

- (1) Логика: Старая и Новая логика в "беглых", или экстраординарных, лекциях, читаемых бакалаврами; введение - Порфирий: О Шесть принципов", Жильбер де ла Порре; "Софистические опровержения".
- (2) Грамматика; Barbarismus, Donatus.
- (3) Математика: Арифметика; Computus ecclesiasticus (Метод нахождения Пасхи); О сфере, Сакробоско[74].

4. Книги, необходимые в Лейпциге для получения степени бакалавра в 1410 году[75].

- (1) Грамматика; Присциан (две последние книги). [2 мес.] {Tractatus (Summulae), Petrus Hispanus. [2-1/2-3 месяца.] (2) Логика {"Старая" логика (см. Париж, 1254 г.). [3-4 месяца.] {"Новая" "кроме тем". [6-1/2-7 месяцев.] (3) Натурфилософия {Физика. [6-9 месяцев.] {О душе. [7 недель-2 месяца.] (4) Математика; О материальной сфере (Сакробоско). [5-6 недель.]

5. Книги, необходимые в Лейпциге для получения степени магистра в 1410 году.

- (1) Логика {Логика из Хейтисбери.
{Топики, Аристотель. [3-4 мес.]
- (2) Мораль и этика {Этика. [6-9 "]
Практическая {Политика. [4-9 "]
Философия {Экономика. [3 нед.]
{О небе и земле. [3-1/2-4
{месяцев.]
{О порождении и разрушении. [7
{7 недель - 2 месяца.]
- (3) Натурфилософия {Метеорика. [3-1/2-4 месяца.]
{Parva Naturalia (т.е. книги о

{Чувствах и разумных вещах, снѣ и
{Бодрствовании, памяти и воспоминаниях,
{долголѣтии и недолговѣчности). [2-1/2-3
{ месяцев.]

(4) Метафизика: Метафизика. [5-9 мес.]

{Астрономия: Теория планет

{ (Герард Кремонский). [5-6 недель.]

{Геометрия: Евклид. [5-9 месяцев.]

{Арифметика: Общая арифметика (Сакробоско).

(5) Математика { [3 недели-1 месц.]

{Музыка: Музыка (Джон де Мьюрис). [3

[3 недели - 1 месц.]

{Оптика: Общая перспектива (Джон

{Пизанский). [3-3-1/2 мес.][76].

СНОСКИ:

[Сноска 70: Устав 1431 г.].

[Сноска 71: *Chart. Univ. Paris.*, I, No. 246].

[Сноска 72: *Rashdall*, I, p. 436].

[Сноска 73: *Munimenta Acad. Oxon.*, I, pp. 35-36].

[Сноска 74: *Munimenta Acad. Oxon.*, I, pp. 242-243].

[Сноска 75: Цифры в скобках указывают время, которое должно быть уделено каждой книге или группе книг. Данные взяты из *Zarncke, Statutenbücher der Univ. Leipzig.*, 311-312].

[Сноска 76: О требованиях в 1519 году см. с. 134].

VI

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПИСЬМА

1. ПИСЬМА, СВЯЗАННЫЕ С ПАРИЖЕМ

(а) Критик двенадцатого века

Пессимист, сетующий на упадок образования и считающий, что его золотой век пришелся на то время, когда он сам получал образование, или даже раньше, - вечная фигура в истории образования. Следующее письмо имеет удивительно современное звучание. Денифль (р. 747) считает, что Стивен не смог примириться с новым движением в Париже из-за своего монашеского воспитания. Однако мнение Стефана "не было полностью ошибочным". Сравните письмо Петра де ла Селле к Иоанну Солсберийскому, стр. 144.

"Стефан [епископ] Турнейский в своих письмах, адресованных Папе, сетует на разрушение изучения священной литературы, канонического права и искусств и, обвиняя профессоров, умоляет о руке апостольского исправления". (1192-1203.)

Папе Римскому. Прося его о помиловании, мы обращаемся к нашему суверенному понтифику, чья доброта стимулирует нашу смелость, чье знание поддерживает наше

невежество, чье терпение гарантирует снисхождение. Сначала нас побуждает авторитет наших предков, затем болезнь, которая проникает в нас и которая в конце концов станет непоправимой, если ее дурное влияние не будет остановлено в самом начале. Мы не говорим этого, отец, как будто хотим быть цензорами нравов, или судьями врачей, или спорщиками доктрин. Это бремя требует более крепких плеч, эта борьба требует энергичных рук духовных атлетов. Мы хотим только указать на это бедствие вашему святому Отцу, которому Бог дал власть проверять ошибки и знать, как их исправить.

Изучение священных писаний у нас превратилось в самую фабрику путаницы; учителя больше заботятся о славе, чем об учении, и составляют новые и современные сводки и комментарии к богословским основам, которыми они успокаивают, удерживают и обманывают своих учеников; как будто не существует множества трудов святых отцов, которые, как мы читаем, излагали свои священные писания, вдохновленные тем же духом, который, как мы верим, вдохновлял апостолов и пророков, когда они составляли их..... В нарушение священных конституций ведутся публичные дебаты о непостижимости Божества; неуважительно ведутся словесные, плотские распри о воплощении Слова. Даже неделимую Троицу делят на углах улиц и ссорят, так что заблуждений уже столько же, сколько учителей, скандалов столько же, сколько аудиторий, богохульств столько же, сколько публичных площадей.

Более того, если прибегнуть к судам, установленным Общим правом, либо к тем, что созданы нами, либо к обычным судьям, которых мы обязаны признавать, то там под предлогом священной памяти папы Александра продажные люди представляют запутанный лес Декреталов, а более древние священные каноны отбрасываются, отвергаются и извергаются.

Эта путаница происходит в самом центре благотворных правил, установленных соборами святых отцов, они не налагают на свои советы никаких методов и на свои дела никаких ограничений, те письма имеют преобладающий вес, которые, возможно, юристы подделали и переписали за плату в своих собственных офисах или палатах. Новый том, собранный из этих источников, регулярно читается в школах и выставляется на продажу на рынке с одобрением толпы нотариусов, которые радуются, что их труд уменьшается, а оплата увеличивается при переписывании этих подозрительных произведений.

Две беды уже изложены, и вот, остается третья! Факультеты, называемые либеральными [то есть свободными], утратили былую свободу и преданы такому полному рабству, что длинноволосые юноши бесстыдно овладевают должностями на этих факультетах, безбородые мальчишки сидят на местах старейшин, а те, кто еще не умеет быть учениками, стремятся называться докторами. И сами они составляют свои конспекты, вонючие и мокрые от [их собственных] дальнейших измышлений, и даже не приправленные солью философов. Пренебрегая правилами искусств и отбрасывая стандартные труды создателей искусств, они ловят в своих софизмах, как в паутине, мошек своих пустых пустяковых фраз. Философия кричит, что ее одежды разорваны и растерзаны; она скромно прикрывает свою наготу тщательно приготовленными остатками, [но] с ней не советуется добрый человек и она не утешает добрую женщину.

Эти вещи, о Отец, требуют руки апостольского исправления, чтобы нынешняя непристойность преподавания, обучения и дебатов была приведена твоим авторитетом к определенной форме, чтобы Божественное Слово не было удешевлено вульгарным истощением; чтобы на углах не говорили: "Вот Христос!" или "Вот Он!", чтобы святые не были брошены псам или жемчужины свиньям, чтобы их растоптали ногами"[77].

(b) Монашеский взгляд

Для многих монахов этого периода изучение и поиск истины с помощью разума были отвратительны. По их мнению, путь к духовной истине лежал через уход от мира и выполнение религиозных упражнений. Об этом говорится в письме к Иоанну Солсберийскому, написанном Питером де ла Келле, аббатом монастыря близ Реймса, в 1164 году. Кстати, в нем приводится его мнение относительно Парижа.

"Петр де ла Келле Иоанну Солсберийскому об опасностях, которые подстерегают души в Париже, и об истинной школе правды".

Его собственный аббат своему собственному клерку. Ты, мой возлюбленный, выбрал достаточно восхитительное изгнание, где радости, пусть и тщетные, в избытке, где запасы хлеба и вина превосходят по богатству запасы твоей собственной земли, где есть частый доступ к друзьям, где совместное проживание товарищей - обычное дело. Кто, кроме тебя, есть под небом, кто не считал Париж местом наслаждений, садом насаждений, полем первых плодов?

Однако, улыбаясь [всему этому], вы верно сказали, что там, где больше и полнее удовольствия для тела, там изгнание души; а там, где царит роскошь, душа - жалкая и страдающая служанка. О Париж! Как хорошо ты приспособлен к тому, чтобы пленять и обманывать души! В тебе сети порока, в тебе стрела ада, поражающая сердца глупцов! Это почувствовал мой Джон и поэтому назвал это изгнанием. Если бы вы оставили свое изгнание таким, какое оно есть, и поспешили на родину не словом и языком, а делом и правдой! Там, в книге жизни, вы бы смотрели не на формы и элементы, а на саму Божественность, как она есть на самом деле, как на истину - глаза в глаза, без труда чтения, без утомительности видения, без заблуждений и ошибок понимания, без беспокойства сохранения, без страха забывания. О благословенная школа, где Христос учит наши сердца словами Своей добродетели, где без учебы и лекций мы узнаем, как нам жить счастливо до самой вечности! Там не покупают книг, не нанимают учителя написанного, не обходят в спорах, не изощряются в софизмах, [но] просто решают все вопросы, полностью понимают всеобщие причины и аргументы. Там жизнь приносит больше пользы, чем лекции; простота - больше, чем уклончивость. Там никто не закрыт [то есть не ограничен в свободе], кроме того, кто закрыт. Одним словом, в ответе, данном тому, кто злословит о злой жизни: "Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его", и тому, кто стремится к доброй жизни: "Придите, благословенные" и т. д., отпадает всякий упрек.

Если бы сыны человеческие так же стремились к этим лучшим занятиям, как они стремятся к пустословию, к тщеславному и низкому шутовству! Конечно, они собрали бы более богатые плоды, более прекрасные милости, несомненно, более высокие почести и, несомненно, познали бы конец всякого совершенства - Христа, - которого они никогда не найдут в этих занятиях. Прощайте[78].

(c) Письма от или к студентам в Париже

Эти письма относятся к периоду, охватывающему почти четыре столетия. В первом приводится мнение Вильгельма из Шампо, заметно контрастирующее с мнением Абельяра.

(1) НЕКИЙ Д. ПИШЕТ НЕКОМУ ПРИОРУ О СВОЕМ ОБУЧЕНИИ В ПАРИЖЕ (1109-1112 ГГ.).

Сейчас я нахожусь в Париже в школе мастера Вильгельма из Шампо, величайшего из всех людей его времени, которых я знал, во всех областях знаний. Когда мы слышим его голос,

нам кажется, что говорит не человек, а ангел с небес, ибо мелодичность его слов и глубина его идей превосходит, как бы, человеческие пределы.....

Здесь, мой почтенный друг, я тренирую свою молодость, чтобы не поддаться полностью тем порокам, которые, если их не победить, как правило, перечеркивают этот период жизни. Здесь я делаю все возможное, чтобы просветить учением и исследованием мой необученный ум, освобожденный от тенет невежества и греха первого человека, насколько Бог, от которого одного исходит всякое благословение мудрости, сам соизволит это позволить. Потому что благословение мудрости, когда его ищут и приобретают с чистым интересом, справедливо считается всеми проницательными людьми как *sursumuni [bonum]*. Ибо, как говорит апостол: Знание без милосердия раздувает, а с милосердием назидает: ибо оно искореняет пороки и прививает добродетели; оно наставляет в долге перед самим собой, ближним и Творцом; наконец, своим присутствием оно укрепляет и защищает разум, над которым оно лично начальствует, от всех бед этой жизни, которые приходят к нему извне[79].

(2) ФИЛИПП ХАРВЕНГТСКИЙ - ГЕРГАЛЬДУ, СТУДЕНТУ В ПАРИЖЕ (ДАТА МЕЖДУ 1154 И 1181 ГГ.)

Знай, что я внимательно прочитал и с благодарностью принял письма, которые твоя привязанность с памятным чувством побудила тебя отправить мне... потому что в них, как мне казалось, я видел свидетельства твоего прогресса в обучении..... Как царица Савская, говорят, приехала с большой свитой, чтобы воочию убедиться в тех вещах, славу которых она жадно впитывала издалека, так и вы, влекомые любовью к знаниям, приехали в Париж и нашли желанную модель Иерусалима, о которой мечтали многие. Ведь здесь Давид ударяет по своей арфе с десятью аккордами, здесь с мистическим прикосновением он слагает псалмы. Здесь читают Исаяю, и в этом чтении раскрываются его пророчества; здесь остальные пророки излагают свои разнообразные мелодии гармоничной мелодии. Здесь мудрость Соломона открыта для обучения тех, кто собрался всех частях света; здесь его сокровищница открыта для жаждущих учеников. Здесь, чтобы стимулировать столь большое количество студентов, собралась такая толпа клерков, что она соперничает с многочисленной толпой мирян. Счастливый город! В котором Священные кодексы изучаются с таким усердием, а их тайны разгадываются даром излияния Духа, в котором читатели проявляют такое усердие и, короче говоря, такое знание Писаний, что он поистине заслуживает названия Кариатид Сефер, то есть Город букв. Там я хотел бы, чтобы вы, подобно Гофониилу, обучались не столько буквам, сколько духу, и так постигали Писания, чтобы вам доставляло удовольствие искать их внутреннюю сладость..... Прощай.[80]

(3) ОПИСАНИЕ ПАРИЖА ОКОЛО 1175 ГОДА, СДЕЛАННОЕ ПАРНЕМ ДЕ БАСОШ

Юноше, который благороден и так похож на себя, что является вторым "я", Ги де Басош [стремится] соответствовать своему родовому благородству высокородными манерами.....

Моя ситуация такова: Я действительно в Париже, счастлив душой и телом, счастлив, если бы вы тоже наслаждались им, и счастливее всего, если бы мне выпало счастье иметь вас рядом с собой. Я действительно в Париже, в этом городе королей, который не только удерживает сладостным восторгом своего естественного приданого тех, кто рядом с ним, но и манит тех, кто далеко. Ибо как луна величиим своего более блестящего зеркала затмевает лучи звезд, так и этот город не иначе возвышает свою императорскую голову с диадемой королевского достоинства над остальными городами. Он расположен на лоне восхитительной долины, окруженной короной гор, которые Церера и Бахус украшают с пылким усердием. Сена, не скромный ручеек среди армии рек, превосходна в своем русле, бросая два своих объятия на

голову, сердце, самый мозг города, образует остров. Справа и слева от него тянутся два предместья, из которых меньшее, даже превосходное, вызывает зависть в завистливых городах. Из двух пригородов на остров ведут два каменных моста, один из которых, названный так за свои размеры, так как он Большой, обращен к северу и Английскому морю, а противоположный, который открывается к Луаре, называют Малым мостом.....

На этом острове Философия издревле воздвигла для себя королевский трон, Философия, которая, презираемая в своем одиночестве, с единственным помощником, Учением, теперь владеет прочной цитаделью света и бессмертия, и под ее победоносными ногами попираются увядшие цветы мира, уже отжившего свой век.

На этом острове семь сестер, то есть Свободные искусства, обеспечили себе вечное пристанище, и звонким голосом их благородного красноречия провозглашаются декреты и законы.

Здесь бьет целебный источник познания, и, словно испуская из себя три самых прозрачных потока, он троекратно разделяет знания священной страницы на историю, аллегорию и мораль[81].

(4) ИОГАНН ФОН ЙЕНЦЕНШТЕЙН МАСТЕРУ БЕННЕСУ ИЗ ХОРШОВИЦА, КАСАТЕЛЬНО ПАРИЖА (1375.)

Мастер Бенессий, дорогой товарищ и друг. Если тебе неизвестны недавние дела в Париже, если изобилие удовольствий, изобилие всего съестного, нравы людей, щедрое предложение всех наук, даже умное обучение многим материальным ремеслам, - если бы ты мог увидеть лишь тень всего этого, то, конечно, одолеваемый их доводами, ты отбросил бы свою медлительность и щедро вошел бы в вышеупомянутых удовольствий; и твои глаза, состарившиеся на старых достопримечательностях, обновили бы свою молодость на этих новых

Ибо здесь (говорит писатель с сарказмом) есть выдающиеся врачи многих способностей, одни из которых своим безумным образом мыслей, другие - безумным образом действий, третьи - нанесением ран, четвертые - оскорбительными словами, доставляют наслаждение, которое чрезвычайно приятно; и (добавляет он более серьезно) есть и другие мастера, тонко обученные семи свободным искусствам, чей пример и учение украшают всю землю, как и небо, звездами; и некоторые из этих мастеров освещены тремя тривиальными, некоторые - четырьмя квадравиальными, а некоторые - и тривиальными, и квадравиальными.

Итак, три тривиала - это грамматика, которая ясно учит согласованию речей; начиная с нее, юноша, придерживающийся первого учения, делает начало, благодаря которому он может получить более глубокий вкус к глубинам и другим знаниям; Второе - риторика, которая очарованием своих красок украшает, как жемчугом, предмет, облагораживает грамматику и влагает в уши людей то, что они слышат; третье - логика, с помощью которой метод искусного дедуктивного рассуждения закрепляется за отдельными науками, без чего силы всех наук затихают, и с помощью которой все науки упорядочиваются". (Письмо заканчивается аналогичным описанием квадравиалов)[82].

2. ДВА ОКСФОРДСКИХ ПИСЬМА ПЯТНАДЦАТОГО ВЕКА

(1) ОКСФОРДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ - ГЕРЦОГУ ГЛОСТЕРСКОМУ, ПРИЗНАНИЕ КНИЖНОГО ДАРА. (1439.)

Самый прославленный, самый культурный и великолепный принц, непреходящая ценность благ, которые вы оказали английской нации, и заслуг вашего могущественнейшего высочества в ее интересах никогда не умрет, но, с выдающейся славой, обреченной на вечность, будет процветать с постоянно возобновляемыми похвалами и счастливыми воспоминаниями. Как приятно нам снова и снова размышлять об этом! Среди прочего, однако, само это деяние возвеличивает великолепие вашего могущественнейшего высочества, а именно то, что после подавления еретических заговоров против церкви Божьей вы решили оживить виноградник Господа, вашей служанки, Оксфордский университет, книгами по всем наукам и добродетелям, из которых можно выжать обильное вино знаний и истины под прессом обучения. По этой причине мы излагаем в этом скромном письме нашу благодарность, нашу хвалу и наши молитвы, но мы не можем выразить себя адекватно.

В каком из университетов нашелся принц, столь благородный, столь прославленный, столь великолепный, - чья служба на поприще всегда была успешной, чей ум наиболее либерален, и кто проявляет милосердие ко всем, справедливость к каждому и не причиняет вреда никому. Какой почитатель мудрых был столь благочестив, какой их сторонник столь эффективен, какой покровитель наук, добродетелей и книг столь щедр? И благодаря им не только сердца живущих просвещаются во славу Божию и во имя добродетели, но еще больше в грядущие века будут просвещены потомки. Разве может исчезнуть счастливая память о столь великих деяниях? Нет, но это будет благословением навеки.

По словам вашего просителя был составлен и будет вечно действовать устав, который никогда не перестанет молиться за вас, но будет служить вечной памятью. Поэтому, хотя слава других может ослабевать с течением времени или исчезать, будучи заслоненной восходом более великих людей, ваша слава не может погибнуть под облаком забвения и не может, по правде говоря, быть заслонена тенью более великих благодеяний.

Если великие завоевания Александра доходят до нас, обновляясь день ото дня благодаря усилиям мудрых греков, запечатлевших эти деяния на бумаге, то насколько больше этот Университет, ваша преданная мольба, будет свидетельствовать о ваших великолепных деяниях до конца времен не только своими молитвами, но и своими трудами? И если бы языки всех молчали, сам факт свидетельствовал бы больше, чем слова, а именно: сто тридцать девять драгоценнейших томов по теологии, медицине и семи гуманитарным наукам были переданы в нашу библиотеку из вашей собственной коллекции, как вечное свидетельство ваших непревзойденных добродетелей и щедрости.

Поэтому мы молимся, чтобы вы были готовы смотреть на этот университет как на ваш виноградник, вашу служанку и вечную мольбу. И пусть Сам славный Господь, избравший ваше спокойствие для дарования таких благодеяний, дарует вам плоды духа и направит вас в Университет святых. Написано в Оксфорде в нашей общине в двадцать пятый день месяца января.

Смирнейший молещик Вашего Сиятельства, Университет обучения в Оксфорде[83].

(2) ПИСЬМО С РЕКОМЕНДАЦИЯМИ ДЛЯ МР. ДЖОНА КИНГА ИЗ ОКСФОРДА

Всем чадам Святой Церкви, нашей Матери, к которым может прийти это письмо, канцлер Оксфордского университета и все собрание магистров, правящих в нем, шлют приветствие в объятиях нашего Спасителя. Мы верим, что приносим жертву перед лицом высшей истины, как часто мы даем свидетельство высокой похвалы тому, кто превосходит в добродетели и знаниях. Поэтому мы, желая, чтобы все, кого это может касаться, знали о достойной жизни и благоухании честной беседы нашего возлюбленного брата, мастера Джона Кинга, магистра богословия и студента Священной теологии. и студента по Священному богословию, благоразумного прокурора нашего университета, который исполняет свою должность самым эффективным образом; Поэтому, как мы уже говорили, желая, чтобы все знали, как мы обязаны делать, - и чтобы столь яркий свет не был скрыт под пологом молчания, - мы свидетельствуем этим письмом, что благодаря похвальным заслугам нашего вышеупомянутого брата и его учебе он достиг такого мастерства, что благоуханная слава его имени, которое похвала его превосходных действий вознесла на вершину славы у нас, не может быть скрыта: а с высоты своего возвышенного пьедестала он служит живым примером для подражания всем ученым и великим светом для всех людей в целях полезного обучения. И вот, украшая наш университет своим присутствием и затмевая всех зрелостью и достоинством своего характера, он завоевал всеобщую любовь своим безупречным именем. Поэтому мы представляем его на суд вашего высокопреподобия, искренне молясь, чтобы вы проявили к нему благосклонность и доброту, как из уважения к нашему университету, так и за его заслуги. В подтверждение чего, а также для того, чтобы все могли более полно узнать о его похвальном характере, мы заставили запечатать это письмо для упомянутого магистра Джона печатью нашего университета.

Дано в Оксфорде, в доме конгрегации, 9 февраля 1434 г.[84]

СНОСКИ:

[Сноска 77: *Chart. Univ. Paris.*, I, f. 47].

[Сноска 78: *Chart. Univ. Paris.*, I, No. 22, p. 24].

[Сноска 79: Jaffé, *Bibliotheca*, V, pp. 285, ff.]

[Сноска 80: *Chart. Univ. Paris.*, I, No. 51, p. 50].

[Сноска 81: *Bulletin de la Société de l'Histoire de Paris*, 1877, p. 37 f.]

[Сноска 82: *Archiv für oesterreichische Geschichte*, Vol. 55, p. 385].

[Footnote 83: *Epistolae Academicae Oxon.*, I, p. 177].

[Сноска 84: *Epistolae Academicae Oxon.*, I, p. 113].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

=1. Дополнительные чтения из источников.

MUNRO, D.C. *The Mediaeval Student*. (Переводы и перепечатки из первоисточников европейской истории, т. II, № 3.) Студент не должен не приобрести эту небольшую брошюру, которая является необходимым дополнением к нескольким чтениям в настоящем сборнике. Она содержит полезные пояснения, а также важные документы. Цена - десять центов. Лонгманс, Грин и Ко, Нью-Йорк.

ROBINSON, J.H. *Readings in European History*. Том I, гл. xix, и особенно с. 446-461. Чтения об Абельяре, Аристотель в университетах, Роджер Бэкон.

ХЕНДЕРСОН, Э. Ф. *Избранные исторические документы Средневековья*, с. 262-22. *Исторические документы Средневековья*, стр. 262-266. Устав Гейдельбергского университета, 1386.

=2. Общие сведения по истории средневековых университетов.

RASHDALL, HASTINGS. *Университеты Европы в средние века*. Ages. Oxford: The Clarendon Press, 1895. 1273 страницы, 2 тома в трех частях. Во многом лучшая работа на эту тему; основанная на источниках. Незаменима для справок.

Мюллингер, Дж. Б. *Британская энциклопедия*, Искусство. *Университеты*. "Первый достаточно корректный (хотя и очень краткий) рассказ который появился на английском языке". Включает в себя историю университетов историю университетов до 1882 года.

Энциклопедия Britannica и другие энциклопедии. Студентам, не имеющим доступа к работам, упомянутым в этом списке, напоминаем, что краткие сведения о людях и предметах, рассматриваемых здесь, часто можно найти в хороших энциклопедиях.

=3. Библиографии.

Лучшее собрание ссылок на обширную литературу по данному предмету находится в работе Рашдалла, хотя оно не включает книги и статьи, опубликованные после 1895 года. Компейре (см. ниже) включает краткий список. Ссылки на источники и вторичные работы по семи либеральным искусствам опубликованы Абельсоном; ссылки, касающиеся университетских учебников греческого происхождения, - Лумисом (см. ниже).

=4. Учебники.=

COMPAYRÉ, G. *Abelard and the Origin and Early History of Universities*. New York: Charles Scribner's Sons, 1892. По-прежнему лучший учебник для использования в классе. Содержит многочисленные ошибки, которые следует исправить путем сравнения с Рашдаллом.

ВУДВАРД, У. Х., редактор. *Средневековые школы и университеты*. Cambridge Contributions to Modern History, I. New York: G.P. Putnam's Sons. Эта работа, которая все еще находится в стадии подготовки, вероятно, вытеснит Compayré.

5. Ссылки на специальные темы.

Все темы, рассматриваемые в данном сборнике, обсуждаются в работах Рашдалла и Компайре. Ссылки на страницы можно найти, воспользовавшись указателями, прилагаемыми к их книгам.

=Введение=. Об исторической точке зрения см. J.H. ROBINSON, *Readings in European History*, Vol. I, Chap. I; о месте и использовании документов и других вопросах, связанных с изучением истории, LANGLOIS and SEIGNOBOS, *Introduction to the Study of History*.

=Абеляр=. MCCABE, JOSEPH. *Абеляр*. Ученое исследование, выполненное в блестящем стиле. Главы. I-IV посвящены Абеляру как учителя. Лучшая биография на английском языке.

=Джон Солсберийский=. POOLE, R.L. *Illustrations of the History средневековой мысли*, passim. Национальный словарь Биография, ст. *Иоанн Солсберийский*.

=University Studies=. ABELSON, PAUL. *Семь либеральных искусств*. Лучшее исследование по английскому языку. Содержит много информации об университетских учебниках по этим предметам. LOOMIS, LOUISE R. *Mediaeval Hellenism*. Ценная информация об истории и переводах работ Аристотеля, Галена, Гиппократ и других греческих писателей. ЗЕЛЛЕР, Э. *Аристотель и ранние перипатетики*. Стандартный трактат о работах Аристотеля и их истории.

Студенту настоятельно рекомендуется потратить несколько часов на изучение таких экземпляров средневековых учебников, которые он может найти в библиотеке своего колледжа. Время, потраченное таким образом, гораздо больше прояснит его представления об их характере и объеме, чем долгие разговоры о них. Старые издания, часто с комментариями, могут быть доступны; некоторые библиотеки располагают копиями MS. Переводы наиболее важных работ Аристотеля можно найти в библиотечном каталоге; среди них можно упомянуть "*Риторику*" Дж.Э.К. Уэлдона, "*Политику*" Б. Джоуэтта, "*Никомахову этику*" Ф.Х. Питерса, "*Поэтику*" С.Х. Батчера. Из *Corpus Juris Civilis* Институты были переведены Т.К. Сандарсом, первая часть *Дигест* - К.Х. Монро. *Corpus Juris Canonici* в том виде, в каком он был известен в средние века, не переведен. Это относится и к большинству книг по семи свободным искусствам. Некоторые работы Галена и Гиппократ были переведены на английский язык; но эти переводы старые и, вероятно, неточные.

=Академические письма=. HASKINS, C.H. *The Life of Mediaeval Students as Illustrated by their Letters*. *American Historical Review*, 1897-1898. Краткое, но важное исследование, основанное на источниках; ссылается на некоторые из печатаемых здесь писем.